

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Кондратенко Екатерина Николаевна

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОКСОНИМЫ
В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ).

10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор
С.В. Лебедева

Курск 2014

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. ПРОБЛЕМА ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В СВЕТЕ НОВОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЫ.....	14
1.1. Вводные замечания.....	14
1.2. Язык и идеология: общие замечания по истории вопроса.....	14
1.3. Идеологические проксонимы: интерпретация понятия.....	23
1.4. Контексты функционирования идеологических проксонимов.....	31
1.4.1. Социальный контекст.....	35
1.4.2. Культурный контекст.....	48
1.4.3. Индивидуальный лексикон.....	54
1.5. Выводы по главе 1.....	58
Глава 2. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРОКСОНИМОВ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ.....	61
2.1. Вводные замечания.....	61
2.2. Вопросы организации экспериментального исследования.....	61
2.2.1. Критерии отбора материала для исследования.....	62
2.2.2. Свободный ассоциативный эксперимент.....	63
2.2.2.1. Сведения об участниках эксперимента.....	64
2.2.2.2. Количественный анализ экспериментального материала... ..	65
2.2.2.3. Функциональные опоры переживания сходства.....	65
2.2.3. Методика субъективных дефиниций.....	80
2.2.3.1. Сведения об участниках эксперимента.....	81
2.2.3.2. Результаты количественного анализа.....	81
2.2.3.3. Критерии проксонимичности в контекстах субъективных дефиниций.....	82
2.3. Критерии проксонимичности с опорой на параметр «время».....	89
2.4. Корпусный анализ идеологических проксонимов.....	119

2.5. Выводы по главе 2.....	140
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	142
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	147
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	166
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	167
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	169
ПРИЛОЖЕНИЕ 4	171
ПРИЛОЖЕНИЕ 5	172
ПРИЛОЖЕНИЕ 6	175

ВВЕДЕНИЕ

Науке о языке XXI века свойственно обращение к антропологическому фактору, обуславливающему определение нового потенциала традиционной лингвистической концепции. При этом наблюдается вполне закономерное взаимодействие языкознания с психологией, нейрофизиологией, социологией, когнитивистикой и психолингвистикой.

Лексика, основная функция которой – воздействие на массовое сознание, описана и проанализирована в разные периоды общественного развития в значительном количестве работ [Бахтин 1979, 2000; Шейгал 2000а; Чудинов 2003, 2009; Солганик 1981; Гусейнов 2003, Эпштейн 1991, Карасик 2002б; Кара-Мурза 2004, Сорокин 1997; Купина 1995, 2000; Водак 1997; Норман 1995, ван Дейк 1989, 2000; Hodge, Kress 1993], следует отметить доминирующую тенденцию изучения идеологической лексики в рамках политического дискурса. Это объясняется тем, что лексические единицы достаточно чувствительны к изменениям, происходящим за счет подвижности идеологических впечатлений, обусловленных политической обстановкой. Согласно мнению Р. Барта, каждый политический режим располагает своим письмом, которое определяет любую власть: что она собой представляет, какой хочет выглядеть, как себя репрезентирует. Таким образом, особенно в периоды социальных потрясений, революций, политическое, научное, а также художественное письмо становится «утопией языка» [Барт 2000: 96].

По утверждению Т.А. ван Дейка, идеологичность присуща текстам средств массовой информации, т.к. идеология – это способ соотнесения новостей с процессами их институционального и социального производства и потребления, а также с экономическими условиями их производства и распространения [Дейк 2000: 137]. Однако существует и более широкое понятие идеологичности, включающее в себя все аспекты жизни человека в обществе. В качестве примера приведем мнение М.М. Бахтина, для которого

идеологичность имела семиотическую подоплеку. Иными словами, ко всякому знаку, по мнению ученого, могут быть применены меры идеологической оценки, такие как *ложь, истина, справедливость, добро* и пр. [Бахтин 2000]. Для обозначения всех объективно существующих форм идеологии ученый ввел понятие *идеологемы*, подразумевающей некий идеологический знак или систему знаков, составляющих образ социального кругозора [Бахтин 2012: 87, 111]. В свою очередь В.Б. Кашкин объединяет термин «идеологема» с такими понятиями, как мифологема и стереотип [Кашкин 2002]. Ученый связывает данные явления с готовностью к действию или реакции и полагает, что они сопоставляются с уровнем организации толерантного сознания в обществе и с поведенческими стереотипами отдельного носителя языка и культуры [там же]. Н.А. Купина понимает под идеологемой слово или словосочетание, в семантике которого присутствует идеологический компонент [Купина 1995].

Динамика языковых трансформаций, обусловленная культурными, экономическими, политическими и другого рода событиями, оказывает влияние на сознание, миропонимание и мышление населения государства, а также на стереотипизацию его поведения. Идеологически окрашенные слова в различных контекстах могут приобретать разные оттенки смыслов и оценочности. Использование конвенциональных социальных, профессиональных и «наивных» значений приводит к тому, что информация, как правило, не верифицируется, поскольку имеет значение опора на сложившийся консенсус, заданный конкретной предметной областью [Лебедева 2013]. Подобная тенденция постепенно приводит к упрощению языка. Так, Е.А. Покровская отмечает тенденцию современной коммуникации к разъединению связей, замене сильных связей слабыми, неприятие проявления, выписывания, уточнения, нюансировки языковых связей [Покровская 2001].

Проблема функционирования слова в рамках язык-социум-культуральность акцентируется в работах лингвистов, изучающих когнитивную

сущность языковых процессов (Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин, З.Д. Попова, В.И. Карасик, Р.М. Фрумкина, Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин, Е.И. Голованова и др.). В проведенном нами исследовании используется психолингвистический подход к значению и к идеологической лексике. Мы рассматриваем слово в рамках индивидуального лексикона, под которым мы, вслед за А.А. Залевской, понимаем «динамическую функциональную систему, самоорганизующуюся вследствие постоянного взаимодействия между процессом переработки и упорядочения речевого опыта и его продуктами» [Залевская 2000: 154]. Следует также отметить, что для пользующегося языком человека значение слова реализуется через включение его в некоторую более объемную единицу – пропозицию, фрейм, схему, сценарий, событие, ментальную модель и т.п. Иными словами, значения функционируют не по отдельности, а в определенных связях, которые к тому же складываются во все более обширные объединения: кластеры (группы), поля, сети» [Залевская 2005: 222].

В данной работе мы исходим также из теории проксиматики как объяснительного принципа специфики функционирования идеологических проксонимов в индивидуальном лексиконе. Вслед за С.В. Лебедевой мы полагаем, что связь между предметами или явлениями по сходству или подобию устанавливается на основании чувственных или интеллектуальных интуиций, когда человек не осознает, по каким именно признакам он выделил сходство. Актуализация отдельного в большей степени выделяющегося признака объекта сопутствуется подсознательным учетом и остальных характеристик данного объекта, одновременно обусловленного определенной ситуацией, в свою очередь, находящейся в составе более глубокого фрагмента индивидуальной картины мира [Лебедева 2002]. По мнению ученого, проксонимия – это комплексное явление, которое может быть представлено в языке номинациями разного рода. На основании вышесказанного, С.В. Лебедева предлагает психолингвистическую классификацию проксонимов и выделяет идеологические проксонимы как

вербальные единицы, сходство/различие которых в индивидуальном лексиконе обусловлено социальным фоном и побуждающим мотивом употребления в ситуации общения. [Лебедева 2012]. В проведенном нами исследовании мы посчитали необходимым уточнить определение идеологических проксонимов с опорой на следующие параметры их функционирования в индивидуальном лексиконе: область употребления, цель, отношение, эмотивность. Мы *рассматриваем в качестве идеологических проксонимов вербальные единицы, сходство/различие которых обусловлено социальными, культурными, житейскими и личностными конвенциями в ситуации «здесь и сейчас».*

Безусловно, социум оказывает непосредственное влияние на языковую ситуацию в целом и, в частности, на отношение человека к событиям, обозначенным теми или иными словами. Интерес к языку, как неотъемлемой части политической жизни страны и способу формулирования идеологических воззрений, становится особенно актуальным во время социальных реформ и изменений. В результате появления конвенциональных значений, связанных с социокультурными реалиями современного мира, определилась значимость опоры на сформировавшееся в обществе представление, определяемое той или иной ситуацией общения. Наивные знания носителей языка не подвергаются научной верификации, что предопределяет наличие приближенных названий, позволяющих использовать идеологические проксонимы с разными целями в различных типах дискурсов.

Актуальность исследования обусловлена повышенным вниманием к вопросам идеологии, которые приобрели особое звучание в свете современной политики, поскольку отражение реальности в человеческом сознании проявляется в том, как человек понимает окружающий мир, что выделяет для себя как наиболее значимое.

Объектом исследования являются идеологические проксонимы. **Предметом** – особенности функционирования идеологических проксонимов в индивидуальном лексиконе.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что специфика функционирования идеологических проксонимов в лексиконе индивида обусловлена социокультурным фоном и концептуальной сферой человека.

Цель диссертации – на основании антропоцентрического подхода к языку и психолингвистической концепции значения слова уточнить определение изучаемого феномена и выявить специфику его функционирования в индивидуальном лексиконе на современном этапе развития социума.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) проанализировать различные подходы к пониманию идеологии с целью определения особенностей изучения идеологически окрашенной лексики в рамках современного языка;
- 2) рассмотреть специфику идеологических проксонимов на основании их зависимости от прагматики житейских норм и соглашений;
- 3) определить обусловленность возникновения идеологических проксонимов социокультурными реалиями и индивидуальным лексиконом;
- 4) рассмотреть особенности функционирования идеологических проксонимов в различных контекстах;
- 5) провести многоэтапное экспериментальное исследование, в рамках которого:
 - обозначить факторы, определяющие смысловое сходство лексических единиц в речевой организации индивида;

- выявить влияние опор на знания, признаки и ситуацию «здесь и сейчас» на функционирование идеологических проксонимов в индивидуальном лексиконе;
- проследить влияние социокультурных и возрастных факторов на специфику формирования идеологических проксонимов;
- сравнить результаты методики субъективного дефинирования с конкордансами Национального корпуса русского языка.

Для достижения поставленных цели и задач были использованы следующие **методы и методики**: описательный метод, метод свободного ассоциативного эксперимента, методика субъективных дефиниций, корпусный анализ, метод количественной обработки экспериментальных данных, сопоставительный анализ экспериментальных данных.

Материалом послужили данные, полученные по результатам трех этапов экспериментального исследования, в котором приняли участие 108 носителей русского и 20 носителей английского языка разного возраста и пола. Всего проанализировано 945 реакций и 1303 субъективные дефиниции на русском языке, а также 297 реакций, данных носителями английского языка (итого – 2545 реакций), а также 42 конкорданса, взятых из Национального корпуса русского языка.

Теоретическим основанием настоящего исследования являются изыскания отечественных и зарубежных исследователей идеологии и идеологической лексики (М.М. Бахтин, М.Н. Эпштейн, Т.А. ван Дейк, С.Г. Кара-Мурза, Р. Барт), социолингвистики (В.Б. Кашкин, В.И. Карасик, Л.П. Крысин, В.А. Виноградов, Е.И. Шейгал), психолингвистическая теория значения и концепция внутреннего лексикона А.А. Залевской, теория проксиматики С.В. Лебедевой.

Научная новизна исследования заключается в реализации психолингвистического подхода к изучению идеологических проксонимов. Доказана принципиальная возможность выявления особенностей функционирования названного феномена в индивидуальном лексиконе на

основании таких параметров, как: область употребления, цель, отношение, эмотивность.

По итогам проведенного исследования на защиту выносятся **следующие теоретические положения:**

1. Границы идеологической проксимии чрезвычайно подвижны и обусловлены контекстами ее функционирования. Классификационные схемы, выстроенные на этой основе, закрепляют лишь антропоцентрическое концептуальное структурирование действительности, определение приоритетов, обусловленных социокультурным фоном и житейским опытом.

2. В контексте современной идеологии формирование проксимических связей осуществляется на основании взаимодействия различных типов сходства и отражает различия в мировоззрении коммуникантов. Вариативность проксимических признаков коммуникации определяется личностью пользователя и спецификой контекста общения.

3. Идеологические проксимы в индивидуальном лексиконе не столько именуют, сколько вводят в сознание реципиента или закрепляет его оценку, отношение к предмету или явлению, что определяется сложным взаимодействием процесса субъективного оценивания той или иной лексемы индивидом с внутрисистемными и экстралингвистическими факторами. Расширение контекста функционирования исследуемого феномена можно объяснить тем фактом, что единицы, входящие в пространство близости значения, находятся в отношении пересечения.

4. Предметы и явления демонстрируют разную степень проявленности того или иного признака как основания для сходства или различия. Поэтому необходимо различать само представление или знание о предмете и индивидуальное

представление о нем в конкретной ситуации. Эти существенные и несущественные признаки и определяют разнообразие языковых средств выражения сходства.

5. Сознание человека способно оперировать концептуальными классами, не имеющими обобщающего имени и места в какой-либо иерархической структуре, но обладающими явной психологической значимостью в ситуации «для меня, здесь и сейчас». При этом объединяться предметы или объекты могут на основании любого субъективно значимого принципа в определенный момент.

6. Специфика функционирования идеологических проксимов в индивидуальном лексиконе связана с их предметностью и обусловлена социальными, культурными и личностными конвенциями на определенном этапе развития общества. Они способствуют стремлению индивида управлять результатами накопленного ранее многогранного опыта, которые зафиксированы в виде вербальной формы как средства доступа к единой информационной базе, а также предоставляют возможность рассматривать проявление общих правил сходства на индивидуальном уровне.

Теоретическая значимость определяется вкладом в социолингвистику, исследование идеологической лексики, психолингвистическую теорию значения, теорию проксиматики. Расширено определение идеологических проксимов, определена специфика их функционирования в индивидуальном лексиконе. Подтверждается целесообразность использования комплекса экспериментальных методик в рамках одного исследования для рассмотрения функционирования идеологических проксимов в индивидуальном лексиконе.

Практическая значимость проведенного исследования состоит в том, что оно носит междисциплинарный характер, его результаты

могут использоваться в учебных курсах по теории языка, психолингвистике, психологии, философии. Материалы исследования могут также быть использованы в сфере журналистики, политики, культурологии, социологии.

Апробация работы: основные положения диссертации были представлены на VI Всероссийской научно-практической электронной конференции с международным участием «Язык. Коммуникация. Культура» (Курск, КГМУ, 2012г.), на Международной научной конференции «Жизнь языка в культуре и социуме – 3» (Москва, Инст-т языкознания РАН, РУДН, 20-21 апреля 2012г.), на IV Международной научно-практической конференции «Язык для специальных целей: система, функции, среда» (Курск, ЮЗГУ, 11–12 мая 2012г.), на I Международной научно-практической конференции «Научные аспекты инновационных исследований» (Самара, 6-8 марта 2013г.), на III Всероссийской научно-методической конференции «Слово – образ – текст – контекст» (Одинцово, 24–25 мая 2013г.), на V Международной научно-практической конференции «Язык для специальных целей: система, функции, среда» (Курск, ЮЗГУ, 20–21 мая 2014г.). По теме исследования опубликовано 13 статей, 4 из которых входят в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка и приложений.

Во **Введении** обосновывается актуальность работы, ее новизна, объект и предмет исследования, цель, задачи, теоретическая и практическая значимость, структура работы и положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** рассматриваются теоретические основы изучения идеологической лексики с точек зрения различных наук: философии, лингвистики, психолингвистики, культурологии и социологии. Подвергаются анализу причины установления смыслового сходства, а также изучается

специфика идеологической проксимии в рамках социокультурного контекста и индивидуального лексикона.

Вторая глава посвящена описанию и интерпретации многоэтапного экспериментального исследования (свободный ассоциативный эксперимент, 2 эксперимента с использованием методики субъективных дефиниций) и корпусному анализу идеологических проксимов с привлечением данных Национального корпуса русского языка.

В **Заключении** подводятся итоги проведенной работы, а также определяются перспективы дальнейших исследований в данной области.

В **Приложениях** представлены бланки опроса, а также примеры реакций, полученных в результате свободного ассоциативного эксперимента и экспериментов с использованием методики субъективных дефиниций.

Глава 1. ПРОБЛЕМА ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В СВЕТЕ НОВОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЫ

1.1. Вводные замечания

Интерес лингвистов к идеологической лексике обусловлен многочисленными факторами: частое употребление идеологически окрашенных слов в текстах СМИ, постоянное обновление идеологически окрашенных слов, зависимость их появления от политических событий, возможность оценки общего состояния языка и аксиологической картины мира на основе анализа идеологической речи, манипулирование сознанием человека через рекламу и телевидение и т.д. Понятие идеологических проксонимов достаточно многогранно и может рассматриваться с различных точек зрения, поскольку существует множество смежных явлений в различных областях знаний, таких как философия, политология, психология, социология, журналистика. Задача нашего исследования – выявить особенности функционирования идеологических проксонимов в лексиконе человека на современном этапе развития социума.

1.2. Язык и идеология: общие замечания по истории вопроса

Традиционно идеология относится к сфере интересов философии и социологии. Существует огромное количество исследований этого феномена, что свидетельствует о его невероятной сложности и многогранности. Следует отметить, что под термином «идеология» (от греч. Idea - представление и Logos – учение) обычно понимают систему взглядов, идей, убеждений, ценностей и установок, выражающих интересы различных социальных групп, классов, обществ, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты; а также содержатся цели (программы) социальной

деятельности, направленной на закрепление или изменение существующих общественных отношений [URL: <http://www.glossary.ru>].

Впервые понятие идеологии было использовано французским ученым начала XIX века А.Л.К. Дестют де Траси для определения учения о всеобщих закономерностях порождения идей посредством приобретения чувственного опыта [Бакулов 2003: 122]. Изначально под идеологией понималась совокупность взглядов об идеях, являющихся основанием для политических, философских, социологических и других наук. Определение идеологии имеет множество трактовок, отличающихся различными смысловыми оттенками обозначаемого явления. Так, например, Ролан Барт понимает под идеологией современный метаязыковой миф, коннотативную систему, приписывающую объектам не прямые значения, и социализирующую их. Согласно мнению К. Мангейма, идеология – это система идей и убеждений господствующих групп, а также бессознательные факторы, скрывающие реальное положение дел в обществе и выполняющие консервативную функцию [Реале, Антисери 1997: URL].

Безусловно, любая идеология отображает социальную жизнь в сознании людей и оказывает непосредственное влияние на формирование общественных норм и оценок. Отношение к происходящим внутри социума событиям также обусловлено идеологическими воззрениями. Специфика сегодняшней идеологии заключается в совокупности разногласий и вопросов, связанных с политическими, социокультурными и экономическими обстоятельствами. Подобное изменение реальности происходит, в том числе, за счет манипуляции общественным сознанием посредством языка, в результате чего идеологические коннотации некоторых слов зачастую изменяют их значения.

Известный мыслитель Карл Маркс в книге «Немецкая идеология» выражал свое негативное мнение об идеологии как форме политического мышления. Для него идеология представляла собой ложное сознание, выражающее специфические интересы определённого класса, выдающиеся за

интересы всего общества (цит по: [Баллаев 2004]). Что касается советской идеологии, то, по мнению философа М.С. Уварова, она осуществляла двоякую функцию. Так, с одной стороны, советская идеология всецело заменила собой почти все формы свободомыслия и была близка по своему содержанию с классическим определением де Траси. Однако в то же время происходило постепенное разрушение идеологии как идеальной формы бытия. Таким образом, формировалось общество, которое отвергало всякую идеологию [Уваров: URL].

В современном мире идеология активно использует вербальные средства для достижения определенных целей. Иными словами, язык может выступать в роли инструмента убеждения, влияющего на сознание и мировоззрение людей. Личное и общественное сознание реализуется в языке, который может способствовать созданию определенных стереотипов поведения в коллективном сознании общества, что определяет появление новых идеологий. Как полагает А.В. Жукоцкая, идеология является доминирующим способом интерпретации социального бытия. Автор отмечает, что феномен идеологии проявляется и в экономической деятельности людей, и в категории интереса, и в элементах гражданского общества, и в чистой субъективности человека, и в социальной психологии, и в традиции и культурном коде общества, и в мифологии и религии [Жукоцкая 2009].

В российской научной традиции предпосылки изучения процессов идеологизации языка были заложены издавна. Так, например, М.М. Бахтин утверждал, что «язык входит в жизнь через наши высказывания, через конкретные же высказывания и жизнь входит в язык» [Бахтин 1997: 162], следовательно, всегда, по нашему мнению, существует вероятность семантической неопределенности.

С точки зрения философии, идеологические процессы тесно связаны с понятием «менталитет», которое определяется в том числе и как совокупность взглядов, суждений и чувствований представителей общества,

определенного времени, места жительства и социальной среды, особый психологический уклад людей, воздействующий на исторические и социальные процессы [Манекин 1991]. В.П. Зинченко полагает, что идеология – это искаженная форма сознания и понимает под идеологизацией человека подмену становления личностного сознания становлением коллективного бессознательного со всеми присущими ему шаблонами, аксиомами, запретами и т.д. [Зинченко 1997]. Согласно мнению известного писателя и политика В. Гавела, идеология является вымышленным способом нахождения своего места в мире и дает индивиду видимость самостоятельности, нравственности и достоинства, в то же время, позволяя ему не обладать этими качествами. Идеология также представляет собой модель определенных ценностей, которые дают возможность человеку обманывать свою совесть, утаивать свое реальное положение и образ жизни. Таким образом, по мнению ученого, идеология – это прикрытие истинных мыслей и желаний индивида [Гавел 2004].

В лингвистической традиции связь языка и идеологии выявляется через присутствие идеологической лексики, которая анализируется в контексте политического дискурса и дискурса средств массовой информации [Баранов 1997, 2000; Гусейнов 2003; Земская 1996; Кара-Мурза 2004; Караулов 1991; Купина 1995, 2000; Норман 1995; Чудинов 2009; Шаховский 2000; Шейгал 2000а и др.]. Исследователи полагают, что политический дискурс управляется такими идеологиями, как демократия, либерализм, социализм с помощью социальных принципов, с одной стороны, и ментальными моделями определенных событий и контекстуальными моделями коммуникативной обстановки, с другой стороны [Гаврилова 2002]. Таким образом, идеологический анализ заключается в рассмотрении уровней, структур и стратегий, в которых идеологические убеждения выражают себя в политическом дискурсе, а также в подтверждении взаимоотношений различных идеологий [Головань 2010].

Соответственно, в работах последних лет интерес учёных направлен на исследование политического дискурса, он становится рабочим инструментом идеологов. Кроме того, данный вид дискурса посредством языкового поведения может являться источником определённых идеологических установок и коммуникативных стратегий [Жукоцкая 2009].

Однако в настоящее время ограниченность идеологизации языка исключительно рамками политических дискурсов становится все более очевидной. Нельзя не согласиться с мнением М.М. Бахтина о том, что идеологический аспект проявляется в любом знаке, т.е. всякое проявление человеческой деятельности, имеющее значение, смысл и внутреннюю ценность, может выступать в качестве продукта идеологического характера [Медведев (Бахтин) 1928].

В лингвистике идея об идеологизации языка и специфике функционирования идеологической лексики в определенных контекстах также нашла свое воплощение в выявлении так называемого «тоталитарного языка» (см., напр., [Дейк 1989, Клемперер 1998, Купина 1995, Почепцов 1994, Романенко 2003, Шакирова 2006] и др.). Под тоталитарным языком понимают язык социальной группы, захватившей в стране власть, т.е. данный вид коммуникации функционирует лишь в тех сферах жизни, где есть групповая связь, а не охватывает всю жизненную целостность [Клемперер 1998]. Таким образом, тоталитарный язык не признает индивидуальное общение, что приводит к подавлению личности и становлению открытой общественности. Показательно, что использование тоталитарного языка тесно связано «с языковой политикой, под которой подразумевают сознательное влияние социума на язык и формирование общественных основ, устанавливающих идеологическую взаимосвязь политической системы с развитием и функционированием языка» [Лингвистический энциклопедический словарь 2002: 616]. Для такого подхода характерно исследование идеологической лексики, прежде всего, как политического и психического феномена, что предполагает междисциплинарный подход. Как

известно, языковая политика в определенной степени воздействует на лексико-семантическую систему, оценочную окраску лексики и ее функционирование в общественной системе ценностей.

Согласно Н.А. Купиной, процесс идеологизации традиционной лексики подразумевает обновление лексического состава языка за счет новой лексики и новых соединений слов с идеологическим содержанием [Купина 1999]. С.Г. Кара-Мурза рассматривает языковую идеологизацию с точки зрения манипуляции сознанием и полагает, что «язык идеологии, созданный как замена религии в атеистическом обществе промышленной цивилизации, для того и служит, чтобы внедрять в сознание скрытые смыслы» [Кара-Мурза 2009: 15]. Разумеется, многое из того, что лежит в основе современного понимания идеологизации языка, известно уже давно. По мнению советского лингвиста В.М. Жирмунского, слова, входящие в идеологический перечень языка, являются показателем языкового строительства эпохи, а появление в языке новой лексики указывает на его идеологическую перестройку [Жирмунский 1936].

Показательно, что происходящие в обществе процессы влияют на качество идеологической лексики. Нынешнюю идеологию можно охарактеризовать тем, что она зачастую выражается некоторыми противоречиями, трудностями, обусловленными особенностями структуры общества, его традициями и степенью финансового благополучия. Такое несоответствие действительности связано с определенными общественными интересами. *Воздействие языка на сознание человека приводит к тому, что идеологическая окраска и ценностная характеристика определенных слов подвергается смысловым изменениям.* Не все авторы признают, что идеологизированный компонент языка подвержен несомненному влиянию социальных факторов. Так, по мнению Ф.де Соссюра, «...носитель языка – языковой коллектив не участвует в изменении языка, его роль чисто пассивная, он «привязан» к языку такому, какой имеет, и выйти за пределы унаследованной системы не может» (цит. по: [Якубинский 1986: 71]).

Однако влияние идеологии на сознание человека очевидно, т.к. она выступает в роли «зеркала» общественной жизни и оказывает воздействие на становление социума, восприятие событий, происходящих внутри него. Во многих исследованиях указывается, что каждая эпоха вызывает появление новых разновидностей идеологий и, соответственно, идеологизмов, выступающих в роли ценностных идентификаций, которые находят свое отражение в конкурирующих между собой дискурсах и являются распространителями новых взглядов и стереотипов мышления и поведения, иными словами, тех ориентиров, которые образуют дискурсивное пространство нынешнего времени [Русакова, Спасский 2006]. Ценностные идентификации могут быть востребованы с идеологической точки зрения или же не востребованы, что приводит к появлению доминирующих и периферийных идеологических дискурсов. По мнению В.Г. Борботько, отношения между ценностями можно назвать аксиомами, подразделяющимися на базовые и оперативные [Борботько 2011]. К базовым аксиомам можно отнести лексемы, кристаллизованные в языке, т.е. неизменно имеющие большое значение для носителя языка (напр., дом, семья, любовь и т.п.). Оперативные же аксиомы могут с течением времени изменять свой ценностный потенциал и приобретать новое аксиологическое значение вплоть до противоположного.

Таким образом, происходит смысловое изменение идеологической лексики, обусловленное экстралингвистическими факторами. Такие идеологические течения, как фашизм и коммунизм давно потеряли свою актуальность, а их денотаты – классы и нации – утратили свое влияние и стали символическими. Вместе с данными идеологиями ушли и идеологизмы, такие как *пролетариат*, *мелкая буржуазия* и др. Подобная идеологическая лексика, потеряв былой авторитет, становится со временем частью так называемых политических мифов [Русакова, Спасский 2006]. Идеологическая лексика содержит в себе идеи, в которых проявляются не только интересы общества, но также и материальные условия жизни этого

общества. Согласно мнению ван Дейка, идеология проявляется не только в том, что люди думают, но и в том, что они делают. Тем не менее, идеологические установки зачастую могут присутствовать имплицитно, т.е. они не проявляются через конкретные действия. Использование идеологической лексики не ограничивается неформальной деятельностью или общением и может использоваться в таких сферах, как образование и средства массовой информации [Дейк 2000].

Наблюдение над «живым» языком показывает, что понятие «идеологичность» изменило свое значение и может рассматриваться за рамками политического дискурса. Лексика, ранее обладающая нейтральной оценкой (например, *власть, государство, электорат*), приобрела новые значения, оценочность и контексты функционирования. На сегодняшний день трудно провести грань между наивным дискурсом и политическим. Сознание человека и его отношение к жизни изменились, что в свою очередь спровоцировало изменение понимания идеологии в целом. На основании взаимодействия осознаваемого и неосознаваемого/бессознательного в ментальной деятельности, а также под воздействием манипуляции современных социальных институтов изменилась идеологическая окраска лексики, которая приобрела более выраженный оценочный компонент.

Подобные трансформации в языке были отмечены еще М.Н. Эпштейном, который условно разделил все лексемы на три класса по степени их оценочности. К первому классу он отнес слова, прямое значение которых не имеет в себе никакой оценочности: *дом, книга, деревянный* и т.п. Ко второму классу он причислил слова, значение которых содержит оценку, однако в них не указано, к какому именно предмету или явлению данная оценка относится: *хороший, плохой, полезный, вредный* и т.д. Третий класс слов в большей степени заинтересовал М.Н. Эпштейна, т.к. сюда относятся слова со склеенными предметным и оценочным значениями. Такие лексемы автор назвал прагмемами, поскольку семантический аспект в них тесно связан с прагматическим. Именно степень сращения в слове предметных и

оценочных значений и стала для ученого признаком его идеологичности. Согласно его исследованиям, советской идеологии присущи такие слова, как *соратник* и *сподвижник* с одной стороны, а с другой – *сообщник* и *пособник*. Человек мог быть *сообщником* только в каких-то преступных кланах, бандах, а *соратник* или *сподвижник* – в чем-то высоком, достойном, заслуженном. У Сталина могли быть только сподвижники или соратники, а у Гитлера – сообщники или пособники. *Разведчик / шпион* – похожая ситуация: одно явление, но с позитивной или негативной окраской [Эпштейн 2012]. У Ю.Д. Апресяна в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» слова **соратник** и **соучастник** образуют синонимический ряд, ученый полагает, что «говорящий чисто умозрительно объединяет этих людей между собой, усматривая у них какой-то общий признак: *соавтор, собеседник, совладелец, компаньон, соучредитель, соратник, напарник, партнер, сообщник, сотрапезник, собутыльник, соучастник, сосед, соученик, сокамерник*» [Апресян 2004: 979]. Таким образом, мы обнаруживаем у лексем смысловое сходство, несмотря на их различную оценочную коннотацию.

С.В. Лебедева отмечает, что можно говорить «о сходстве или аналогии смыслов или смысловых проекциях, так как в процессе перефразирования человеку приходится иметь дело с использованием комплексов смыслов, при этом рефлексивный вектор, соотносящийся с контекстуальным и дискурсивным окружением, актуализируется в естественном языке с помощью проксимов разного типа» [Лебедева 2013].

Итак, идеологически окрашенные слова в различных контекстах могут приобретать разные оттенки смыслов и оценочности. Использование конвенциональных социальных, профессиональных и «наивных» значений приводит к тому, что информация, как правило, не верифицируется, поскольку имеет значение опора на сложившийся консенсус, заданный конкретной предметной областью [там же]. Иными словами, все большее признание получает мнение о том, что любое социальное изменение, любой

поведенческий акт вызывает мгновенную семантическую репрезентацию, которая обусловлена как нравственной, интеллектуальной, социально-экономической обстановкой в обществе, так и субъективным опытом индивида.

1.3. Идеологические проксонимы: интерпретация понятия

На данном этапе развития науки психолингвистическая парадигма является неотъемлемой частью лингвистического анализа с позиции человека как основного пользователя языковой системы. Антропоцентричность актуальных когнитивных исследований способна раскрыть глубинные механизмы формирования лексических значений, детерминированных личностными знаниями и опытом носителя языка. Согласно мнению А.А. Залевской, при интерпретации слова невозможно ограничиваться лишь рамками лексико-семантической системы языка, т.к. данный процесс обусловлен тщательным анализом того, что стоит за лексемой в индивидуальном сознании [Залевская 1987: 35]. Подтверждение можно найти у Дж. Локка, который писал, что «слова, если они не являются знаками наших идей, всего лишь пустые звуки, и мы можем соглашаться с ними лишь постольку, поскольку они соответствуют тем идеям, которые мы имеем, но не больше» [Локк 1985: 110].

Смысловое сходство в пределах действительности, связанной с реальным языком, имеет прямую зависимость от личностных знаний и переживаний человека. «Видимое лишь дополняет изнутри переживаемое, – писал по этому поводу М.М. Бахтин. – Вообще все данное, наличное, уже имеющееся и осуществленное как таковое отступает на задний план действующего сознания» [Бахтин 1979: 40]. По мнению ученого, смысл подчиняется ценности личностного бытия и переживания в объективном и всегда заданном контексте мира и культуры [там же: 102]. Ю. Кристева полагает, что язык рассматривается М.М. Бахтиным как высказывание-

процесс, которым обладает субъект, погруженный в историю, где, таким образом, любой смысл непременно проявляет в себе идеологическое значение [Кристева 2004].

Изучение близости лексических значений с точки зрения психолингвистики происходит в рамках живой речи, где человек оперирует собственными образами и представлениями, сравнивает их на основании определенных точек соприкосновения, которые позволяют судить об их схожести или несхожести [Лебедева 2002]. Таким образом, смысловое сходство проявляется не в лексико-семантической системе языка, а за счет наших знаний о мире, преломленных через индивидуальное сознание.

В данной работе мы исходим из понимания близости значения слов как процесса проксимации, предполагающего рассмотрение слова с точки зрения особенностей сознания человека, его психического отражения и разграничения языковой и неязыковой форм представления и хранения в языковой памяти индивида разного вида знаний. Под проксимацией нами подразумевается процесс, результатом которого является приобретение нового знания о мире, а под проксонимом – любая языковая единица, сигнализирующая близость значения слов «здесь и сейчас». Следует отметить, что проксонимы организуют объемную, образную систему, центральным элементом которой является информационная база человека. Следовательно, ее структуру нельзя назвать строго организованной. С точки зрения предлагаемой концепции изучаемый феномен затрагивает корпус лексических единиц, выражающих близость, общность, сходство, подобие и аналогию значений. Он включает в себя специализированные знаки: общепринятые синонимы, квазисинонимы, парасеманты, аналоги, симиляры, проксонимы и т.д., а также неспециализированные знаки, изначально не предназначенные для выражения близости значения, однако приобретающие это свойство в результате функционирования в определенных условиях (в контексте) [там же].

Необходимо подчеркнуть, что процесс проксимации определяется интеллектуальной деятельностью человека, а также ситуацией, которая затрагивает аналоговые, последовательные, ассоциативные механизмы человеческого мышления. В результате, за счет активизации воображения, оперирующего образами, возникают нужные смыслообразы. Подобная интерпретация проксонимов подразумевает личность как основной фактор формирования нового значения. При этом значительная роль отводится знаниям о свойствах и характеристиках предметов и явлений окружающего мира, а также о событиях, происходящих в социальной и индивидуальной жизни человека [Лебедева 2012]. В качестве основы для проксонимического сближения выступают опыт и информация, хранящаяся в памяти носителя языка. По мере необходимости эта информация обнаруживается и используется для сравнения с предметами и явлениями познаваемой реальности. Таким образом, широкий спектр различного рода проксонимов в специальных дискурсах и в обыденном языке свидетельствует о наличии некоторых договоренностей, определяющих близость лексических значений для большинства носителей языка. В результате приобретения знаний и опыта человек истолковывает полученную информацию с целью достижения истинного знания об окружающем мире [там же].

В рамках процесса проксимации можно выделить модель сходства, призванную систематизировать вербальные и невербальные единицы, объединенные по следующим принципам: *свой – чужой, далеко – близко, положительный – отрицательный* и т.п. Данные единицы также обусловлены такими критериями, как аналогия, сходство, тождество, подобие и т.д. Модель сходства характеризуется образом, сформировавшимся в сознании человека в результате приобретенного опыта, и связана с социальным, культурным, профессиональным, практическим и чувственным освоением индивидом окружающей реальности [Лебедева 2013]. Таким образом, в результате сравнения-переживания у носителя языка создается когнитивное представление. Исходя из этого,

допустимо предположение о наличии неких схем, стереотипов, убеждений и т.д., которыми оперирует человек при установлении фактов сходства. Наличие семантических комплексов приблизительных названий дает возможность использовать проксонимы в различных типах дискурсов, что свидетельствует о существовании профессиональных, идеологических, терминологических, художественных и других видов проксонимов [Лебедева 2012].

Следствием семантического варьирования проксонимической модели является актуализация различных её значений, провоцирующая расширение состава характеризующих референтов – объектов и сфер деятельности, подвергающихся проксонимическим заменам [Лебедева 2012]. В значении, по мнению А.Н. Леонтьева, «представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой» [Леонтьев А.Н. 2005: 215].

На основании вышесказанного мы считаем возможным предположить, что слова, обладающие идеологической окраской, могут приобретать в индивидуальном лексиконе новые значения в зависимости от социальных, культурных и личностных или житейских конвенций. Под влиянием параметра «время» идеологическая лексика также может кардинально изменять свое значение и приобретать более широкое понимание. Это является следствием образования нового языка, обусловленного семантикой политического мифа как целенаправленной технологии изменения смысла слов [Кара-Мурза 2004].

Современный социум провоцирует появление специфических способов подмены культурных ценностей, иными словами, номинаций и коммуникации особого типа, которые сосредоточены на камуфлировании реальных фактов и замещении понятий. В результате обнаруживается необходимость выявления отношения человека к проблемам социальных институтов. Такими способами являются идеологические проксонимы,

которые создаются при непосредственном участии когнитивного опыта пользователя. Отмечая ведущую роль языка как носителя общественного опыта, А.Н. Леонтьев говорит о возможности фиксации значений не только в форме понятий, но и в форме «умения как обобщенного образа действия», «нормы поведения» и т.д. (цит. по: [Петренко 1988: 10]). Пользователь увязывает с проксонимами свои индивидуальные знания, жизненный опыт и ценностные ориентиры, наделяет смыслом, наполняет желаемым содержанием.

В рамках социального дискурса осуществляется «переход значения», связанного с одним конкретным понятием, в сферу обозначения другого понятия, видоизменяя «исходную» семантику [Лебедева 2002]. При этом, соответствующие области не тождественны, например: *миролюбие – примиренчество; народ – электорат; свобода – гласность*. В данных сравнениях наравне с результатами познавательной деятельности человека фиксируется взгляд познающего субъекта на постигаемую действительность. Проксонимы данного типа делают понимание не только быстрым и легким, но могут также вызывать «нужные» эмоции у аудитории за счет прагматической функции убеждения реципиентов.

Социальные и культурные феномены, выступая в новом значении, не утрачивают буквального значения, а прибавляют к нему нечто новое, что предстоит понять адресату. Вероятно, это определено не новой семантикой, приобретенной словом, а контекстом употребления, содействующим появлению окказиональных проксонимических сближений. Это достаточно ярко проявляется в идеологических проксонимах, когда сравнение возникает на основании исключения некоего разделительного признака, возникающего из сферы чувственного, наглядно-образного опыта. В последнем реализуется природная способность человека к пониманию глубинной тождественности разнородных сущностей. Таким образом, в речевой организации индивида между любыми единицами могут устанавливаться отношения сходства и различия значения в ситуации «для меня, здесь и сейчас» [Лебедева 2012].

Таким образом, переработка речевого опыта человеком изначально включена в формирование образа мира и его переструктурирование [Залевская 2000].

Взаимоотношения элементов внешнего общественного окружения и индивидуального опыта определяются не только способностями и психологическим типом личности, но и установленными примерами интерпретации социальных явлений в той или иной культуре или обществе. Подбор специальных вербальных средств выражения может спровоцировать получателя к созданию особого представления о том или ином социальном явлении, что предопределяет направленность восприятия сообщения [Лебедева 2013]. Следует отметить распространенность установленных эталонов, которые могут эксплицироваться в профессиональных и социальных сообществах и в наивном сознании. Вследствие способности языка обеспечивать любую реальность можно говорить и о наличии конвенциональных значений, т.е. социальных, культурных, профессиональных и наивных договоренностей толкования действительности. Следовательно, идеологические проксонимы, перефразируя или маскируя истинный смысл вещей, имплицитно отмечают расположение события или факта на шкале социальных ценностей. Важный для социума опыт обуславливает выбор той или иной лексической единицы, и такого рода сравнение, вероятно, в большей степени определяется коллективной семантикой этих слов, т.е. все члены общества или их большинство принимают и признают значение слова [Лебедева 2012].

В настоящее время идеологичность проявляется во всех аспектах языка, отражая личностные ценности, моральные установки и взгляды на жизнь, т.к., на наш взгляд, идеология сегодня – это не что иное, как отношение человека к действительности. Мировоззрение индивида подвергается медийному, политическому, религиозному влиянию, в результате чего возникает переоценка ценностей и конверсия значений. Так, слова с положительной коннотацией могут приобретать отрицательную оценку в сознании общества. В качестве примера можно привести цитату

писателя-сатирика М.Н. Задорнова *«Мы иронизируем над словом «патриот» и оскорбляем словом «интеллигент». Или еще хуже – «вишивый интеллигент». Это особенное наше выражение, потому что только у нас интеллигента могли довести до такого состояния»*. В сети Интернет в различных контекстах можно также встретить следующие высказывания: *«**Качество** становится синонимом безопасности», «**Хамство** стало синонимом свободы», «**Футбольный клуб «Гомель»** становится синонимом победы»* и т.п. Данные примеры ярко иллюстрируют наличие смыслового сходства, обусловленного индивидуальным знанием и опытом автора. Тем не менее, словарями подобные синонимы не зафиксированы.

Таким образом, идеологические проксонимы представляют собой комплексное явление и приобретают все более широкое употребление за счет различного рода изменений, происходящих в обществе и влекущих за собой расширение семантики. Учитывая сказанное выше, мы полагаем, что *идеологические проксонимы – это вербальные единицы, созданные на основании социальных, культурных и житейских конвенций и функционирующие в определенный период времени в ситуации «здесь и сейчас»*.

Необходимо добавить, что в процессе проксимации содержательная (информативная) основа формируется вокруг когнитивного ядра, понимание которого детерминировано теорией отражения и концепцией живого знания. Так, происходит погружение в стандартные общественно значимые условия, задающие социальное, культурное и личностное взаимодействие с опорой на проксонимические признаки [Лебедева 2012]. Изучение идеологических проксонимов безусловно определяется живым знанием. Это связано с тем, что в окружающем мире не существует сходства вообще, сходства как такового, и только человек решает, что похоже, а что нет, т.к. видит не глазом, а мозгом [Фрумкина 2003: 89]. Таким образом, коммуникация строится на индивидуальной речевой организации, которая формируется в результате переработки и упорядочения речевого опыта личности.

А.Н. Леонтьев, рассматривая вопрос приобретения опыта человеком, отмечает, что в течение жизни индивида накапливается опыт предыдущих поколений и в процессе постижения полученных знаний они становятся своими, как бы вмещаются в личность, обуславливая тем самым собственный взгляд на окружающий мир [Леонтьев А.Н. 2005]. Таким образом, даже если слово не всегда поддается вербальному описанию, с ним, тем не менее, связаны некие эмоциональные и аффективные состояния человека. Внутренний контекст не всегда доступен для словесного описания, поэтому человек не всегда может четко объяснить то, что с ним происходит при переживании определенных аффективных или эмоциональных состояний, т.е. отсутствие возможности дать вербальное изображение какого-либо впечатления не говорит о его неосознаваемости [Лебедева 2002]. Следует также добавить, что рассматривая значение слова с позиции носителя языка, важно учитывать факт наличия у человека не только подтвержденных знаний, но и недостоверной информации, когда человек полагает, что обладает знанием.

В свою очередь А.А. Леонтьев характеризует личность как «процесс постоянного самоопределения человека в реальном мире, регулирующий познавательные процессы, поступки, переживания и т.п.» [Леонтьев А.А. 2000: 7]. Поскольку речемыслительная деятельность человека – явление внутреннее, субъективное, оно ярко отражает внутреннюю, индивидуальную психику при важном влиянии процессов социализации. Следовательно, рассмотрение идеологических проксонимов в индивидуальном лексиконе подразумевает их качественную характеристику, детерминированную параметром «время», а также социальными, культурными и житейскими конвенциями, принятыми в обществе в определенный период времени.

1.4. Контексты функционирования идеологических проксонимов

Современное лингвистическое исследование невозможно представить без учета социального, культурного и личностного контекстов, обуславливающих понимание различных лексических единиц. Мы полагаем, что рассмотрение идеологической лексики не может ограничиться только лишь контекстом политического дискурса, а должно затрагивать все аспекты бытия человека. Это связано с усилением воздействия идеологических маркеров, которое мы можем наблюдать в повседневном общении и которое влечет за собой появление новых смысловых и оценочных оттенков. Лексические единицы подвергаются различного рода трансформациям в результате принятия в языковом обществе соглашений, регулирующих наивную коммуникацию носителей языка и определяющих основные способы построения значения и использования языковых выражений [Гуманитарные словари и энциклопедии: URL].

Человек, находясь в эпицентре динамично разворачивающихся событий, определяет выбор употребления того или иного слова, в том числе идеологически окрашенного, в зависимости от ряда обстоятельств, обусловленных как ситуацией общения, так и наличием собственных знаний об окружающем мире. Так, например, формируются истинные и ложные стереотипы, под действием которых слово *«элита»* приравнивается к *«правлящему классу»* [Ашин 1985], а понятие *«патриотизм»* становится синонимичным понятию *«национал-патриотизм»* [Декленко 2004]. А.П. Чудинов, сопоставляя русско-советский язык и современный русский политический язык, отмечает, что в прошлом осталась строгая регламентация, определяющая точное соблюдение различных норм и контролировала проявление индивидуальности. Автор отмечает, что советский политический язык и его диалекты (официальный, бюрократический, диссидентский, обывательский) определенным образом продолжали дореволюционные традиции, а их воздействие проявляется в

политической речи настоящего времени. Так, оценочные эпитеты *деревянный, казенный* и др. относятся к идеологии и политической системе, в рамках которых существует данный язык [Чудинов 2003].

По мнению Д.П. Горского, человек является активным субъектом познания, наделенным индивидуальным и социальным опытом, системой информации о мире, на основе которой он осуществляет коммуникацию с другими носителями языка [Горский 1983]. В свою очередь коммуникация строится на индивидуальной речевой организации, которая формируется в результате переработки и упорядочения речевого опыта личности. Итогом этого процесса может являться появление новых смыслов и оценочности у общественно значимых слов. Кэтлин и Рудольф Вердербер полагают, что «значения, представленные символами, в процессе декодирования снова преобразуются участниками в значения. Процесс декодирования полностью определяется опытом участников, то есть теми же факторами, которые формируют процесс кодирования. Окружающее людей пространство и ситуация представляют физический, социальный, психологический и культурный контексты коммуникации в действии. В ходе взаимодействия в любой точке процесса могут возникать внешние, внутренние и семантические шумы, влияя на возможность создания переданного значения» [Вердербер Р., Вердербер К. 2003: 19]. Авторы предлагают следующую схему коммуникационного процесса с двумя участниками в рамках того или иного контекста:

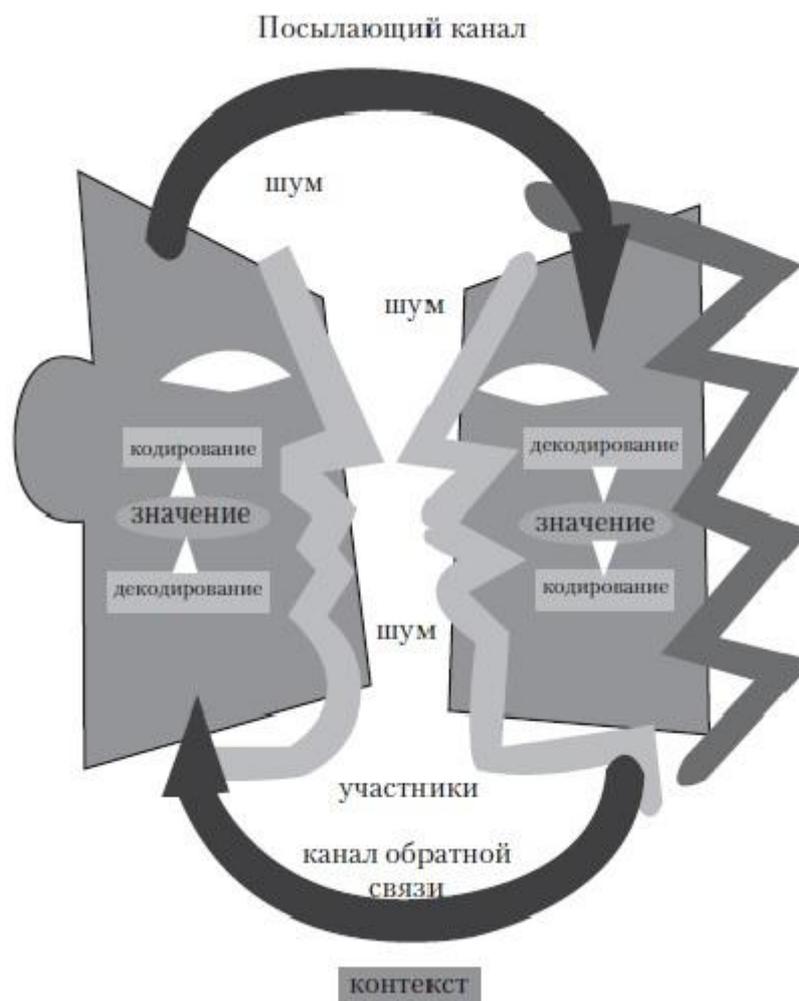

Рис.1.

Модель коммуникационного процесса с двумя участниками

Следует подчеркнуть важность сопоставления речемыслительной деятельности и представлений, формирующихся в индивидуальном сознании, с разными фрагментами образа мира. Согласно мнению А.Н. Леонтьева, под индивидуальным сознанием понимается система значений, данных в совокупности с другими составляющими: чувственной тканью и смыслом. При этом значение, смысл и чувственная ткань предстают не в виде самостоятельных единиц, а в виде единиц, формирующих индивидуальное сознание [Леонтьев А.Н. 2001]. Автор также отмечает, что «в значениях представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой» [там же: 77].

По мнению ученого, значение существует в двух плоскостях: в сознании человека и в процессах, отображающих объективную реальность. Из этого следует, что при изучении лексического значения необходимо обращаться также и к эмоциональным впечатлениям и чувствам индивида [Леонтьев А.Н. 2005]. Однако Д.Н. Шмелев указывает на наличие самостоятельных значений слов, не зависящих от конкретного контекста, и объясняет свое суждение наличием примеров каламбурного использования различных значений одного и того же слова в умышленно двусмысленных контекстах [Шмелев 2003].

Мы полагаем, что контекст оказывает непосредственное воздействие на понимание и формирование лексических значений. М.М. Бахтин писал, что забытые значения начинают сообщаться друг с другом, выходить из своей скорлупы только в контексте, связанном с породившими их ситуациями, в то время как в абстрактном нормативном языке они не имели никаких прав, чтобы войти в систему мировоззрения, потому что это не система понятийных значений, а сама говорящая жизнь [Бахтин 2010: 518].

По мнению Л. Ельмслева, лексические значения представляют собой искусственно отделенные контекстуальные значения или их искусственный пересказ. Изолированный знак, в соответствии с данным взглядом, не обладает каким-либо значением [Ельмслев 2006]. Однако следует принимать во внимание и тот факт, что значение слова также может приобретать новые оттенки в контексте многогранных представлений носителя языка и фактов окружающей действительности. Согласно концепции А.А. Залевской, произвольное слово может являться средством доступа к условно-дискретному фрагменту многоаспектной личностной картины мира, которая постоянно пополняется выводными знаниями и различного рода переживаниями [Залевская 2000]. Лексическое значение, таким образом, определяется как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, общность которых формирует его структуру. Из этого следует, что при идентификации слова носитель языка оперирует обширным

спектром переживаний и эмоциональных оттенков, лежащих в основе любых языковых единиц.

Чувственные впечатления играют немаловажную роль в понимании образа предмета или явления окружающей действительности. Именно индивидуальное сознание, по мнению М.М. Бахтина, воплощается в действительный факт посредством идеологического творчества. Из этого следует, что сознание складывается и реализовывается в знаковом материале, организованном в результате социальной коммуникации сформированного коллектива [Бахтин 2000: 15]. Внутренний контекст, по М.М. Бахтину, является вместилищем мысли, способом воплощения замысла носителя языка в процессе понимания, переживания и усвоения [там же: 29]. Следует добавить, что внутренний контекст также обусловлен внешними факторами – социокультурными, возрастными, гендерными, профессиональными, пространственно-временными и прочими характеристиками ситуации, в которых он участвует. Итак, коснемся более подробно таких контекстов функционирования идеологических проксонимов, как *социальный, культурный контексты и индивидуальный лексикон*.

1.4.1. Социальный контекст

С прагматической точки зрения, декодирование лексических значений, присущее идеологическим проксонимам, зачастую зависит от контекста социального взаимодействия. Прагматический аспект значения слова предусматривает особенности его формирования, определяемые социальным статусом говорящих, реальными условиями коммуникативных актов и их влиянием на слушающего [Заботкина 1989: 3]. Зачастую в социуме возникают различного рода конвенции, способствующие появлению у слов новых значений идеологического характера.

Так, сращение прагматического и семантического значений обусловило признак идеологичности лексических единиц для М.Н. Эпштейна, который

назвал такие слова *прагмемами*. Ученый выделил следующие типы отношений, в которые прагмемы вступают между собой: контрарные отношения, основанные на противоположности и предметных, и оценочных значений, а пары слов, связанные такими отношениями – контративы (*миролюбие – агрессивность*); конверсивные отношения, в основе которых – тождественные явления действительности, противоположно оцениваемые (конверсивы *миролюбие – примиренчество*); коррелятивные отношения, основанные на предметной антонимии и оценочной синонимии (коррелятивы *новаторство – традиция, субъективизм – объективизм*); субститутивные отношения, основанные на референтной близости и оценочной синонимии, взаимозаменяемости, субститутивы (*дисциплина – организованность*) [там же].

Г.Я. Солганик определяет подобные лексические единицы как *газетизмы*, подразумевая под этим термином группы слов, имеющих социально-оценочную окраску, объясняющую их восприятие как газетных, публицистических [Солганик 1981: 37]. Идеологически окрашенная лексика является неотъемлемой частью любого дискурса, направленного на манипулирование сознанием человека. Так, автор, анализируя язык газеты, отмечает наличие слов с одинаковым референтным и противоположным оценочным значением. По мнению ученого, для описания «нашего» и «наших» используются слова с положительной коннотацией, а для описания «ненашего» и «ненаших» – с отрицательной: *авангард – аванпост; клан – клика; нагнетание – импульс* и т.д. [там же]. Некоторые из перечисленных слов со временем сгладили свою негативную коннотацию и уже не вызывают у носителя языка столь выраженных положительных или отрицательных эмоций. Таким образом, происходит конверсия оценки, влекущая за собой появление новых лексических значений. Подобный принцип конверсивности значений наблюдается, по мнению Е.А. Покровской, в искусстве модернизма, когда за счет прагматической установки автора происходит намеренное

искажение истинного смысла с целью отражения идеологической позиции индивида [Покровская 2001].

М.М. Бахтин, говоря об идеологическом значении слова, описывает его как социальное, проникшее внутрь человека. По мнению ученого, идеологический знак должен непременно затрагивать внутренний мир носителя языка, его картину мира с целью реализации своей знаковости [Бахтин 2000: 23]. Реальное значение слова, по мнению М.М. Бахтина, внутренне обусловлено социальными рамками. Согласно разработанной ученым теории речевых жанров, каждое отдельное высказывание индивидуально, однако каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, называемые речевыми жанрами. Речевые жанры подразделяются Бахтиным на следующие типы: первичные (фамильярный, кружковой, семейно-бытовой, общественно-политический, философский и др.) и вторичные (литературные, публицистические, научные) [Бахтин 1979]. Таким образом, внутренняя структура высказывания задается ближайшей социальной ситуацией и более широкой социальной средой. Следует отметить, что социальные факторы (жанры) связаны с деятельностью человека, определяющей особенности того или иного жанра [там же].

По мнению В.И. Карасика, социальный статус человека имеет субстанциональное (пол, возраст, национальность, социальное происхождение) и реляционное (профессия, степень владения языком) измерения. Также автор отмечает, что для общества на данном этапе подобные характеристики детерминированы родом занятий, величиной дохода, уровнем образования, этнической принадлежностью, тогда как предыдущим эпохам были присущи такие социальные факторы, как возраст, степень знатности и физическая сила [Карасик 2002а: 7]. В частности, субъективные номинации представителей разных классовых сословий можно проследить на следующих примерах идеологических проксонимов: *олигарх – вор, бизнесмен – буржуй, рабочий – пролетарий*. В повседневной

коммуникации постоянно употребляются слова, имеющие для человека субъективное сходство, проявляющееся в контексте ситуации общения. Так, У. Эко, отмечая постоянное перестроение знаковых систем, считает необходимым постоянно следить за изменением форм коммуникации, перестройкой кодов, рождением языковых идеологий [Эко 2006].

Динамику языковых процессов можно наблюдать именно в отношении современного общества к идеологической лексике, при этом невозможно не учитывать влияние фактора «возраст» на изменения, происходящие в сознании человека. На разных стадиях своего развития человек воспринимает одну и ту же информацию с разных точек зрения. Это зависит от индивидуальных особенностей личности, а также от совокупности этнокультурных, исторических и социально-политических факторов. Разрозненность ценностей и моральных установок у разных поколений позволяет нам предположить, что фактор возраста играет важную роль в формировании современной идеологии.

В области исследования возрастных особенностей коммуникативного поведения наиболее известны работы, посвященные особенностям речи различных возрастных групп [Крысин 2004; Марочкин 1998; Формановская 2002; Цейтлин 2004 и др.]. Так, в последнее время особый интерес у лингвистов вызывает речь молодежи, т.к. в ней преломляются современные нравственные и духовные ценности, а также отображается национальное самосознание. Как полагает Е.Ф. Тарасов, происходит постепенная трансформация мышления, которую можно квалифицировать как «цивилизационный слом» [Тарасов 2012: 10]. Данный процесс происходит, по-нашему мнению, в том числе и за счет переоценки ценностей, происходящей на стыке смены поколений и оказывающей влияние на языковую картину мира.

С помощью «возрастных» исследований языка выясняются характерные черты речевого поведения представителей разных поколений людей. По мнению немецких исследователей А. Linke, М. Nussbaumer и Р.

Portmann, в речи представителей той или иной возрастной группы происходит доминирование разнообразных лексико-семантических полей: «музыка» у молодежи, «работа и карьера» у людей старшего возраста, «пенсия» у людей более зрелого возраста [Linke, Nussbaumer, Portmann 1996]. Н.И. Формановская в качестве основной характеристики выделяет стремление молодежи к «ты-общению» [Формановская 2002]. Фактор возраста также затрагивается в исследованиях молодежного жаргона, согласно которым речи молодых людей присуще употребление слов, денотативное значение которых практически полностью вытесняется эмоциональным компонентом значения [Марочкин 1998]. Что касается речи взрослой личности, то для нее характерны нравоучительные оттенки по отношению к собеседникам младшего возраста [Беликов, Крысин 2001]. Социолингвисты отмечают следующее: «В нормально развивающемся языке, опирающемся на язык трех поколений, «стандарт» определяется с ориентацией на среднее поколение: именно оно является носителем того варианта языка, который в данном обществе принимается за норму. В речи молодого поколения всегда больше инноваций, в речи старшего – больше слов, выходящих из употребления» [Вахтин, Головкин 2004: 78]. М.А. Холодная пишет, что характеристики индивидуальных репрезентаций происходящего различаются у людей разных возрастов и разной одаренности. Интеллектуальные процессы людей старше 30 лет построены на других принципах по сравнению с детским, школьным и студенческим возрастом. В результате объединения различных форм опыта у взрослого человека складывается определенная ментальная модель действительности, интегрирующая знания об объективном мире, других людях и собственном «Я». Данный факт свидетельствует о наличии «синтезированного интеллекта» и механизмов, которые становятся «интеллектуальными орудиями» особого рода [Холодная 2002].

Общество всегда делилось на определенные возрастные группы, которые обычно различаются по биологическим признакам, а также в

зависимости от социальной структуры и культуры общества. В разное время и в разных культурах представители одного и того же возраста могли относиться к различным возрастным группам. Считается, что возрастная периодизация основывается на изменениях социального и биологического характера, а также изменениях, влекущих группирование людей на младенцев, детей, подростков, взрослых и, наконец, стариков. Тем не менее, даже у народов, представляющих в целом одну и ту же культуру и мировоззрение, определенные системы возрастных групп могут достаточно сильно различаться [Фойт 1977]. В психологии существуют различные возрастные периодизации (Л.С. Выготский, З. Фрейд, Ж. Пиаже, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин и др.), которые опираются на степень психического развития личности. Зачастую возрастные характеристики основываются на отношении общества к той или иной возрастной прослойке. Так, Н.В. Шахматова, рассматривая отношение к людям преклонного возраста в разных странах, отмечает, что в США наблюдается презрительное отношение к людям пожилого возраста (данное явление называется «эйджизм»), тогда как в азиатских и кавказских странах они пользуются почетом и уважением [Шахматова 2000]. Что касается России, то социологический опрос показал, что в нашей стране, наоборот, превалирует негативное отношение общества к молодежи ввиду ее инфантильности, эгоизма, индифферентности и безответственности [там же: 116].

Для каждой возрастной группы идеологическая речь представляется по-разному. Идеологические проксонимы являются неотъемлемой частью мировоззрения человека и подвергаются постоянным переосмыслениям вследствие различных факторов, при этом фактор «возраст» является одним из центральных наряду с такими социальными характеристиками, как пол, профессия, национальность и т.д. Современные средства массовой информации оказывают определенное влияние на убеждения и взгляды общества. Как известно, молодежь вследствие неполной сформированности сознания в первую очередь попадает под такое влияние. Молодежную

субкультуру рассматривают в качестве социокультурного феномена, можно выделить такие ее характеристики, как постоянные попытки создания собственных убеждений, возражающих мировоззрению старшего поколения, и определенная манера поведения, стили одежды и прически, способы проведения свободного времени. Не вызывает сомнений тот факт, что фактор возраста играет важную роль при восприятии той или иной информации, несущей идеологический подтекст. Приоритеты современной молодежи таковы, что жизненный успех стал увязываться с инициативностью и стремлением заработать деньги, а не с трудолюбием и получением знаний. Тем не менее, существуют различные молодежно-политические течения, студенческие сообщества, отдельные молодые люди, все еще стремящиеся реализовать разноплановые жизненные позиции, основанные на духовных и патриотических ценностных установках.

Социальный аспект идеологических проксонимов также тесно связан с понятием политического мифа. Р. Барт объединял понятия мифа и идеологии и употреблял при этом термин «метаязык», описывающий дополнительный смысл политического текста. Ученый также связывал идеологию с мифическим строем, внедренным в рамки общей истории и соответствующий определенным общественным интересам [Барт 2007]. По мнению Э. Кассирера, политические мифы вносят изменения в наш реальный мир: «Если мы изучим наши современные политические мифы и методы их использования, то, к нашему удивлению, обнаружим в них не только переоценку всех наших этических ценностей, но также и трансформацию человеческой речи» [Кассирер 1990: 62]. Считается, что сходство мифологии и идеологии состоит в их субъективно-личностной форме, т.е. они формируются не по «указанию нужды», а по закону «созидающей их души». Таким образом, миф, как и идеологию, определяет личностное бытие [Жукоцкая 2009: 52].

Фактор времени, как социально обусловленный феномен, оказывает непосредственное влияние на понимание идеологических проксонимов.

Приведем в качестве примера временную специфику идеологически окрашенной лексемы *гуманизм*. Так, в советском политическом дискурсе под понятиями *Буржуазный гуманизм* или *Абстрактный гуманизм* подразумевалось вовсе не человеколюбие, а негативно оцениваемое проявление слабости, недостаточная жестокость по отношению к политическим противникам, представителям «эксплуататорских классов» и просто сомневающимся. С другой стороны, в качестве *Социалистического гуманизма* могли быть представлены жестокие действия против «классово чуждых элементов», особенно если эти действия воспринимались как полезные «для трудового народа» в его «классовой борьбе» [Чудинов 2009: 11]. Однако в наше время понятие «гуманизм» обладает позитивной оценкой и означает человечность, любовь к людям и заботу об их благе [Большой толковый словарь русского языка 2000: 235].

Специфика функционирования идеологических проксонимов в рамках социального контекста тесно связана с феноменом средств массовой информации, которые являются наиболее влиятельным социальным институтом, манипулирующим сознанием членов общества. Согласно взгляду С.Г. Кара-Мурзы, бурное развитие исследований в области социодинамики культуры резко увеличили мощность, эффективность воздействия средств массовой информации [Кара-Мурза 2004: 46]. Автор определяет СМИ как основное орудие манипуляции сознанием людей, которое способно осуществить полную, тотальную манипуляцию сознанием и вовлечь практически все общество в самый абсурдный, самоубийственный проект [там же: 47].

Известно, что при получении новой информации из таких источников, как политические тексты, реклама, средства массовой информации, человек подвергается давлению. По мнению Сержа Московичи, СМИ играют направляющую роль в обществе, т.к. они трансформируют сущность социальных групп, определяют взаимодействие групп или личности с незнакомой для нее средой, деятельностью, формируют модель реальности

индивида [Московичи 1996: 256]. Личные и общественные интересы находят свое отражение в языке, который может способствовать образованию определенных стереотипов поведения в сознании общества, в связи с чем уже известные слова могут обретать новые значения.

В обществе постоянно происходят изменения экономического, политического и другого характера, что не может не сказаться на идеологизации языка. Данные трансформации сохраняются и видоизменяются на лингвогенетическом уровне и при этом являются характерной чертой определенного общества. Язык, как многоуровневая система, участвует, таким образом, в формировании всех сфер общественной деятельности, будь то средства массовой информации, реклама, политические события или другие социальные явления. При этом в результате заключения негласных социальных договоренностей лексика приобретает идеологическую окраску и выполняет важные для жизнедеятельности социальной системы функции объединения, установления общественных связей, формирования морально-ценностных ориентиров, создания общественных идеалов, обеспечения устойчивости социальной системы. Таким образом, идеологические настроения, определяемые масс-медийным пространством, оказывают влияние на развитие и функционирование всех сфер социальной жизни.

Т.А. ван Дейк полагает, что тексты СМИ строятся не в произвольном порядке, а представляют собой итог сложившейся в конкретных институционалистских условиях социальной и профессиональной практики журналистской деятельности [Дейк 2000: 230]. Таким образом, прослеживается стереотипизация масс-медийного текста, призванного отражать широкий спектр событий, происходящих в социуме. По мнению Т.А. ван Дейка, дискурс масс-медиа подразумевает отражение той или иной ситуации с учетом уже сложившихся стереотипов и ориентиров, сформировавшихся в обществе. К таким ориентирам относятся новизна

известия, заранее негативное к нему отношение, высокопоставленные деятели государства и т.д. [Дейк 2000].

Каждый день в текстах СМИ мы сталкиваемся с навязыванием идеологических стереотипов, таких, например, как *выборы – честность, мусульманин – террорист, счастье – деньги* и т.д. Тем не менее, встречая подобную близость слов, обусловленную внешним контекстом, человек в первую очередь опирается на собственные знания, связанные с перечисленными понятиями, и сам для себя истолковывает одно посредством другого: «то есть то», «это есть то» [Лебедева 2002].

Идеологический компонент языка нередко проявляется также в рекламных текстах, призванных пропагандировать ту или иную информацию, нацеленную на потребителя товаров и услуг. Социальная значимость рекламы в обществе не вызывает сомнений. Все чаще рекламный текст становится объектом исследования в таких областях знаний, как социология, экономика, психология, лингвистика и т.п. Изучением лексического значения в рамках контекста рекламы занимались такие авторы, как Е.Ф. Тарасов (1974), С.В. Никитина (1998), Н.О. Золотова (1994), Л.Ю. Гермогенова (1994) и др.

Рекламный текст, как правило, оказывает воздействие на возможного покупателя и побуждает его к приобретению рекламируемого товара. Таким образом, информирование и убеждение выступают в качестве основных функций рекламного текста [Долуденко 1996]. Считается, что его неотъемлемой частью является слоган – краткое высказывание, в котором заключается рекламная идея в запоминающемся виде. Слоган нацелен на то, чтобы отпечататься в сознании адресата за счет своей краткости и экспрессивности. Эффективность рекламных слоганов оценивается лингвистами с точки зрения компонентной наполненности и графической образности. Так, в работе Е.А. Нежура в контексте рекламы изучаются проксонимические сближения, детерминированные особой семиотической средой текстового источника [Нежура 2012]. Автор рассматривает рекламу

как креолизованный текст, под которым вслед за Ю.А. Сорокиным и Е.Ф. Тарасовым, понимает текст, включающий вербальную (языковую/речевую) и невербальную части, относящиеся к другим системам, нежели естественный язык [Сорокин, Тарасов 1990].

Контекст рекламы, как подвид социального контекста, является разновидностью институционального общения и подразумевает коммуникацию в своеобразных масках [Карасик 2000: 12]. Рекламный контекст может использоваться в коммерческих, политических и социальных целях. Например, коммерческая реклама оперирует такими понятиями, как «потребление» и «товар» («услуга»), для политической рекламы характерны слова «власть» и «политик», а для социальной – «нравственность» и «личность».

В отличие от других видов институционального дискурса, коммуникация, осуществляемая в контексте рекламы, всегда односторонняя и происходит в направлении от рекламодателя к клиенту. Рекламный текст также обусловлен наличием третьего лица, участвующего в общении, – автора рекламного текста. Автор играет роль медиатора между производителем и возможным покупателем. Выбор языкового материала в контексте рекламы определяется социальным статусом, гендерными различиями и другими параметрами [Майорова 2003]. Автором совершается выбор стратегий коммуникативного воздействия в зависимости от конкретных прагматических условий. Коммуникативное воздействие можно определить как оказание влияния на знания, отношения и намерения адресата в нужном для адресанта направлении [Пирогова 2001].

Институциональная коммуникация подразумевает полевую структуру, центром которой является жанр рекламного объявления, отличающийся узнаваемостью и частотностью в коммуникативном пространстве. Зачастую рекламный текст, как и текст СМИ, строится на основе стереотипов. С.Г. Кара-Мурза отмечает, что частое повторение слов и образов в контексте рекламы создает стереотипное представление о высоком качестве какого-то

товара и загоняет это представление в подсознание. При виде торговой марки («мерседес», «адидас» и т.д.) мы, не думая, убеждены, что перед нами хорошая вещь, т.к. работает стереотип [Кара-Мурза 2004: 76].

Контекст рекламы, бесспорно, играет важную роль в структуре языкового общения и выступает в качестве источника новых идеологических стереотипов и ценностных ориентиров. В результате появляются новые значения идеологической лексики, и, соответственно, возникают дополнительные основания для смыслового сходства. Определение фактов сходства/несходства, похожести и подобия, по мнению С.В. Лебедевой, является результатом переработки разностороннего взаимодействия человека с окружающим его миром. Из этого следует, что носитель языка сопоставляет не сами лексические единицы, а объекты или явления, которые они обозначают [Лебедева 2002]. Таким образом, единая информационная база индивида оказывает прямое воздействие на установление смыслового сходства. С помощью этой базы человек находит близость значения слов, анализируя новую информацию и уже имеющиеся в памяти знания.

Влияние упомянутых факторов можно проследить на примерах понимания таких идеологически окрашенных лексем, как *национализм* и *патриотизм*. «Национализм – высшая фаза развития патриотизма, в которой торжествует понимание ключевой истины: нация – первична, государство – вторично», – полагает А.Н. Севастьянов, идеолог русского молодежного национального движения [Севастьянов 2004: 17]. Однако известный филолог и искусствовед Д.С. Лихачев видел глубокое различие между патриотизмом и национализмом: в первом заключается любовь к своей стране, во втором – ненависть ко всем другим [Лихачев 2012]. Здесь уместно привести мнение Е.Ф. Тарасова, согласно которому общество «вооружает лингвиста знанием закономерностей социального взаимодействия в процессе речевого общения и дает в его руки понятийный аппарат для исследования социальных факторов, влияющих на речь, обслуживающую общение» [Тарасов 2010: 20].

Социальные конвенции, возникающие на фоне общественно значимых событий, призваны обеспечить понимание новых значений и оттенков значений у уже знакомых слов. Так, ситуация действительного использования знаков естественного языка может быть рассмотрена как имеющая форму ситуации существования соглашения об их использовании, действующего между членами языкового сообщества [Лебедев 2008: 50]. Подобные договоренности возникли в том числе в результате формирования нового языка политкорректности, влекущего появление эвфемизмов. Эвфемия может также выступать в качестве социально обусловленного контекста функционирования идеологических проксонимов. Под эвфемизмами обычно понимают заменные, разрешённые слова, которые употребляют вместо запрещённых (табуированных) [Реформатский 1999: 105]. Подобное запрещение может быть связано с этическими нормами, политическим строем, религией и т.д. В рамках интегративного подхода любое слово может осуществлять эвфемистическую функцию, при этом новые эвфемизмы часто не могут быть распознаны человеком, а передают лишь общий смысл понятия, однако абсолютного декодирования привычного значения не происходит [Милоенко 2009]. Л.П. Крысин полагает, что эвфемизмы используются с целью избегания коммуникативных конфликтов и вуалирования существа дела, а также для того, чтобы зашифровать сообщение, предназначенное лишь для посвященных слушателей [Крысин 1994].

Эвфемистическое употребление идеологических проксонимов подтверждается использованием следующих замен: *конфронтация* вместо *противостояние*, *деструкция* вместо *разрушение* [Крысин 1994], *обыватель* вместо *гражданин*, *государство* вместо *отечество* [Шмелев 1979]. По мнению Е.И. Шейгал, следствием эвфемистического переименования является то, что человек стремится преодолеть некие этические правила, связанные с принятой в социуме системой ценностей [Шейгал 2000а]. Автор также отмечает метафизическую черту данного процесса за счет

вуалирующего суть явления номинации, которая знакома носителю языка как обозначение того же референта. Таким образом, «эвфемизм выискивает пути затемнения нежелательных смысловых составляющих, не выходя из референциальной сферы исходного значения» [там же: 158].

Итак, социолингвистический аспект идеологических проксонимов достаточно широк и многогранен. Использование идеологической лексики постоянно подвергается влиянию норм, оценок и стереотипов, навязываемых СМИ и рекламой. Значительная роль отводится социальным конвенциям, иными словами, договоренностям, сложившимся в обществе и направленным на расширение семантики лексических значений. Таким образом, все события, происходящие в социуме, воспринимаются и преломляются в сознании носителя языка, обретают личностный, индивидуальный оттенок, в результате чего формируются идеологические проксонимы.

1.4.2. Культурный контекст

Изучение идеологических проксонимов в индивидуальном лексиконе позволяет понять сущность упорядоченности языкового сознания носителей культуры, а также убеждения и моральные ориентиры общества. Как известно, язык человека представляет собой способ исследования различий и сходств разнообразных культур и в равной степени может помочь определить общее глубинное родство человечества на уровне ментальных структур [Золотова 2005]. Так, В.И. Карасик и И.А. Стернин, анализируя идеологически окрашенные слова *свобода* и *счастье*, противопоставляют их лексеме «заклЮчение». Иными словами, в понимании человека возникает идея получения свободы в качестве дара. Ученые также обратили внимание на то, что лингвокультурные особенности восприятия можно наблюдать в молодежной группе: британские юноши и девушки понимают *совершеннолетие* как начало самостоятельной жизни, а у русской молодежи

данное понятие ассоциируется в основном с отдыхом [Карасик, Стернин 2005].

Культурный контекст играет немаловажную роль в процессе идеологической проксимации. Согласно точке зрения Э.А. Орловой, культурный контекст можно трактовать как, с одной стороны, совокупность институциональных, ролевых, ценностных, когнитивных условий реализации событий или фактов, а с другой – как совокупность выразительных средств, используемых людьми в этих обстоятельствах [Орлова 2004: 465]. У. Эко объяснял данное явление следующим образом: «Рождается подозрение, что мир *sub specie communications* (с точки зрения коммуникации. – *Е.К.*) – это не весь мир, что это только хрупкая надстройка над чем-то, что подспудно коммуникации. Но эта хрупкая надстройка так сильно влияет на все наше поведение, что полагание ее способом нашего бытия-в-обстоятельствах вещь весьма существенная. Коммуникация охватывает всю сферу практической деятельности в том смысле, что сама практика – это глобальная коммуникация, учреждающая культуру и, стало быть, общественные отношения. Именно человек осваивает мир, и именно благодаря ему природа непрестанно превращается в культуру» [Эко 2006: 530].

Нормы и традиции носителей языка также определяют наши представления о предметах и изменяют их значения. Понимание человеком окружающего мира детерминировано культурным наследием общества, в котором он живет. Так, для русской идеологической картины мира характерно акцентирование социально-политической и экономической ситуации в стране и в мире, что провоцирует неоднозначное отношение к идеологеме *патриотизм*, аксиологический компонент которой зачастую обусловлен языковыми и культурными традициями [Декленко 2004]. Исследования же британской идеологической картины мира показывают, что для носителей языка характерно удовлетворение социальных потребностей, таких как *дружба, любовь, уважение, одобрение, признание* [Кадачиева, Магомедова 2010].

Безусловно, социально-идеологическая реальность, окружающая нас, накладывает отпечаток на восприятие действительности. А. Вежбицкая замечает по этому поводу: «Ни язык, ни культура не остаются на одном месте, но на каждом этапе существуют определенные понятия и культурные нормы, которые находят отражение в языке общества. Слова и их значение являются подтверждением такого общего знания, понимания» [Wierzbicka 2006: 9]. Культура носителя языка, определяемая его действиями, размышлениями и переживаниями, основывается на духовных и нравственных ориентирах. Его сознание получает развитие внутри культурного целого, в котором отражается опыт коммуникации и отношения к миру. В.Ф. Петренко видит приобретение культурного опыта в процессе жизнедеятельности человека, в процессе освоения профессии и осознания им картины мира и культурно-исторического существования [Петренко 2005]. По мнению М.М. Бахтина, именно культурный аспект является медиатором между внутренним миром говорящего и его слушателями. Иными словами, способность к идеологическому творчеству имеет прямую зависимость от культуры человека, включающей в себя его духовные мотивы, оценки и доводы [Бахтин 2000: 24]. В.Б. Кашкин наделяет культурологический контекст маркерами «своего» и «чужого», основанными на оценочных стереотипах и эталонах современной массовой культуры [Кашкин 2010].

Мы полагаем, что культурный контекст, который включает в себя убеждения, ценности, отношения, социальную иерархию, религию, роли групп и понятие о времени [Вердербер Р., Вердербер К. 2003], обусловлен также глобальной сетью Интернет, являющейся на сегодняшний день самым масштабным средством межкультурной коммуникации. Данная коммуникация происходит в рамках виртуальной реальности, способствующей использованию неформального стиля общения, который в свою очередь содействует появлению новых лексических значений. Так называемое *сетевое общество*, по мнению Мануэля Кастельса,

«распространяется по планете во всем многообразии своих разновидностей с демонстрацией существенных различий в том, что касается последствий этого процесса для жизни людей, в зависимости от исторических, культурных и институциональных факторов» [Кастельс 2004: 315]. В то же время автор полагает, что Интернет – это, прежде всего, культурный феномен [там же: 50].

Всемирная паутина оказывает воздействие на общественные, культурные и политические институты, а также на социальную коммуникацию и коллективную жизнь в целом. В онлайн-словарях можно найти определение такого понятия, как «*идеология Интернета*», под которым понимается система идей, заложенных в основу сетевого информационного пространства и дающих целостную трактовку его состояния. Идеологию Интернет-пространства можно охарактеризовать высоким уровнем неупорядоченности, способностью к саморазвитию и самоорганизации, дискретностью, децентрализацией [Финансовый словарь: URL].

В настоящее время виртуальная коммуникация становится местом формирования новых взглядов, ценностей и стереотипов. Существует множество исследовательских компаний, проводящих всесторонний анализ сетевых продуктов: сайтов, баннерной рекламы и виртуальных магазинов. Специалисты уделяют особое внимание составу, социокультурным стереотипам и потребительским ориентациям аудитории Интернета [Чугунов 2008]. Именно Интернет-коммуникация в настоящее время может отобразить актуальную проблематику культурного контекста, в котором функционируют слова с идеологической окраской. М. Кастельс разделяет культуру Интернета на четыре структуры: техномеритократическую культуру, культуру хакеров, культуру виртуальной общины и предпринимательскую культуру. В целом они демонстрируют идеологию свободы, достаточно широко распространенную в Интернет-сообществе [Кастельс 2004: 53]. В своей книге «Галактика Интернет» автор говорит об

эксплицитности культурного аспекта виртуального пространства и подчеркивает его способность воздействовать на деятельность производителей и пользователей сети [там же].

Ю. Чепель также рассматривает Интернет-коммуникацию как неотъемлемую часть культурологического контекста и полагает, что ей присуща такая характеристика, как виртуальный карнавал (маскарад), под которым понимается взаимодействие речевых масок виртуальных коммуникантов, выраженное в организации игрового импровизационного стиля общения [Чепель 2009]. Согласно М.М. Бахтину, в карнавальной культуре сливается идеально-утопическое и реальное, а также образность и символичность [Бахтин 2010: 12-18]. Перечисленные критерии в той же степени присущи среде Интернет, в которой изобилуют и символы, и образы как вымышленного мира, так и действительного.

Необходимо подчеркнуть, что контекстом функционирования идеологических проксонимов может выступать в целом массовая культура, продуктами которой являются товары современного индустриального производства, кинематограф, литература, телевидение, газеты и журналы, искусство, спорт и пр. По мнению В.П. Шестакова, «массовая культура» является могущественным орудием идеологической и психологической пропаганды [Шестаков 1988]. Под ее влиянием формируются и развиваются новые ценности и убеждения, что влечет за собой появление идеологических значений у ранее нейтральных лексических единиц. Так, анализ слова *политик*, проведенный Е.И. Шейгал, демонстрирует приписывание ему следующих номинаций образа: *скандалист, покровитель, интриган, клоун* и т.д. Автор полагает, что такие характеристики продиктованы театральностью нынешней политики, основанной на тщательно продуманных имиджах политических деятелей [Шейгал 2000б].

Политическая сфера, как отмечает А.П. Чудинов, представляет собой важную часть национальной культуры. Ученый характеризует языковую картину политического мира наличием совокупности ментальных единиц

(концептов, фреймов, доменов, гештальтов, сценариев, концептуальных векторов, полей), которые имеют отношение к политической сфере коммуникации и политическому дискурсу [Чудинов 2003]. В.А. Маслова понимает политический дискурс в широком смысле, подразумевающим включение таких форм коммуникации, в которых с политической областью связан хотя бы один компонент, будь то субъект, адресат или содержание сообщения [Маслова 2008]. Под функционирующими в политическом дискурсе политемами обычно понимают слова, содержащие в своей семантической структуре политический компонент. Понятийное содержание политем обусловлено ролью человека в социуме, государстве и окружающей действительностью [Воробьева 2003: 3]. Понятие политемы зачастую употребляется наряду с термином «идеологема», который ограничен рамками определенной идеологии [Шейгал 2000]. Так, например, идеологема *свобода* может являться центральным звеном публичной речи политика-демократа, а лексема *коллективизм* – прочно ассоциироваться с коммунистической идеологией.

Некоторые слова в контексте политического дискурса помимо новых значений могут приобретать дополнительную оценочность, зачастую негативную. Приведем примеры, также взятые из исследований Е.И. Шейгал: *Слово «партия», вызывающее у избирателя приступ стойкой дурноты, трудно уж сие заставить заново; Можно только с содроганием представить себе, как всевозможные «патриоты» (только в кавычках могу о них говорить) поднимут сейчас головы* [Шейгал 2002]. В данном случае не происходит полного декодирования лексических единиц *партия* и *патриоты*, однако они приобретают отрицательную оценочность, обусловленную как контекстом политического дискурса, так и ситуацией общения.

Таким образом, культурологический контекст тесно связан с социальным и детерминирован феноменом массовой культуры, содержащим в себе все области современной коммуникации, включая тексты

политического дискурса и общение в глобальной сети Интернет. При этом специфика функционирования идеологических проксонимов в рамках данного контекста определяется ценностными и духовными ориентирами носителей языка, сложившимися культурными стереотипами, традициями и коллективным знанием общества.

1.4.3. Индивидуальный лексикон

Психолингвистическая концепция значения слова подразумевает понимание любого слова как своеобразного ключа к условно-дискретному фрагменту континуальной и многомерной индивидуальной картины мира, неограниченность которой обеспечивается выводными знаниями и различного рода переживаниями. Иными словами, единая информационная база индивида исполняет роль того внутреннего контекста, который дает возможность носителю языка лучшим образом ориентироваться в окружающем его мире [Залевская 2000]. Данная концепция демонстрирует новый взгляд на проблему связи между значением слова и контекстом и решает вопрос отстраненности слова при его восприятии человеком [Залевская 1977; 1990]. Таким образом, необходимо признать способность единиц индивидуального лексикона сохранять связь с многогранной чувственной спецификой сознания человека.

Подчеркнем, что индивидуальное сознание, как свойственная лишь человеку форма субъективного отражения объективной реальности, может быть истолковано как продукт тех отношений и опосредствований, которые возникают в процессе формирования и развития общества. За пределами системы этих отношений, а также за пределами общественного сознания существование индивидуальной психики в форме сознательного отражения, сознательных образов не представляется возможным [там же].

Изучение идеологических проксонимов в рамках индивидуального лексикона предполагает обращение к мысленным образам как медиаторам

индивидуальных знаний носителя языка. Обращаясь к теме индивидуального лексикона, необходимо отметить его динамичность, функциональность и системность, а также способность к самоорганизации вследствие постоянного взаимодействия между процессом переработки и упорядочения речевого опыта и его продуктами» [Залевская 2000: 154]. С точки зрения психолингвистики, значение слова выступает как процесс сопоставления определяемой словоформы с некоторой совокупностью результатов переработки чувственного и рационального, индивидуального и социального опыта человека [Залевская 1981]. Таким образом, каждая лексическая единица при идентификации должна рассматриваться как включенная в «чрезвычайно сложную систему объемных многоярусных многократно пересекающихся полей, с помощью которых упорядочивается и хранится в более или менее полной готовности к употреблению в деятельности разносторонняя информация о предметах и явлениях, об их свойствах и отношениях, равно как и об особенностях обозначающих их вербальных единиц» [Залевская 1992: 62].

Функционирование идеологических проксонимов в индивидуальном лексиконе детерминировано близостью значения на основании прямого соответствия или опосредованности, обусловленной образом мира. С.В. Лебедева полагает, что в индивидуальном лексиконе существуют определенные системные связи, основанные на личностном жизненном опыте человека, эмоциональном состоянии и т.д. [Лебедева 2002]. Так, под воздействием индивидуальных знаний идеологическая лексика приобретает смысловое сходство, определяемое субъективной семантикой. Отношение человека к власти и другим явлениям ведет к тому, что некогда нейтральные лексемы *государство*, *менталитет*, *общество* становятся оценочными. Все чаще можно услышать оттенок ироничного пренебрежения к словам, которые в принципе не обладают конкретной коннотацией. В качестве примера приведем следующие высказывания, взятые из статей и блогов сети Интернет (именно там можно встретить яркие примеры живой речи):

«Государственные СМИ», отображая так называемое функционирование государства, в постмодернистском угаре создают пародию на пародию [Давыдов 2013: URL].

Следует отметить, что основным принципом формирования индивидуального лексикона является получение человеком знаний о мире и сохранение знаний об особенностях использования слова в речи [Залевская 1980]. Работы таких ученых, как Н.Д. Арутюнова (1998, 1999), Е.С. Кубрякова (2010), В.А. Маслова (2011), З.Д. Попова, И.А. Стернин (2007), В.Н. Телия, Т.А. Графова (1991) и др. подтверждают важность учета знаний разных видов при изучении речевой деятельности. А.Н. Леонтьев отмечает, что языковое сознание в целом и значение слова как его часть являются формой концентрации социального и индивидуального опыта, знаний о мире, а также формой представления знания в сознании человека [Леонтьев А.Н. 2005]. А.А. Залевская полагает, что в сознании носителя языка находятся знания, не поддающиеся объяснению, однако употребляемые в живой речи «здесь и сейчас» [Залевская 1992].

Важным аспектом функционирования идеологических проксонимов в индивидуальном лексиконе является опора на личностную схему знаний, выход на которую осуществляется через слово [Лебедева 2002]. Изучение лексики с учетом теоретических и культурных знаний и опыта, освоенных и осмысленных субъектом, является сущностью антропоцентрического подхода, преобладающего на данном этапе вследствие возникновения закономерной заинтересованности в изучении живого языка, который функционирует в рамках реальной коммуникации, а не отвлечен от носителя «мертвого» языка, встречающегося в словарях и грамматиках [Стернин 2005]. Существует предположение, что человек оперирует «своими» знаниями, когда у него не возникает затруднений при подборе слова, и «чужими», вызывающими трудности, связанными с индивидуальной речемыслительной деятельностью человека. Необходимо подчеркнуть, что лексемы опознаются носителем языка как «свои» или «чужие» вследствие

близости значений слов для каждого человека за счет его личностных представлений и схожести таких признаков предметов и явлений, которые актуальны для индивида, при этом зачастую сходство переживается эмоционально [Лебедева 2002].

Основным методом изучения слова как единицы индивидуального лексикона является метод свободного ассоциативного эксперимента, результатом которого является получение ассоциаций. Ассоциация, как пишет Н.С. Кущенко, – это некий стык нашего сознательного с нашим бессознательным, своеобразная зона «перехода» от одного процесса к другому [Кущенко 2008]. Ю.Н. Караулов отмечает, что семантический образ ассоциативного поля является одним из способов отображения информации об окружающем мире в языковом сознании личности [Караулов 2000]. По мнению А.А. Залевской, ядра ассоциативных полей имеют отношение к числу универсальных стремлений в образовании лексикона человека и представляют собой средства выхода на систему энциклопедических и языковых знаний носителя языка [Залевская 1982].

Ядро индивидуального лексикона трактуется Н.О. Золотовой как центральная часть вокабуляра носителя языка и свидетельствует о существовании в его сознании определенной картины мира. Автор также предлагает при анализе содержательной части ядра лексикона исходить из поверхностной системы понятий к систематизации концептуальной «картины мира», отображенной в ядре [Золотова 2005]. Таким образом, ядро лексикона человека отражает характерную для него картину мира, обладающую универсальностью концептуального сравнения в разных языках. При этом соизмерение единиц ядра говорит об особенностях, детерминированных тем или иным языком и культурой [там же: 44].

Важной функцией индивидуального лексикона является формирование языковой личности, которая, по мнению А.А. Леонтьева, обладает совокупностью дискурсных способностей на уровне фраз интеллектуального акта «ориентировки и планирования речевых и неречевых действий,

формулирования плана действия в речевой форме контроля и корректировки (по мере необходимости) речевых действий» [Леонтьев А.А. 1997: 218]. Согласно точке зрения В.И. Карасика, языковая личность обусловлена познавательным, поведенческим и ценностным компонентами. Ученый полагает, что языковая личность – это человек, существующий в следующем языковом пространстве: в общении, в стереотипах поведения, закрепленных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов [Карасик 2002б]. Подобная характеристика определяет наше стремление уделить особое внимание роли языковой личности в формировании идеологических проксонимов как достояния индивида.

Итогом изучения индивидуального лексикона человека является выделение семантического поля, демонстрирующего иерархию понятий в сознании носителя языка. Т.В. Ахутина полагает, что нижние уровни данной иерархической системы охватывают сенсорно репрезентированные понятия, а верхние – категориально репрезентированные. Автор также подчеркивает, что первичное понятие является наиболее абстрактным, но в то же время сенсорно репрезентированным. Оно быстрее идентифицируется и располагает максимальной «ассоциативной силой», т.е. участники эксперимента наделяют его наибольшим числом признаков [Ахутина 1984]. Таким образом, исследование индивидуального лексикона способствует изучению специфики идеологических проксонимов, их эмоционально-оценочной стороны и выявлению социокультурных особенностей, а также нахождению различных оснований для определения фактов и степени близости или противоположности их значений.

1.5. Выводы по главе 1

В настоящее время существует множество исследований, посвященных идеологически окрашенным словам. Однако эти исследования зачастую проводятся в рамках политического дискурса или в контексте их

употребления в текстах СМИ. В данной диссертационной работе идеология понимается в широком смысле, т.к. наблюдается переплетение политической и быденной жизни, в результате чего само общество становится идеологичным.

В рамках современного понятия идеологии проксонимические связи образуются на основании взаимодействия различных типов сходства и различия и зависят от личностных взглядов носителя языка. Идеологические проксонимы в индивидуальном лексиконе функционируют в том числе вследствие конверсии оценки, детерминированной субъективным отношением человека к предмету или явлению. В работе предпринимается анализ идеологических проксонимов с опорой на психолингвистическую теорию слова.

Специфика идеологической проксонимии подразумевает обращение к социокультурным характеристикам, а также требует анализа степени влияния различных типов знаний на установление близости значения лексических единиц в индивидуальном лексиконе. При переживании близости значения слов человек опирается на социокультурный контекст, учитывающий воздействие параметров окружающей реальности на понимание лексического значения. Одним из таких параметров является фактор «возраст», который отражает динамику трансформации значений идеологических проксонимов во времени.

Исследование идеологических проксонимов происходит с привлечением информации о социокультурном и языковом фоне их функционирования. Значительная роль в данном случае отводится конвенциональным значениям, возникающим с опорой на сформировавшийся в обществе консенсус, обусловленный определенными социокультурными реалиями.

Изученный теоретический материал позволяет определить основные способы исследования идеологических проксонимов. Особое внимание уделяется теории проксиматики, позволяющей понять природу лексических

единиц на основании изучения человека и его картины мира. Исходя из данной теории, а также других изысканий в области изучения идеологически окрашенных слов, мы предлагаем более широкое понимание термина «идеологические проксонимы», под которым подразумеваются вербальные единицы, сформированные на основании социальных, культурных и житейских конвенций и функционирующие в определенный период времени в ситуации «здесь и сейчас».

Полагаем, что проблема исследования идеологических проксонимов с точки зрения психолингвистического подхода требует комплексного изучения, позволяющего рассмотреть значение слова в индивидуальном лексиконе с учетом реальной действительности, образа мира и культурной принадлежности. Данный подход позволяет вывести понимание идеологической лексики за пределы системы языка в «живой» язык, которым пользуется индивид.

Глава 2. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРОКСОНИМОВ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ

2.1. Вводные замечания

В данной главе рассматривается специфика функционирования идеологических проксонимов в индивидуальном лексиконе в рамках многоэтапного экспериментального исследования с последующей интерпретацией его результатов. Анализируются данные свободного ассоциативного эксперимента и методики субъективных дефиниций, полученные от носителей языка – представителей разных возрастных групп, проводится сопоставление ассоциаций и субъективных дефиниций с целью выявления особенностей функционирования идеологических проксонимов в лексиконе человека с опорой на теорию проксиматики – психолингвистическую теорию близости значения слов С.В. Лебедевой.

2.2. Вопросы организации экспериментального исследования

Экспериментальная часть нашего исследования направлена на рассмотрение особенностей функционирования идеологических проксонимов в индивидуальном лексиконе. Эксперименты проводились с привлечением носителей русского языка разных возрастов. При рассмотрении изучаемого феномена мы учитывали наличие опор, которые определяли специфику функционирования идеологических проксонимов в индивидуальном лексиконе в рамках параметров: область употребления, цель, отношение, эмотивность.

Мы также исходили из того, что осмысление лексической единицы протекает по законам психической деятельности индивида, но под

воздействием сложившихся в социуме систем вербальных значений, отношений, норм, оценок и т.д. [Залевская 1977, 1998б, 2000, 2011].

2.2.1. Критерии отбора материала для исследования

В качестве материала для первого этапа исследования выступили проксонимы, обладающие идеологической окраской ввиду их общественной значимости и высокой функциональной частотности в социальном контексте. Источником отбора стимулов послужили средства массовой информации и исследования М.Н. Эпштейна в области идеологической лексики [Эпштейн 1991, 2012]. Нами были изучены количественные и качественные данные лингвистических работ по исследованию идеологической лексики (см., например, [Водак 1997, Гусейнов 2003, Журавлев 2004, Кара-Мурза 2004, Норман 1995, Шейгал 2000а, Эпштейн 1991, 2012, Hodge R., Kress G. 1993] и запланировано экспериментальное исследование с применением следующих методов: свободный ассоциативный эксперимент и эксперимент с использованием методики субъективных дефиниций.

Следует отметить, что лингвисты давно обратили свое внимание на слова, приобретающие идеологические свойства, которые появляются под воздействием прагматических факторов. Особый интерес вызывает то, как человек относится к подобного рода словам и информации, которая за ними стоит. Работа с политическими источниками и текстами СМИ, а также наблюдения за живым языком позволили нам отобрать слова-стимулы. В качестве идеологических проксонимов мы, в том числе, рассматривали так называемые прагмемы, описанные М.Н. Эпштейном [Эпштейн 1991, 2012]. Таким образом, на первом этапе исследования мы сочли возможным рассмотреть 12 идеологических проксонимов: *МИРОЛЮБИЕ – ПРИМИРЕНЧЕСТВО, НАРОД – ЭЛЕКТОРАТ, ОСВОБОЖДЕНИЕ – ВТОРЖЕНИЕ, СВОБОДА – ГЛАСНОСТЬ, СТРАНА – ГОСУДАРСТВО, ВЛАСТЬ – ПРАВИТЕЛЬСТВО*. Подобное разделение лексических единиц

достаточно условно и может быть проведено в рамках научного исследования.

Отметим, что отобранные лексемы обладают различным функциональным потенциалом в индивидуальном лексиконе, что объясняется социально-политической обстановкой в стране. Таким образом, показатели смыслового сходства могут зависеть от уровня образованности, возраста, социального положения, культурного фактора. Мы полагаем, что вследствие идеологичности как свойства современного языка, особое место в ассоциативно-вербальной сети любого носителя языка принадлежит именно идеологически окрашенным словам, которые задают уникальный социальный фон, являющийся неотъемлемой частью информационного тезауруса индивида. Теоретическое рассмотрение феномена идеологических проксонимов подвело нас к необходимости проведения экспериментального исследования с целью выявления специфики функционирования рассматриваемых единиц в индивидуальном лексиконе. Помимо этого нам было интересно проанализировать наиболее рельефные из полученных ассоциативных полей.

2.2.2. Свободный ассоциативный эксперимент

Для достижения поставленных целей на данном этапе нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент (далее – САЭ). Данный метод позволяет раскрыть особенности функционирования слов в индивидуальном лексиконе, при этом осуществляется возможность изучить деятельность субъекта, которая в обычных условиях общения остается «за кадром» [Залевская 2005].

Психолингвисты нередко обращаются к методике свободного ассоциативного эксперимента для выявления социокультурных особенностей образов мышления носителей языка. Так, по мнению Н.В. Уфимцевой, ассоциативные поля, которые получает исследователь по итогам

экспериментального анализа слов-стимулов, представляют собой совокупность фрагментов вербальной памяти носителя языка и его представлений о мире, отраженных в культуре, его мотивов, оценок и культурных стереотипов [Уфимцева 1996: 140]. И.А. Стернин и З.Д. Попова полагают, что метод САЭ является наиболее эффективным методом изучения психологически реальных значений как «реальностей сознания» людей, а также предоставляет достоверные данные о языковых репрезентациях семантических компонентов слова-стимула [Попова, Стернин 2007].

2.2.2.1. Сведения об участниках эксперимента

В эксперименте принимали участие 28 человек, 14 из которых являлись студентами 1-го курса Юго-Западного государственного университета, обучающимися на экономическом факультете и факультете информационно-вычислительной техники, а также 14 преподавателей кафедры иностранных языков. Возраст студентов составил 18-20 лет, возраст преподавателей варьировался от 30 до 52 лет.

Испытуемым (далее – ии.) было предложено по 12 бланков со словами-стимулами, которые были даны им в произвольном порядке для получения наиболее объективных данных. Ии. давалась четкая инструкция, в соответствии с которой они должны были не задумываясь дать столько слов, сколько приходит в голову при виде исходного слова. Если слово незнакомо или не вызывало никаких ассоциаций, в бланке можно было поставить прочерк, отложить и больше к нему не возвращаться.

Данные об участниках САЭ приведены в табл. 1:

Таблица 1*Сведения об участниках эксперимента*

Свободный ассоциативный эксперимент	Социальное положение	Пол		Возраст	Количество
		мужской	женский		
	Студенты	7	7	18-20	14
	Преподаватели	2	12	30-52	14
Всего:					28

2.2.2.2. Количественный анализ экспериментального материала

В результате эксперимента было получено 392 бланка с общим количеством реакций – 945. Следует отметить, что преподаватели дали значительно меньшее количество реакций по сравнению со студентами (329:616). В результате вертикального анализа, цель которого – исключить непригодные для дальнейшего анализа бланки, было выбраковано 2 бланка, на которых было невозможно прочесть слова, а также было зафиксировано 20 отказов, о чем свидетельствовали бланки, не содержащие реакций, или бланки с прочерком. При количественной обработке не разграничивались грамматические формы одного слова, такие как единственное и множественное число существительного или женский, мужской род у прилагательных.

2.2.2.3. Функциональные опоры переживания сходства

Вследствие ограниченного объема диссертации не представляется возможным рассмотреть все полученные данные. Мы проведем анализ наиболее репрезентативных примеров, которые показывают специфику

функционирования идеологических проксонимов в индивидуальном лексиконе.

В качестве базовых при интерпретации данных полученных от участников эксперимента были параметры: область употребления, цель, отношение, эмотивность.

Качественный анализ результатов эксперимента призван показать ассоциативные связи между исходным словом и полученными реакциями. При этом мы учитывали возрастные особенности функционирования идеологических проксонимов в индивидуальном лексиконе.

Целью данного этапа было выявление *проксонимического признака*, которым пользуется человек в своей повседневной речемыслительной деятельности, что проявляется через переживание таких факторов как тождество, сходство, аналогия, подобие, различие, контраст [Лебедева 2002, 2007], поскольку мы наблюдаем не значение отдельного слова, а описание некоторой ситуации с общим/ различным значением, т.е. общей идеи. Следует отметить, что анализ экспериментального материала происходил с позиции отражения субъективного опыта человека как средства выхода на его образ мира.

Так как мы исследуем идеологические лексемы, основанием для сравнения при интерпретации полученного материала логично использовать *мыслительные стереотипы, характерные как для общества в целом, так и для индивидуального сознания*. Таким образом, происходит экспликация роли человека на определенном этапе развития общества через доступ к его образу мира, сформированному у человека к соответствующему моменту.

Идеологичность современной речи и специфики условий проведения эксперимента, а также полученные реакции свидетельствуют о присутствии особой когнитивной характеристики, которую мы сочли возможным обозначить как «ощущение идеологичности». Заметим, что С.И. Тогоева при исследовании понятия «новизна» отмечает, что «ощущение новизны не может быть ни чем иным, кроме субъективного, индивидуального

ощущения», но характер этого ощущения становится объективным в том случае, если большая часть носителей языка привносит данный критерий без учета всех механизмов восприятия человеком слова как значащей единицы в процессе коммуникативной деятельности» [Тогоева 2000: 92]. Особо подчеркивается, что исследовать «ощущения» в этой связи нельзя иначе, как в процессе изучения именно носителя языка и его индивидуального лексикона [там же].

Необходимо отметить, что «ощущение идеологичности» позволяет нам эксплицировать через исследуемые лексемы *знания, идеи, взгляды, ценности, нормы, идеалы, цели, убеждения, свойственные как социуму, так и отдельной личности*. В рамках нашего исследования знания трактуются «как опосредствующая действительность мысли с учетом их социальной обусловленности. Основная функция знаний разных видов – отражение объективного мира» [Залевская 1992: 37].

Следует отметить, что анализ экспериментального материала происходил с позиции отражения субъективного опыта человека как средства выхода на его образ мира. При этом смысловая общность стимула и реакции определялась с опорой на проксонимический признак личностной близости лексических значений в ситуации «здесь и сейчас», а также на основании таких параметров, как тождество, сходство, аналогия, подобие, различие, контраст [Лебедева 2002, 2007].

В качестве примера приведем анализ следующих идеологических проксонимов: СВОБОДА – ГЛАСНОСТЬ, МИРОЛЮБИЕ – ПРИМИРЕНЧЕСТВО, ВЛАСТЬ – ПРАВИТЕЛЬСТВО. Мы полагаем, что данные лексические единицы в наибольшей степени отражают культурный, социальный (в частности, возрастной) и личностный аспекты мировоззрения индивида. Считаем также рациональным провести анализ ассоциативных полей, выделенных на основании полученных реакций, с их последующим сравнением и сопоставлением.

В рамках психолингвистической концепции предоставляется возможность интерпретации слова как сети ассоциаций, в которой заключаются ментальные репрезентации, отображающие выводные знания. Необходимо отметить, что в нашем исследовании единицами анализа выступают не отдельные лексемы, а все, что с ними связано при доступе к информационному тезаурусу человека. Заметим, что в основе ассоциаций лежит сравнение, проявляющееся через отношение индивида к содержанию исследуемых слов. Определяющим принципом классификации полученных реакций было их разделение на основании сильного и слабого сходства. В реакциях ии. проявилось влияние параметра «возраст», раскрывшего представление о новом и старом в понимании идеологических проксонимов. Мы полагаем, что сравнение по принципу «новое/старое», помимо возрастного фактора, обусловлено также уровнем культуры ии., их отношением к себе, родине и окружающей действительности.

Итак, общая характеристика ассоциативного поля слова-стимула *СВОБОДА*, свидетельствует о широкой вариативности смысла, который связан с предъявленным стимулом у людей разных поколений. Так, полученные от преподавателей ассоциации *отсутствие давления, демократия, свобода слова, независимость* свидетельствуют о том, что у ии. старшего возраста данное понятие первую очередь связано с политическим контекстом «свобода». Необходимо отметить присутствие реакций «автоматизмов», т.е.: *свобода – от работы, свобода – от предрассудков, свобода – слова*, что, вероятно, объясняется влиянием социального и личностного фона.

Студенты на то же слово в основном дали ассоциации романтического характера: *птица, мир, полет*, что вероятно можно объяснить отсутствием негативного социального и жизненного опыта. Общая характеристика ассоциативного поля свидетельствует о том, что определение смыслового сходства в индивидуальном лексиконе происходит с опорой на личностные

знания. Данные знания обусловлены жизненным опытом ии., их возрастом, уровнем образования, а также ситуацией «здесь и сейчас».

Экспериментальные данные были распределены нами на наиболее частотные (количество человек, давших такую реакцию, – 5 и более), реакции со средней частотностью (менее 5) и единичные реакции. Материал представлен в виде изображенных ассоциативных полей, организованных по принципу соотношения числовых данных. Наиболее частотные реакции (ядро ассоциативного поля) мы расположили на синем фоне, менее частотные – на зеленом, единичные – на оранжевом.

Данные проведенного исследования отражены в ассоциативном поле лексемы СВОБОДА (см. рис. 2).

Рис. 2

Более детальный анализ ассоциативного поля лексемы СВОБОДА демонстрирует градуальность идеологичности феномена идеологических

проксонимов с опорой на определенные смысловые признаки, знания о мире через отнесение к конкретному предмету или явлению, которые знакомы/незнакомы испытуемым. Так, «новое», по нашему мнению, проявилось в данных студентами реакциях, которые можно объединить по признаку **состояние души** (*радость, гармония, легкость, покой/спокойствие, душевное равновесие*). Мы также выяснили, что для молодых людей понятие свободы тесно связано со **свободным временем**, что подтверждается такими реакциями, как *отдых, каникулы, выходные, от работы*, и **небом**: *птица, полет, воздух, ветер*. Особый интерес вызывают реакции *гласность* и *свобода слова*, которые свидетельствует о том, что для ии., отреагировавших подобным образом, гласность стала признаком свободы, т.е. если человеку можно открыто выражать свое мнение, значит он свободен. В данном случае мы наблюдаем ситуацию, когда лексика, присущая политическому дискурсу, «перетекла» в наивный дискурс.

В свою очередь стимул **ГЛАСНОСТЬ** вызвал у участников эксперимента разнообразные реакции в количестве 62 единиц, т.е. наблюдается широкая вариативность обозначения основного смысла, который связан у человека с предъявленным стимулом (см. Рис. 3). Экспериментальный материал показал, что у людей старшего поколения слово **ГЛАСНОСТЬ** ассоциируется со *свободой слова, демократией, цензурой*. Такие реакции, как *реклама, радио, телевидение, политика* говорят о том, что СМИ и политические события в нашей стране воспринимаются как полностью открытые для общества. У студентов слово *гласность* вызвало реакции, также увязываемые со средствами массовой информации: *телевизор, СМИ, новости* и т.д. Следует отметить, что у 3 молодых людей предложенная лексема вызвала ассоциацию со словом *голос*, что можно объяснить созвучием лексем *глас-голос*. Возможно, данные реакции обусловлены личностным опытом ии. или в данном случае подразумевается словосочетание *право голоса*. Профессиональная принадлежность ии. проявилась в реакции, полученной от преподавателя кафедры иностранных

языков, – speaker’s corner in Hyde Park. Это так называемый «Уголок оратора», находящийся в Гайд парке, где каждый может высказаться на любую тему.

Рис. 3

Таким образом, реакции, объединенные между собой по признаку **средства массовой информации**, а также по признаку **свобода слова**, можно отнести к ядру ассоциативного поля слова *ГЛАСНОСТЬ*. «Новое» отношение к слову *ГЛАСНОСТЬ* отражается в реакциях, связанных с **политической жизнью** (*демократия, президент, дебаты, Жириновский, Ельцин*) и **обществом** (*социум, народ, слушатели, аудитория*). Обратим внимание на реакции, демонстрирующие негативное отношение ии. к стимулу – *горлопанство, плохо, сплетни*. Подобные ассоциации объясняются тем, что образ, лежащий за тем или иным фрагментом действительности, непременно затрагивает эмоциональный контекст. Никакая информация не

может восприниматься человеком равнодушно, она неизменно предполагает переживание, что приводит к отрицательной или положительной характеристике объекта или явления [Лебедева 2002].

Ассоциативные поля идеологических проксонимов *СВОБОДА* и *ГЛАСНОСТЬ* показывают, что в качестве общих признаков проявились реакции, увязываемые с лексемами *демократия, воля, свобода слова*. Исходные слова также вызвали друг друга в качестве реакций, что они демонстрируют смысловое сходство через характер ассоциаций. Иными словами, сближение стимулов происходит в результате получения схожих по смыслу реакций носителей языка. Степень пересечения ассоциативных полей идеологических проксонимов *СВОБОДА-ГЛАСНОСТЬ* составила 10% от общего числа реакций, что наглядно представлено на рисунке 4.

Рис. 4

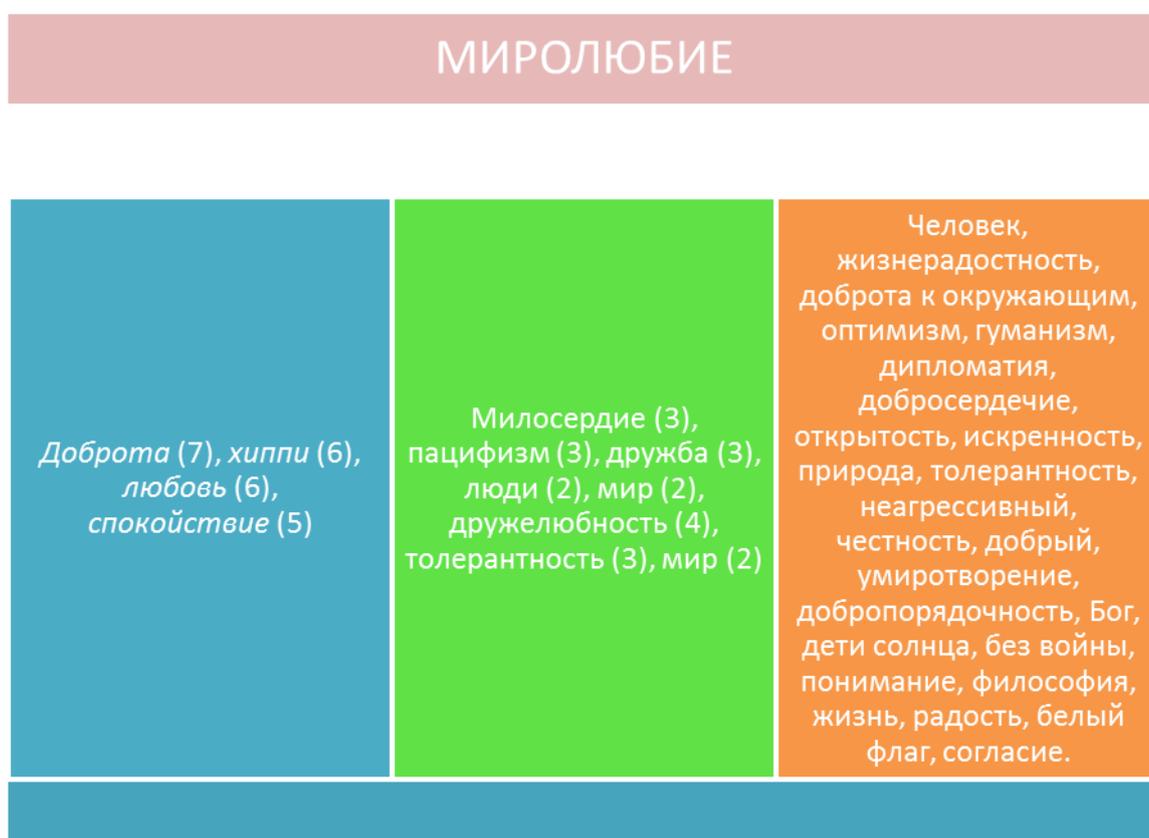
Схема пересечения полей идеологических проксонимов *СВОБОДА-ГЛАСНОСТЬ*

Рассмотрим ассоциативное поле стимула *МИРОЛЮБИЕ*, на который было получено 72 реакции (см. Рис.5). Анализ экспериментального материала показывает, что многие ассоциации ии. были даны в соответствии с принципом «новое/старое». Так, лексическая единица *МИРОЛЮБИЕ* у ии. старшего возраста в основном ассоциируется с такими понятиями, как *любовь, пацифизм, доброта, спокойствие, дружелюбие*. Для некоторых

преподавателей миролюбие в первую очередь определяется **субкультурой хиппи**, о чем свидетельствуют следующие реакции: *дети солнца, хиппи, философия*. Реакции в определенной степени отражают идеологичность понятия *миролюбие*. Данный факт подтверждается также тем, что студенты выразили в своих реакциях похожие ценностные ориентиры: *доброта, милосердие, пацифизм, гуманизм*. Таким образом, ситуация, выступающая в качестве опоры при установлении фактов сходства, оказывает непосредственное воздействие на особенности средств выражения одинакового содержания различными средствами языка.

Рис. 5

Слово-стимул *ПРИМИРЕНЧЕСТВО* вызвало сравнительно небольшое количество реакций (58 единиц) и получило 3 отказа (см. рис. 6). По-видимому, затруднение при восприятии стимула *ПРИМИРЕНЧЕСТВО* вызвано тем, что слово малоупотребимо в индивидуальном лексиконе

большинства ии. У преподавателей лексема ассоциировалась, прежде всего, с такими понятиями, как *терпимость, согласие, компромисс, толерантность, безразличие, соглашательство, дружелюбие*; у студентов – с *дружбой, миром, согласием, друзьями*. Данные реакции составили ядро ассоциативного поля. Лишь некоторые ии. из числа студентов обратили внимание на негативную оценку этого понятия и дали следующие реакции: *терпимость, соглашательство, снисходительность, смирение, неизбежность*. Особого внимания заслуживают единичные реакции *сладости* и *цветы*. Ассоциации были получены от студентов и обусловлены, видимо, субъективным опытом ии. Полагаем, что данный опыт связан с тем, что молодые люди при примирении в определенных ситуациях обычно дарят цветы и сладости.

Рис. 6

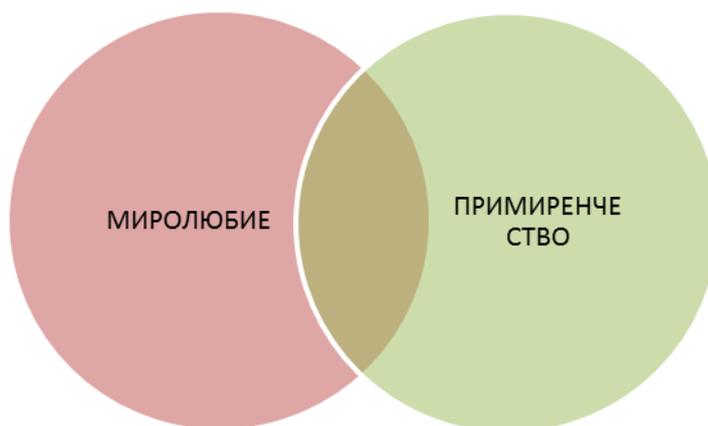

Ассоциативные поля слов-стимулов *МИРОЛЮБИЕ* и *ПРИМИРЕНЧЕСТВО* обнаруживают следующие схожие по смыслу

реакции: *дружба, добро, мир/перемирие*. Следовательно, для части ии. данные пары слов являются близкими по значению. Таким образом, степень пересечения значений исследуемых идеологических проксонимов составила 7% от общего числа реакций (см. Рис. 7).

Рис. 7

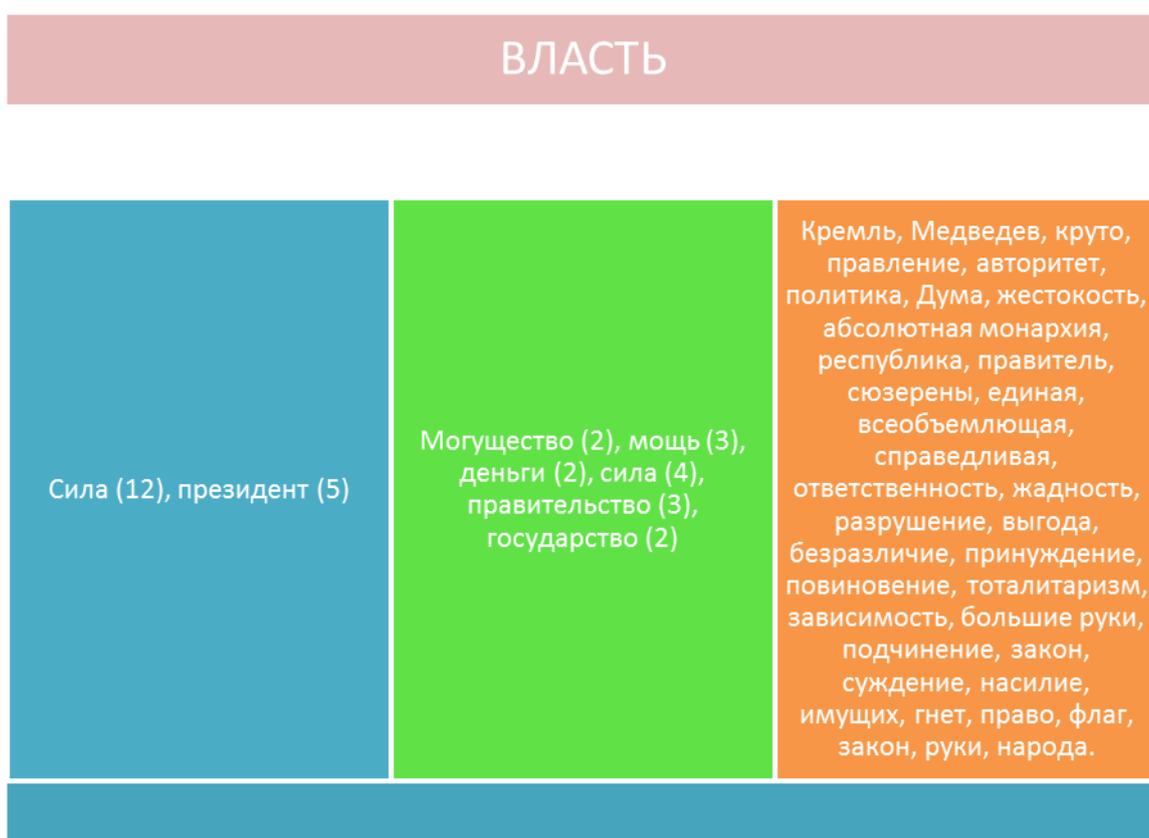
Схема пересечения полей идеологических проксонимов *МИРОЛЮБИЕ-ПРИМИРЕНЧЕСТВО*

Ассоциативное поле, стоящее за стимулом *ВЛАСТЬ*, состоит из 69 лексических единиц и сочетаний (см. Рис. 8). Отметим, что преподаватели отреагировали как реакциями, обладающими отрицательной оценкой (*гнет, насилие*), так и положительно оценочными (*мощь, сила, право*). Были получены также словосочетания, в которых первое слово – стимульное, а второе – реакция, согласованная со словом-стимулом: *власть – имущих, власть – народа*. Студенты отреагировали на тот же стимул следующими ассоциациями: *Кремль, Дума, Медведев, правитель, монархия* и др. Подобные реакции можно объединить по признаку **управление страной**. Для некоторых студентов это слово ассоциируется с **деньгами** (*выгода, жадность, большие руки*), что свидетельствует о финансовой подоплеке данной лексемы в сознании молодых людей. Особый интерес представляет реакция *сюзерены*, свидетельствующая о достаточно высоком уровне

образованности или широком кругозоре человека, отреагировавшего подобным образом. Следует также отметить группу ассоциаций, объединенных по признаку **угнетение**: *повиновение, принуждение, подчинение, жестокость, насилие, гнет*. Подобные реакции, безусловно, несут на себе отпечаток личностных знаний и опыта носителей языка.

Рис. 8

Таким образом, полученные реакции можно условно разделить на связанные с политическим феноменом и относящиеся к абстрактному понятию власти как способности осуществлять свою волю. Распознавание лексемы *власть* как социального института позволяет нам говорить о близости значений идеологических проксонимов **ВЛАСТЬ-ПРАВИТЕЛЬСТВО**.

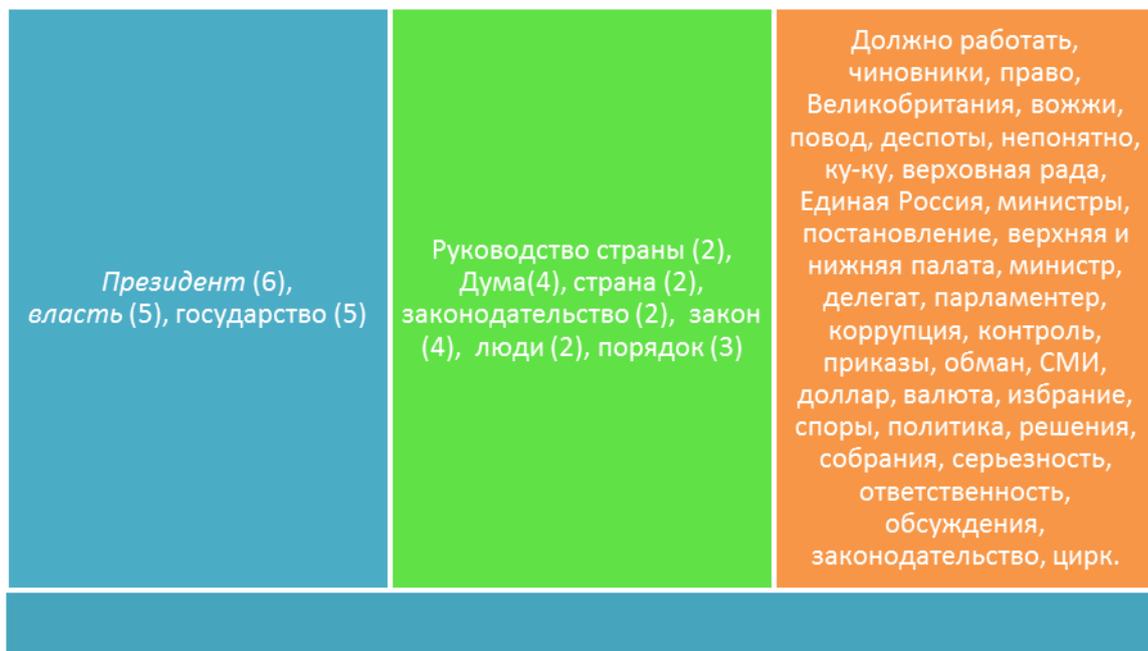
Лексема **ПРАВИТЕЛЬСТВО** также получила 69 реакций и в первую очередь увязывалась в индивидуальном лексиконе преподавателей с

государственным аппаратом: *президент, Дума, чиновники, руководство страны*. Присутствовала также одна негативная реакция *деспоты*, обусловленная, вероятно, личным неприятием участником эксперимента данного механизма государства. Студенты дали на это слово похожие реакции (*Единая Россия, парламент, министр* и т.д.). Разнообразие реакций показало, что молодежь увязывает слово *ПРАВИТЕЛЬСТВО*, как и слово *ВЛАСТЬ*, в первую очередь с *деньгами (коррупция, доллар, валюта)*, что, по-видимому, объясняется вхождением большинства современных политиков в список наиболее обеспеченных людей страны.

Так, реакции, связанные с *управлением и деньгами*, представляют собой ядерную область ассоциативного поля лексемы *ПРАВИТЕЛЬСТВО*. Часть ии. видит в данном стимуле **законотворческий орган** (*законодательство, закон, порядок*). Негативное отношение проявилось в таких реакциях, как *ку-ку, обман, цирк*. Ассоциативное поле стимула представлено на рис. 9.

Рис. 9

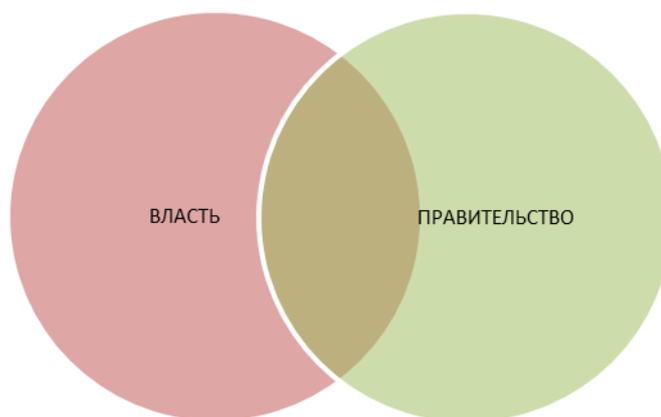
ПРАВИТЕЛЬСТВО

Слова *ВЛАСТЬ* и *ПРАВИТЕЛЬСТВО* получили большое количество схожих по смыслу ассоциаций, например, *президент, политика, государство* и т.д., а также вызвали друг друга в качестве реакций. Это служит доказательством того, что данные слова близки по своему значению согласно признаку личностной близости лексического значения в ситуации «здесь и сейчас». В этом случае ассоциативные поля продемонстрировали наиболее высокую степень пересечения – 25% (см. Рис. 10).

Рис. 10

Схема пересечения полей идеологических
 проксонимов *ВЛАСТЬ – ПРАВИТЕЛЬСТВО*

Результаты качественной интерпретации САЭ подтвердили, что большинство идеологических проксимов обладают смысловым сходством, обусловленным субъективным опытом ии. Мы выяснили, что в основании сравнения при установлении близости значения слов в индивидуальном сознании зачастую лежит принцип «новое/старое», который строится с опорой на признак общности/различия основания для сравнения, знания и образ ситуации.

Следует отметить достаточно высокую степень идеологичности исследуемых лексических единиц, их способность отражать взгляды, убеждения, ценностные ориентации участников эксперимента. В реакциях ии. прослеживаются некие стереотипы, сложившиеся в обществе в тот или иной временной период. Показал, что Полученные в ходе эксперимента реакции свидетельствуют о наличии в индивидуальном сознании человека определенной схемы знаний, увязываемой с информацией, передаваемой лексемами. Мы также выяснили, что фактор возраста в значительной степени влияет на идеологию человека, и у людей разных возрастных категорий зачастую возникают различные способы переживания сходства, неосознаваемые индивидом в процессе речевой деятельности.

2.2.3. Методика субъективных дефиниций

Использование методики субъективных дефиниций обусловлено стремлением выявить реальное содержание идеологических проксонимов и детализировать хранящиеся в памяти носителя языка знания о ситуациях, увязываемых с воспринимаемой лексемой. Мы полагаем, что экспериментальные факты, предоставленные носителями языка, в значительной степени дополняют результаты, полученные по итогам проведения САЭ.

Под субъективной дефиницией, вслед за С.В. Лебедевой, мы понимаем не дефиницию в строгой лингвистической трактовке этого термина, встречающуюся в словарях, а своеобразный продукт переработки субъективного опыта человека при попытке определить значение слова. Считается, что человек никогда не задумывается о значении слова перед его употреблением, но, тем не менее, употребляет его правильно и в нужной ситуации, иначе было бы невозможно общение [Лебедева 2002]. Исследователи отмечают, что субъективные дефиниции можно рассматривать как «возможные в данном контексте процессы переживания сравнения» [Лебедева, Зубкова 2006: 81].

Нашей задачей было получить доступ к доминирующему в сознании человека варианту значения слов-стимулов, а также посредством сопоставления субъективных толкований со словарными определениями и полученными в ходе САЭ реакциями выявить факты установления сходства исследуемых идеологических проксонимов. На этом этапе, как и на предыдущем, нам было интересно проследить динамику изменения лексического значения идеологических проксонимов под влиянием параметра «время». Так, «новое», по нашему мнению, проявилось в субъективных дефинициях, полученных от ии., а «старое» было отслежено на основании словарных определений исследуемых лексических единиц.

Материалом для исследования послужили слова, которые ранее были использованы нами при проведении САЭ. Участникам эксперимента предъявлялись карточки (12 штук), на каждой из которых было записано отдельное слово. Задача ии. состояла в том, чтобы дать дефиницию этому слову. Время работы с каждой карточкой не ограничивалось, карточки с незнакомыми словами можно было отложить и больше к ним не возвращаться.

2.2.3.1. Сведения об участниках эксперимента

В эксперименте приняли участие 20 студентов 1 курса Юго-Западного государственного университета, обучающихся по специальностям «Мехатроника» и «Мировая экономика».

Таблица 2

Сведения об участниках второго этапа экспериментального исследования

Субъективные дефиниции	Социальный статус	Пол		Возраст	Кол-во
		мужской	женский		
	Студенты	10	10	18-20	20

2.2.3.2. Результаты количественного анализа

По итогам данного этапа экспериментальной работы было получено 240 бланков с общим количеством субъективных дефиниций – 261. Зафиксировано 19 случаев отказа от реакции, что, по-видимому, обусловлено отсутствием или низкой частотностью употребления тех или иных слов в индивидуальном лексиконе некоторых ии.

Большинство реакций, полученных в результате эксперимента, представляли собой развернутые определения слов-стимулов, такие, например, как: МИРОЛЮБИЕ – *это дружественное отношение одного человека к другому*; ГЛАСНОСТЬ – *возможность открыто выразить свое мнение*; НАРОД – *это неуправляемая масса людей*.

2.2.3.3. Критерии проксимичности в контекстах субъективных дефиниций

К основным критериям установления фактов близости значения слов относятся понятия сходства и различия, а также определение доминантных и оттеночных значений. Сходство и различие языковых фактов у различных людей может иметь неодинаковый диапазон индивидуальных различий и/или различаться по средним показателям изучаемой психологической характеристики [Лебедева 2002]. Таким образом, проявление сходства может проявляться на основании нахождения точек их различия. Определение степени близости значения также обусловлено «мерой сходства» в большей или меньшей степени проявленности, а также за счет объединения лексических единиц по смыслу. Таким образом, слова группируются на основании определенной семантической общности при одновременном присутствии сопутствующих различий. Важную роль при этом также играют различные оттенки значения [там же].

Следует отметить, что словарное значение слова и дефиниция, заложенная в сознании человека, порой не имеют ничего общего, так как информация, увязываемая с тем или иным словом, основывается на субъективном опыте индивида. Автор теории ментальных пространств и концептуальной интеграции Жиль Фоконье полагает, что в ментальном пространстве человека заложены огромные массивы информации, создающие необходимые условия для понимания конкретного содержания [Fauconnier, Turner 2006]. Субъективные дефиниции можно рассматривать

как тексты-примитивы [Сахарный 1991], обладающие глубинным характером, образной природой, организацией познавательных процессов, в том числе психической и культурной деятельности человека [Лебедева 2002].

Итак, рассмотрим слово СВОБОДА, которое не получило ни одного отказа от дефиниций. Ии. дали на него следующие определения: *когда ни от кого не зависишь, возможность поступать в соответствии с личными приоритетами, независимость человека от кого-либо или чего-либо, когда человек волен делать любой выбор, возможность безграничного выбора* и др. Наиболее частотными были реакции: *ни от кого не зависишь/независимость (4), предоставление выбора (3), жизнь по своим правилам, возможность выбора (2), открытость (2)*. «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова трактует лексему «свобода» следующим образом: **Свобода**, -ы, ж. 1. Отсутствие политического и экономического гнета, отсутствие стеснений, ограничений в общественно-политической жизни общества. 2. Государственная независимость, суверенитет. 3. Отсутствие крепостной зависимости, рабства. 4. Состояние того, кто не находится в заключении, в неволе. 5. Отсутствие зависимости от кого-л. 6. Возможность действовать без ограничений. 7. Возможность проявления своей воли. 8. Легкость, отсутствие затруднений. 9. Разг. Раздолье, простор. 10. Свободное, незанятое время, досуг [Кузнецов 2000].

Таким образом, дефиниции, данные ии., и словарное значение слова «свобода» частично расходятся. В словарном толковании передано значение данного слова с точки зрения коллективного знания, в то время как субъективные дефиниции основываются на личных переживаниях участников эксперимента и несут в себе новую информацию и повышенную экспрессию: *безграничные возможности, когда нет забот, когда никому ничего не должен*. Следует отметить, что субъективные дефиниции предоставляют более детальную информацию о личностном значении слов-стимулов, нежели реакции, полученные в результате описанного выше САЭ: *независимость, демократия* и т.п.

Лексема *ГЛАСНОСТЬ* сегодня не так активна, как, например, в годы перестройки и редко употребляется в индивидуальном лексиконе молодежи. У студентов слово получило следующие субъективные дефиниции: *независимость (3), открытость (4), свобода слова (7), свобода мысли (4), публичность, возможность открыто заявлять свое мнение, возможность свободных выборов, согласие (2), возможность открытого выбора, один за всех и все за одного, правильность речи, выход информации за рамки какого-то круга, отношения с кем-либо, то, чего нет в нашей стране.*

Информационное содержание данного слова в соответствии со словарной статьей трактуется следующим образом: **Гласность**, -и, ж. Один из принципов демократии: открытая и полная информация о любой общественно значимой деятельности и возможность ее свободного, широкого обсуждения. Некоторые субъективные дефиниции не совпали со словарным значением слова «гласность»: *один за всех и все за одного, правильность речи, выход информации за рамки какого-то круга, отношения с кем-либо.* Тем не менее, они отражают субъективную картину мира человека, его индивидуальный взгляд на предметы и явления.

Полученные субъективные дефиниции позволили нам определить, на какие личные переживания опирались респонденты при толковании слов. Так, в обыденном сознании носителей языка понятия «свобода» и «гласность» в целом имеют положительный характер и в первую очередь увязываются в сознании человека с чем-то приятным, желаемым, дающим множество возможностей. Однако некоторые ии. понимают данные лексемы как нечто недостижимое (*свобода – то, к чему стремишься; гласность – то, чего нет в нашей стране*). Не вызывает сомнений тот факт, что при определении лексем ии. опирались на свой субъективный опыт и личные знания, связанные с их социальной и индивидуальной жизнью.

Рассмотрим субъективные дефиниции, данные ии. на лексическую единицу *МИРОЛЮБИЕ*: *дружественное отношение, нежелание вступать в конфликт, любовь к окружающему миру (7), решение проблем без агрессии,*

доброта к окружающим, способность лояльно относиться к окружающему миру, когда человек любит все, что его окружает, стремление к миру, отношение к миру с добротой, терпимость к людям и т.д. Субъективные дефиниции показывают, что некоторые участники эксперимента понимают смысл лексемы как любовь к окружающему миру, а не миру в значении «согласие», в то время как словарь С.А. Кузнецова дает следующее толкование данному слову: **Миролюбие**, -я; ср. Стремление к миру, согласию, сохранению мирных отношений [Кузнецов 2000].

Слово-стимул *ПРИМИРЕНЧЕСТВО* вызвало трудности у ии. и получило 7 отказов. Об индивидуальном восприятии этого слова мы можем судить по следующим субъективным дефинициям: *жизнь в мире (2), когда люди мирятся друг с другом, стремление к миру (4), способность мириться, решение проблем мирным путем, терпимость к людям, принятие чего-либо как должного, желание сгладить противоречия, избежание конфликта, смирение человека с чем-либо.* Некоторые ии. воспринимают лексему «примиренчество» как нечто положительное: *жизнь в мире, стремление к миру, решение проблем мирным путем.*

«Большой толковый словарь русского языка» С.А. Кузнецова определяет данное слово следующим образом: **Примиренчество**, -а; ср. Стремление любой ценой сгладить противоречия, избежать конфликта; уступчивость, соглашательство [Кузнецов 2000]. Однако «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова, изданный в 1935-1940 гг., трактует его иным образом: **Примиренчество**, а, мн. нет, ср. (полит.) Политика примирения с классовым врагом, сглаживания или сокрытия классовых противоречий, пособничества деятельности оппортунистов, как правых, так и «левых», ведущая к разоружению в борьбе с оппортунизмом [Ушаков 1935-1940: URL].

В словаре Д.Н. Ушакова слово имеет помету «политическое», а его определение содержит явные признаки тоталитарности. Параметр времени оказал влияние не только на словарное определение данной лексической

единицы, но и сгладил его значение в сознании и индивидуальном лексиконе современных молодых людей.

Что касается лексемы ВЛАСТЬ, то ии. определили ее следующим образом: *управление чем-либо (2), руководство государством, максимум полномочий, сила и влияние, обладание полномочиями (3), большое количество денег, преимущество над чем-либо, управление людьми (2), возможность управлять государством, подчинение людей, группа людей, управляющая другими* и т.д. В целом, субъективные дефиниции отражают общий смысл словарной статьи этого слова: **Власть**, -и; ж. Право и возможность распоряжаться, повелевать, подчинять своей воле. 2. Могущество, господство, сила. 3. только мн.: власти, -ей. Должностные лица, начальство, администрация. 4. Право управления государством или регионом; органы, наделенные таким правом. 5. Орган государственного управления, правительство [Кузнецов 2000].

Разнообразие субъективных дефиниций демонстрирует внутренние переживания ии., их личностный и социальный опыт. Так, определение одного из ии. «*ВЛАСТЬ – это большое количество денег*» показывает, что при дефинировании он основывался на субъективном понимании слова «*власть*» и опирался на собственные представления и моральные ценности. Подобная ситуация наблюдается в толковании «*ВЛАСТЬ – это круто*», т.е. давший такое определение человек выражает свое эмоциональное состояние на момент участия в эксперименте. Такая же реакция была зафиксирована и в результате анализа САЭ, что подтверждает целесообразность использования нескольких экспериментальных методик для достижения целей исследования.

Рассмотрим субъективные дефиниции, полученные на слово-стимул ПРАВИТЕЛЬСТВО: *орган управления государством, шайка мошенников, организация людей, состоящая из партий, далекое и нелюбимое мной явление, управление страной, главный государственный аппарат, группа лиц, управляющих государством, орган власти, орган руководства страной* и т.д.

Определения участников эксперимента передают общий смысл словарной статьи: **Правительство**, -а, ср. Высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти, осуществляющий непосредственное управление государством [Кузнецов 2000].

О личностных переживаниях, касающихся лексемы *ПРАВИТЕЛЬСТВО*, мы можем судить по субъективным дефинициям, определяющим его как «*далекое и нелюбимое мной явление*» или как «*шайку мошенников*». Данные определения демонстрируют способность человека переносить собственные переживания на понимание слов, т.е. происходит перенесение фокуса сознания, которое регулируется потребностями текущего момента «здесь и сейчас».

Слово-стимул **ОСВОБОЖДЕНИЕ** среди прочих получило такие субъективные дефиниции, как: *уход человека из-под стражи, избавление от нежелательных действий, снятие наказания за неправомерное действие, процесс предоставления свободы, свобода от проблем, выход из тюрьмы* и т.д. Для участников эксперимента *освобождение* связано в первую очередь с выходом из мест лишения свободы. Словарное определение этого слова выглядит следующим образом: **ОСВОБОЖДЕНИЕ**, -я; ср.1. к Освободиться – освобождаться – стать свободным, независимым. 2. Медицинский документ, освобождающий от работы, занятий и т.п. по состоянию здоровья [Кузнецов 2000]. Следует отметить, что субъективные дефиниции в данном случае пересекаются с результатами проведенного ранее САЭ, по итогам которого были также получены ассоциации, связанные с **тюремным заключением**: *оковы, заключение, тюрьма*; а также с **военными действиями**: *прорыв, война, высадка, конец войны*. Некоторые студенты дали на это слово следующие реакции: *немцы, блокада, солдаты, праздник, ликование, слезы*. Это говорит о том, что стимул *ОСВОБОЖДЕНИЕ* в индивидуальном лексиконе молодых людей тесно связано с Великой Отечественной войной, а также радостью освобождения от фашистских оккупантов, что отражается в

данных ии. реакциях и подтверждает высокую степень идеологичности слова.

Лексическую единицу ВТОРЖЕНИЕ ии. определили так: *проникновение в личное пространство, нападение, внедрение в чужую жизнь, покушение на чью-то территорию, нарушение территориальных границ, объявление войны* и др. Участники эксперимента понимают данное слово как нечто негативное, прослеживается связь с полученными прежде данными САЭ. Дефиниции и ассоциации типа *война, захват, Гитлер, насилие* отражают основание близости значения слов в индивидуальном сознании, обусловленное признаком принадлежности к некоторой предметной области, которая по разным параметрам связана с предъявляемым словом и субъективно переживается как близкая ему по значению. На примере экспериментального материала мы наблюдаем включение слова в идиолексикон человека посредством установления связей между словом и единицами «разной степени интегративности», функционирующими в языковом сознании как интерпретация его в рамках образа мира, сложившегося у человека [Залевская 2000]. Словари трактуют лексему ВТОРЖЕНИЕ как действие от глагола *вторгаться*, который обозначает *входить силою, вламываться* [Ушаков 1935-1940: URL].

В ходе интерпретации экспериментального материала мы учитывали тот факт, что любые лексемы опознаются носителем языка как «свои» или «чужие», т.е. сходство преломляется через индивидуальные представления человека. В качестве похожих выбираются такие признаки предметов и явлений, которые актуальны для индивида, очень часто сходство переживается эмоционально. Установление границ сходства происходит на основании многообразия социальной, половозрастной, ситуативной и т.п. стратификации [Лебедева 2002]. Например, слово-стимул ЭЛЕКТОРАТ помимо нейтральных дефиниций типа *голосующий народ, люди, которые выбирают, люди, имеющие право выбора* и т.д., получило и более субъективные определения, обусловленные личными переживаниями:

несчастные люди, когда нет выбора, но приходится выбирать. «Большой энциклопедический словарь» дает следующее толкование слова ЭЛЕКТОРАТ: (англ. electorate от лат. elector – избиратель), 1) совокупность избирателей, поддерживающих на выборах какую-либо программу, партию или кандидатуру; 2) вообще все те, кто имеет право голосовать на выборах [Большой энциклопедический словарь: URL].

Итак, экспериментальный материал подтвердил, что субъективная дефиниция является своеобразным продуктом переработки индивидуального и социального опыта человека и опережает словарное значение за счет постоянных экономических, политических, социальных и духовных изменений, происходящих в социуме и, соответственно, в сознании человека. Мы также выяснили, что субъективные дефиниции демонстрируют новое понимание идеологических проксонимов, в то время как в словарях зафиксировано универсальное коллективное знание, не отражающее всего разнообразия личностных эмоций и переживаний. Таким образом, установление близости значения слов индивидом происходит с учетом собственных знаний и представлений, которые по-разному воздействуют на то, что понимание одного и того же фрагмента реального мира может быть выражено различными языковыми средствами.

2.3. Критерии проксонимичности с опорой на параметр «время»

Социокультурные изменения, оказывающие непосредственное влияние на идеологические процессы, неразрывно связаны с жизнью общества, что, в свою очередь, приводит к появлению новых лексических значений и изменению оценочности слов, обладающих идеологической окраской. На данном этапе экспериментального исследования мы намеревались на основании критериев проксонимической близости определить особенности восприятия индивидом идеологической лексики, отражающей ценностные установки общества, уделив при этом особое внимание параметру «время»,

оказывающему непосредственное влияние на установление фактов смыслового сходства. Исследование проводилось с учетом социокультурных и личностных особенностей функционирования слова в индивидуальном сознании. Нам также было интересно сравнить идеологические взгляды представителей разных культур, в связи с чем, помимо носителей русского языка, нами были привлечены носители британского английского языка.

Итак, среди носителей русского языка нами был проведен эксперимент с использованием методики субъективных дефиниций, в котором приняли участие 30 студентов факультета иностранных языков в возрасте от 19 до 22 лет, а также 30 работников завода «Маяк» в возрасте от 28 до 62 лет. Таким образом, нами был расширен возрастной и профессиональный диапазон ии. по сравнению с первым и вторым этапом экспериментальной работы. Что касается носителей английского языка, то они приняли участие в эксперименте в режиме «онлайн» на сайте <http://www.surveymonkey.com/>. Данный Интернет-ресурс позволяет проводить различного рода исследования, а также предоставляет полный отчет о полученных ответах и статистические данные о прохождении опроса ии. В целом от британцев нами было получено 20 анкет.

Как и в предыдущем эксперименте с использованием методики субъективных дефиниций, носителям русского языка предъявлялась карточка, на которой было записано отдельное слово; задача состояла в том, чтобы дать дефиницию этому слову. Время работы с каждой карточкой не ограничивалось, карточки с незнакомыми словами можно было отложить и к ним больше не возвращаться. На данном этапе экспериментальной работы в качестве материала послужили идеологические проксонимы, отражающие скорее моральные ценности человека, нежели его отношение к политике.

Таким образом, мы отобрали 14 лексем: ИСТИНА – СПРАВЕДЛИВОСТЬ, НРАВСТВЕННОСТЬ – ЧЕСТЬ, МЕНТАЛИТЕТ – УБЕЖДЕНИЕ, ГРАЖДАНИН – ЧЕЛОВЕК, НАЦИОНАЛИЗМ – ПАТРИОТИЗМ, БОРЬБА – ПОЕДИНОК, КОЛЛЕКТИВ – ОБЩЕСТВО.

Главным критерием отбора стимулов являлась частота их употребления в современном языке и способность заключать в себе идеологические и духовные взгляды носителя языка. Слова отбирались из толковых словарей русского языка [Кузнецов 2000; Даль 2009]; работ М.М. Бахтина [Бахтин 1997, 2000 и др.], Т.А. ван Дейка [2000, 2001]; С.Б. Борисова [Борисов 2001], М.Н. Эпштейна [Эпштейн 1991, 2012] и др., в которых рассматриваются особенности идеологической лексики; периодические издания и наблюдения за живым языком.

Носители английского языка были приглашены для участия в онлайн-эксперименте, в инструкции к которому было написано следующее: *Hello! You are taking part in a linguistic experiment. Here 14 words. Read them and write below each of them a definition that you think of at the moment. Do it quickly. Do not correct anything. If you don't have any ideas, skip the word.*

Материалом для исследования послужили перечисленные выше идеологические проксонимы, переведенные на английский язык: TRUTH – JUSTICE, MORALITY – HONOUR, MENTALITY – OPINION, CITIZEN – PERSON, NATIONALISM – PATRIOTISM, FIGHT – DUEL, GROUP – SOCIETY. Возраст британцев составил 20-25 лет.

Таблица 3

Сведения об исследуемых идеологических проксонимах

Идеологические проксонимы на русском языке	Эквиваленты идеологических проксонимов на английском языке
ИСТИНА – СПРАВЕДЛИВОСТЬ	TRUTH - JUSTICE
НРАВСТВЕННОСТЬ – ЧЕСТЬ	MORALITY - HONOUR
МЕНТАЛИТЕТ – УБЕЖДЕНИЕ	MENTALITY – OPINION
ГРАЖДАНИН – ЧЕЛОВЕК	CITIZEN - PERSON
НАЦИОНАЛИЗМ – ПАТРИОТИЗМ	NATIONALISM - PATRIOTISM

БОРЬБА – ПОЕДИНОК	FIGHT – DUEL
КОЛЛЕКТИВ – ОБЩЕСТВО	GROUP - SOCIETY

В результате эксперимента от русскоязычных ии. было получено 840 бланков, испорченных не было. Общее количество полученных субъективных толкований на русском языке составило 1042 единицы, каждый участник эксперимента приводил от 1 до 3 дефиниций. Мы свели субъективные дефиниции для каждого слова-стимула в таблицу и расположили по степени частоты использования с указанием количества ии., давших определенную дефиницию. Было зафиксировано несколько отказов среди студентов: КОЛЛЕКТИВ – 2 отказа, СПРАВЕДЛИВОСТЬ – 1 отказ, УБЕЖДЕНИЕ – 1 отказ, ОБЩЕСТВО – 1 отказ; среди работников завода «Маяк»: МЕНТАЛИТЕТ – 3 отказа; УБЕЖДЕНИЕ – 1 отказ, ПОЕДИНОК – 1 отказ. Таким образом, мы видим, что затруднения у студентов и ии. старшего возраста вызвали разные слова. Это обусловлено тем, что со временем представления людей о тех или иных лексических значениях изменяются, изменяется и их картина мира. Считается, что картина мира представляет собой субъективную карту пространства и времени, схему связей между объектами, набор формул последовательности, систему правил, которые управляют миром, в котором живет человек [Жидков, Соколов 2005].

Следует отметить, что образование субъективной дефиниции в индивидуальном лексиконе проистекает с опорой на личностный опыт человека и базируется непосредственно на процессах распознавания всей информации, заложенной в лексеме. Таким образом, мы проводили анализ субъективных дефиниций с опорой на критерии сходства, позволяющие выявить общий компонент значения изначального слова, играющего роль ориентира при переживании сходства или различия.

Идя вразрез с традиционным подходом к значению слова как его словарной дефиниции, психолингвистическая наука акцентирует внимание

на определении сходства и различия в индивидуальном сознании на основании отдельных мысленных образов и конкретных действий, а также их признаков, эмоциональной оценки и впечатлений с дальнейшей их регистрацией в некотором субъективном коде [Лебедева 2002]. Данная концепция выразилась в нашем материале за счет разнообразия толкований русскоязычными ии. идеологических проксонимов, выступивших в роли слов-стимулов.

Носители британского английского языка предоставили в целом 297 реакций, было зафиксировано 2 отказа на слово MENTALITY и по 1 отказу на стимулы HONOUR, MORALITY и JUSTICE.

Итак, анализ экспериментального материала происходил на основе признаков, разделяющих полученные субъективные дефиниции на подгруппы, а также признаков, обобщающих исходные пары слов между собой. Выявленные общие субъективные дефиниции, данные ии. на пары идеологических проксонимов, свидетельствуют о близости их значений в индивидуальном сознании. Следует подчеркнуть, что близость значения слов в индивидуальном сознании связана с опорой на знания разного рода, с которыми увязываются лексемы в процессе их употребления носителем языка. Русскоязычный экспериментальный материал был распределен нами в соответствии с факторами, определяющими специфику функционирования идеологических проксонимов как достояния человека. Нами были выделены группы определений, объединенные по определенному признаку. Для наглядности мы представили данные группы в виде диаграмм, демонстрирующих процентное соотношение полученных субъективных дефиниций. Что касается реакций, данных англоязычными ии., то мы не объединяли их с русскими субъективными дефинициями, т.к. они послужили лишь источником дополнительной информации, использованы с целью сравнения и описания стратегий сходства под влиянием различных факторов, в том числе параметра «время».

Рассмотрим идеологические проксонимы ИСТИНА – СПРАВЕДЛИВОСТЬ. Большинство субъективных дефиниций, данных ии. (как студентами, так и работниками завода «Маяк») на слово ИСТИНА, было объединено в группу по признаку **правда** – 37%. Были получены также определения, содержащие признак, показывающий **открытость** понятия: *то, что нельзя скрыть; на поверхности; без прикрас*; а также признак **объективности и неоспоримости**: *не требует доказательств; верное утверждение; аксиома; факт; устоявшиеся догмы; объективное положение вещей; неоспоримая правда; не требует опровержений; объективная действительность; объективность; абсолютное знание* – 18%.

Часть ии. (4%), напротив, трактовали слово «истина» как *относительное понятие; недостижимое; субъективное понятие*. Фактор времени проявился в том, что некоторые определения работников завода были связаны с американским художественным сериалом «*Секретные материалы*», слоганом которого была фраза «Истина где-то рядом»: *где-то рядом; Малдер и Скалли, x-files* – 5%. Следует отметить, что данный сериал был популярен около 10 лет назад, следовательно, для студентов подобные толкования не являются актуальными. Несколько субъективных дефиниций, также данных ии. старшего возраста, имели **религиозный подтекст**: *самое главное в библии, Божий промысел, религия, вера* – 5%. Это свидетельствует о высоком уровне духовности ии., давших подобную дефиницию.

Некоторые работники завода «Маяк» при интерпретации слова отталкивались от крылатой фразы «Устами младенца глаголет истина» и дали следующие реакции: *то, что ребенок считает хорошим; то, что глаголет ребенок; устами младенца*. Присутствовала также единичная дефиниция «ИСТИНА – это *вино*», что объясняется латинским выражением *In vino veritas* (истина в вине), приписываемом римскому писателю Плинию Старшему [Википедия: URL]. Мы объединили две последние группы реакций по признаку **устоявшиеся выражения**, что составило

10% от общего числа субъективных дефиниций. Была выделена также группа единичных дефиниций, содержащих **личностный дифференциальный признак** (17%): *то, что пытаются найти люди; жизненные ситуации; то, что проверено опытом; степень совершенства, познание.*

Разнообразие реакций показало, что ии. были даны дефиниции, отражающие их личное мировоззрение и жизненный опыт, обусловленный тем отрезком времени, в который закладывались основные жизненные установки, уровень культуры участников эксперимента. Процентное соотношение дефиниций представлено в виде диаграммы (см. Рис. 11)

Рис. 11

Что касается идеологических проксимов TRUTH – JUSTICE, то они также отразили личные знания и ценностные ориентиры носителей британского языка. Так, на стимул TRUTH были получены следующие реакции: *words, relations, jury, to tell, honor, false, me, or dare, indisputable, Limp Bizkit, lie, rare thing, fact.* Мы можем наблюдать обусловленность полученных ответов культурой носителей языка на примере реакции *Limp Bizkit*, которая обозначает музыкальную группу. Подобная ассоциация связана с тем, что у данной группы есть альбом под названием “The Truth”.

Часть реакций демонстрирует энциклопедические знания ии. (*honor, fact, to tell*), личный жизненный опыт (*relations, jury, me*). Интересной кажется реакция, связанная с игрой “Truth or dare” («Правда или желание») и также, по-видимому, обусловленная жизненным опытом испытуемого. Качественные характеристики лексемы TRUTH отражены в реакциях *indisputable* и *rare thing*. В целом можно говорить о некоторой схожести реакций, полученных от русских и британских ии. Так как в эксперименте приняли участие британцы молодого возраста, данные ими реакции свидетельствуют об изменении понимания лексического значения идеологических проксонимов под влиянием временного фактора. Мы можем с уверенностью говорить о том, что еще 20 лет назад мы не смогли бы получить реакцию *Lipm Bizkit* на стимул TRUTH, т.к. такой музыкальной группы еще не существовало.

Результаты экспериментального исследования подтверждают существование определенной системы опор, обеспечивающей реализацию одного и того же значения разными языковыми средствами. Так, лексема СПРАВЕДЛИВОСТЬ была интерпретирована большинством ии. (42%) по признаку **правдивости и правильности**: *честность; стремление к правде; обостренное чувство правды; то, что правильно; честное отношение; правда; объективность; соответствие критерию правды; честный поступок; все по-честному; все по правде; объективная реальность; мера правильности; правильность поступков*. Ии. также определили лексему по признаку **объективности**: *объективность; объективное отношение; чувство равнозначности; объективная реальность – 8,5%*. Перечисленные признаки объединяют данную лексему со словом ИСТИНА, рассмотренным нами выше и имеющим дефиниции, связанные с *правдой*. Кроме того, двое ии. определили СПРАВЕДЛИВОСТЬ как *понятие истины и следование истине* (3%), что доказывает факт близости значений исследуемых идеологических проксонимов в индивидуальном лексиконе.

Следующую группу субъективных дефиниций, выделенную из толкований, данных студентами, можно объединить по признаку **скептического отношения** к понятию *истины* в современном обществе: *я не встречал; волна негодования из-за ее отсутствия; то, чего тяжело добиться; то, что должно наконец-то восторжествовать; нечто мифическое; то, чего хотелось бы побольше; что-то нереальное* – 11%. Перечисленные определения указывают на достаточно скептическое отношение молодых людей к понятию справедливости, что, по-видимому, вытекает из их жизненного опыта и личного отношения к данному слову.

Следует отметить, что 7% дефиниций связаны с признаком **борьбы**, о чем свидетельствуют следующие реакции: *то, что толкает человека на борьбу; заставляет человека за нее бороться; отстаивание своих взглядов*. В некоторых определениях отражаются **личные представления** ии. о справедливости (22,5%): *правильный поступок; защита слабых; то, чего заслуживает человек; каждый получает по заслугам; когда все довольны; равноправие; высший суд; чувство равенства; не делать зла; беспристрастие; равенство; все по закону*. Часть ии., в большей степени старшего возраста, дала субъективные дефиниции, объединенные по признаку **морали**: *видение, основанное на моральных принципах; моральные и нравственные принципы; соответствие морали* – 6%.

Итак, субъективные дефиниции демонстрируют то, что слово СПРАВЕДЛИВОСТЬ в целом имеет положительную оценочность в индивидуальном сознании, а эмоциональная окрашенность большинства определений говорит о различного рода переживаниях и впечатлениях ии. Однако для ии. молодого возраста данная лексема, наоборот, ассоциировалась с противоположным значением, т.е. *несправедливостью*. Возможно, это связано с наличием негативного опыта, обусловленного пережитыми житейскими ситуациями.

Специфика индивидуального лексикона носителей английского языка проявилась в реакциях, связанных с судом и правоохранительными

органами: *law* (3), *judge* (2), *police*, *court*, *trial*, *scales*. Особый интерес вызывает реакция *scales*, которая, вероятно, обозначает весы правосудия богини справедливости и правового порядка Фемиды. Такая ассоциативная связь, как *справедливость – закон*, присуща национальному самосознанию типичных представителей западной культуры, к которым относятся британцы. Отметим, что понятие разумности, на которое опираются правовые системы английского права, а также следующие из этого понятия культурные конвенции, обусловленные рациональным мышлением, могут быть неприемлемыми для представителей, например, русской культуры. Следует также отметить, что среди полученных реакций присутствует лексема *catholic*, свидетельствующая о религиозном подтексте стимула JUSTICE. Примечательным является то, что испытуемый дал не общую реакцию, связанную с религией, а указал на конкретное религиозное ответвление, присущее большинству носителей английского языка.

Субъективные дефиниции, данные русскими ии., могут быть представлены в виде диаграммы (см. Рис. 12).

Рис. 12

Субъективные дефиниции свидетельствуют о стремлении ии. описать свойства явления, обозначенного словами-стимулами через определенный набор качественных характеристик, которые определяют положительное или отрицательное отношение индивида к исходному понятию. Например, стимул НАЦИОНАЛИЗМ получил как положительно оценочные дефиниции, так и определения с отрицательной оценкой. Так, 31% ии., большинство которых составили молодые люди в возрасте до 20 лет, увязали данное понятие с признаком **любви к своей стране, нации**: *любовь к своей нации; любовь к своей Родине; преданность своей стране и обычаям; патриотизм; любовь к своей стране; привязанность к своей родине; любовь к своему народу; отстаивание прав своего народа; уважение к своему народу; защита своей страны; национальное родство; любовь к своей культуре; борьба за свою Родину; здоровое чувство; равноправие народов*. По-видимому, такое дефинирование связано с нарастающей в современном обществе, особенно в молодежной среде, популярностью националистических взглядов. Нередко в средствах массовой информации появляется информация о формировании групп молодых людей, лозунгом которых является фраза: «Россия – для русских».

Около 37% ии. дали определения по признаку **отрицательного отношения к другим нациям**: *расистские взгляды; отрицание других наций; возвышение какой-либо нации над другими; негативное отношение к другим национальностям; нео-нацисты; убежденность в превосходстве своей нации; фашизм; пренебрежение другими народами; агрессивный патриотизм; ненависть; ненависть к другим странам; национальная вражда; национальная неприязнь; ущемление прав других национальностей; неприязнь к определенной расе*. Т. ван Дейк детально изучил проблему расизма и отметил значительную роль СМИ в пропаганде национальной вражды. Масс-медиа, как полагает ван Дейк, задают границы и основные блоки, служащие поддержанию идеологической гегемонии. Таким образом, задается форма для поддержания расизма в обществе: «Я не расист, но...»

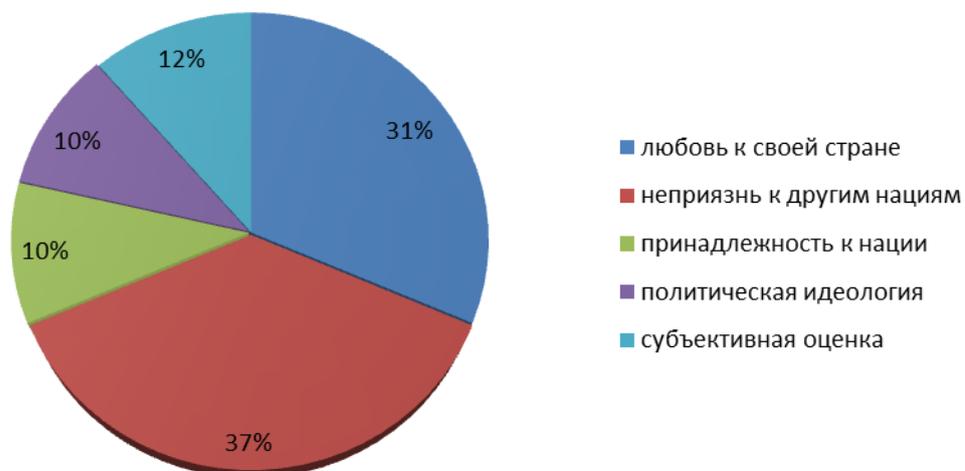
[van Dijk 1988: 13]. В связи с этим автор видит опасность такого подхода: «Ввиду отсутствия доступных широкой публике альтернативных механизмов интерпретации люди практически не в состоянии вырабатывать контрдоводы» [ван Дейк 1989: 49].

Частью ии. были даны также нейтральные дефиниции, которые можно разграничить по признаку **принадлежности к нации** – 10%: *национальная черта характера; разграничение людей по нациям; идеология о ценности нации; принадлежность к определенной нации; принадлежность к нации; отношение к людям другой национальности*. 10% толкований, принадлежащих в основном работникам завода «Маяк», было объединено по признаку **политической идеологии** (*идея; идеология; направление идеологии; убеждения в политике; направление политики; власть; идеологическая направленность*). Вероятно, это обусловлено высоким уровнем политической грамотности представителей старшего поколения, т.к. становление их идеологических взглядов пришлось на сложный период времени, происходивший в нашей стране на рубеже XX и XXI веков.

Среди реакций можно также выделить дефиниции, связанные с **субъективной оценкой** понятия (12%): *духовная зараза; ужасная черта; плохо; комплекс неполноценности; то, что присуще малообразованным индивидам; мне не нравится; проблема человечества*. Графически разнообразие дефиниций, данных на лексему НАЦИОНАЛИЗМ, можно представить следующим образом (см. Рис. 13).

Рис. 13

НАЦИОНАЛИЗМ

Итак, мы видим, что часть ии. молодого возраста воспринимают лексему НАЦИОНАЛИЗМ как положительное явление, что противоречит словарному значению данного слова: НАЦИОНАЛИЗМ -а; м. 1. Идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим, подчиняющая общечеловеческие интересы и ценности национальным интересам. Фашистская идеология основывалась на национализме. Борьба с национализмом. 2. Проявление чувства национального превосходства, идей национального антагонизма, национальной замкнутости. Проявление национализма. Выступление депутата с позиций национализма [Большой толковый словарь русского языка 2000]. Мы полагаем, что подобная трансформация лексического значения лексемы НАЦИОНАЛИЗМ произошла под влиянием фактора «время», т.к. среди толкований, данных ии. старшего возраста, такого рода дефиниций не встретилось.

Отметим, что среди реакций британцев на стимул NATIONALISM не было зафиксировано ни одной положительно оценочной реакции, т.е. для жителей Великобритании *национализм* – это только негативное понятие (*angry, not kind, sheep, aggression, (2), hostility, racism, fascism, Nazism*). Таким

образом, толкование слова индивидом происходит на основании субъективного переживания знания, т.е. понимания того, о чем идет речь с учетом эмоционально-оценочных оттенков и культурных особенностей мышления, при взаимодействии осознаваемого и неосознаваемого, вербализованного и невербализованного [Лебедева 2002].

Анализ экспериментального материала также показал, что многие русскоязычные ии. обращались непосредственно к словарному значению стимула. Так, стимул ПАТРИОТИЗМ получил дефиниции, содержащие признак **любви к Родине**: *уважительное отношение к своей стране; любовь к своей стране; верность Родине; преданность своей стране; чувство гордости за свою страну; любовь к Родине; любовь к своему Отечеству; чувство уважения к своей стране* – 62%. В данном случае представления русских и британских ии. совпали, т.к. в результате онлайн-эксперимента были также получены реакции, связанные с **Родиной**: *Motherland (2), love to the Motherland, love of country, homeland*.

Следует отметить, что 12% определений, данных носителями русского языка, связаны с **защитой своей страны**: *готовность защищать свою Родину; готовность к самопожертвованию; чувство долга перед своей страной; долг Родине; защита своей Родины; самопожертвование; жертва в угоду своей стране*. Проблемой современного общества является падение уровня патриотизма, о чем говорят следующие реакции, объединенные по признаку **скептического отношения** к стимулу: *вера в светлое будущее своей безнадежной страны; пустые слова; не про меня; игра на публику; напускная любовь к Родине; чушь* – 8%.

Тем не менее, 10% дефиниций говорят о присутствии признака, показывающего **положительное отношение** к понятию: *истинная любовь; правильно; хорошо; заслуживает уважения; хорошее качество; гордость; национальная гордость*. Оставшиеся единичные реакции разнообразны по своему составу и подтверждают положение о том, что в процессе восприятия мира берутся в расчет, прежде всего, те составляющие чувственных образов,

которые наиболее важны для человека: *связь человека с родиной; мнение, что твоя страна лучшая; ревностное чувство, верность традициям; любовь к чему-либо; национальная идея* – 8%. Субъективные дефиниции представлены в виде диаграммы (см. Рис. 14).

Рис. 14

Анализ субъективных дефиниций, полученных на пару стимулов НАЦИОНАЛИЗМ - ПАТРИОТИЗМ, показал, что они имеют 43% схожих по смыслу толкований (*любовь к Родине; защита своей страны, преданность своему народу* и др.). Это позволяет нам говорить о близости значений идеологических проксонимов в индивидуальном лексиконе. Данный факт объясняется тем, что установление сходства происходит с опорой на определенные смысловые признаки и знания о мире через отнесение к конкретному предмету или явлению, который знаком ии.

Рассмотрим пару лексем **НРАВСТВЕННОСТЬ – ЧЕСТЬ**. Так, субъективные дефиниции, полученные на слово **НРАВСТВЕННОСТЬ**, представляют собой совокупность связей и отношений и отражают изменения, происходящие в обществе, затрагивая многие явления, в том

числе и морально-ценностные. Согласно исследованиям С.И. Меньшиковой, ядром данной лексики является оппозиция «добро-зло», которая в свою очередь базируется на таких понятиях, как «совесть», «стыд», «любовь» «страх» и др. [Меньшикова 2010].

Анализ нашего экспериментального материала показал, что большинство определений, данных русскоязычными ии., говорит о связи данного понятия с **моральными нормами**: *моральная стойкость; мораль; наделенность моральными ценностями; соблюдение моральных норм (2); моральные качества человека (2); соблюдение правил и норм морали; определенные моральные рамки – 34%*. Другая группа дефиниций содержит признак **порядочного поведения**: *порядочность; что-то вроде порядочности; поведение порядочного человека; хорошее поведение – 20%*.

Часть реакций была объединена нами в группу по признаку **религиозности**: *духовность; духовное воспитание; устав монастыря; поведение человека по законам Божиим; религиозные ценности; обладание духовными качествами – 12%*. От британцев на стимул MORALITY были получены такие реакции религиозного характера, как *religion* и *puritan*.

Исследуемый нами фактор «время» проявился в определениях, связанных с **неактуальностью** на сегодняшний день понятия *нравственности (9%)*: *прошлый век; уже не модно; кисейная барышня; то чего не хватает сегодня; роскошь в наше время; забытая черта характера*.

Можно также выделить несколько небольших групп по признакам: **чистоты** (*чистое сознание; чистота мыслей; чистая совесть и честь; чистая душа – 5%*); понятий «**хорошо-плохо**» (*понимание, что такое хорошо и что такое плохо; отличие понятий «хорошее» и «плохое»; понятие добра и зла – 4%*); **уважительного отношения к окружающим** (*уважение к другим; уважительное отношение к людям; уважение – 4%*). Остальные реакции единичны и отражают различные представления ии. о стимуле: *доброта; любовь; этика; восприятие жизни; ответственность – 9%*. Среди реакций, данных британцами, вызывает интерес лексема *boredom*,

отражающая эмоциональное личностное отношение респондента к понятию *нравственности*.

Процентное соотношение дефиниций можно представить в диаграмме (см. Рис.15).

Рис. 15

Что касается слова-стимула **ЧЕСТЬ**, то оно в первую очередь вызвало у ии. определения, связанные с **достоинством**: *достойное поведение; достоинство человека; чувство собственного достоинства; сохранение достоинства* – 33%. Следующую группу дефиниций можно объединить по признаку **необходимости обладания данным качеством**: *то, что должен иметь каждый человек; то, что нельзя отдать; то, без чего нельзя; то, что должно быть; обязанность человека* – 10%. Для части ии. опорным элементом для толкования слова послужили **конкретные проявления понятия «честь»**, такие как: *честные поступки; готовность оказать поддержку; умение держать слово; уважение себя и других; жизнь по правилам; хорошая репутация* – 20%.

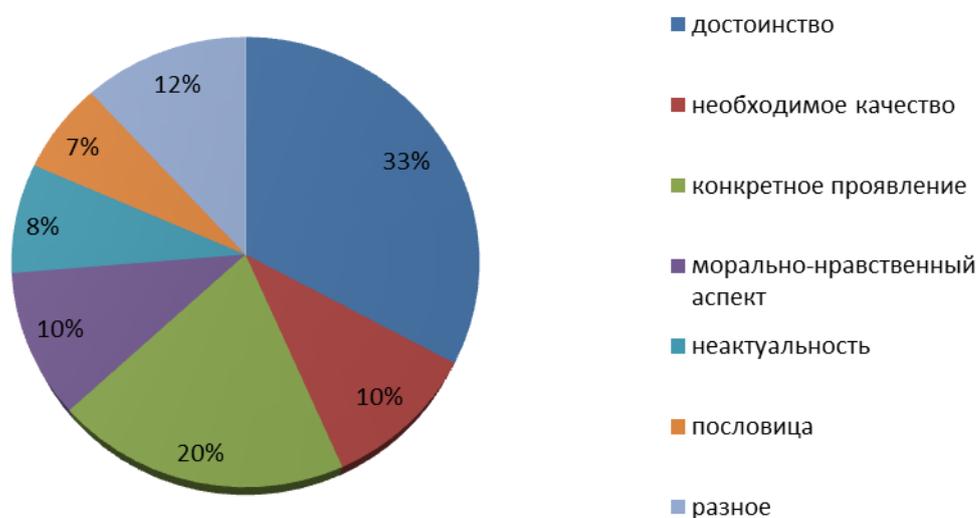
Мы полагаем, что идеологические проксонимы **НРАВСТВЕННОСТЬ** – **ЧЕСТЬ** являются близкими по своему значению, так как ярко обнаруживший

себя в толкованиях на лексему **ПРАВСТВЕННОСТЬ морально-нравственный аспект** также проявился среди дефиниций, данных ии. на слово ЧЕСТЬ: *моральный облик человека; нравственные нормы; высокий нравственный порог; нравственное качество человека; мораль* – 10%. Данный факт подтверждается также наличием определений, объединенных по упомянутому выше признаку **неактуальности понятия**: *уже не в чести; то, что отсутствует у многих в современном мире; то, что присуще рыцарям; редкость; забытое качество; традиции прошлого* – 8%. Примечательно, что 7% толкований основывались на пословице «Береги платье снову, а честь смолоду»: *то, что надо беречь смолоду; поговорка*. Среди единичных реакций наибольший интерес представляет дефиниция «*то, что легко потерять*», которая, по-видимому, отражает личностный опыт участника эксперимента (дана девушкой-студенткой).

Национальная специфика лексемы HONOUR обусловлена реакциями *Queen* и *Royalty*. Известно, что образ королевы и королевской семьи в языковом сознании носителей британской культуры характеризуется высоким уровнем чести и достоинства. Отметим также наличие таких реакций, как *medal* и *Nobel Peace Prize*, которые свидетельствуют о том, что для ии. понятие чести может быть связано с получением награды. Реакции ии. подтверждают тот факт, что язык выступает в качестве «средства концентрированного осмысления человеческого опыта, который закодирован во всем богатстве значений слов, фразеологических единиц, общеизвестных текстов, формульных этикетных ситуаций» [Карасик 2002: 106].

Процентное соотношение дефиниций представлено в виде диаграммы (Рис.16).

ЧЕСТЬ

Лексема **МЕНТАЛИТЕТ**, получившая три отказа, толковалась большинством ии., вне зависимости от возраста, на основе признака **мировоззрение**: *образ мышления; склад ума; сложившиеся взгляды; личностные утверждения; точка зрения; особое видение мира; особенности мировоззрения; миропонимание; совокупность взглядов на мир; миропонимание* – 33%. В данном случае наблюдается совпадение дефиниций с реакциями, полученными от представителей британской культуры: *thoughts, mind, peculiarity of thinking, philosophy*.

23% дефиниций можно объединить по **характерному признаку народа/нации**: *народный дух; то, что свойственно нации; характер народа; комплекс характеристик определенного народа; стержень нации; то, что присуще народу; изюминка народа*. Интересно отметить определения, сгруппированные по признаку **характер человека**: *поведение человека; мозг индивида; особенность мышления человека; поведение человека* – 6%. Часть ии. примерили данное понятие на **себя/свою страну**: *русская душа; мои убеждения; русское «авось»; наша сущность; русский характер; русский образ жизни; причина бедствий нашей страны* – 10,5%. Проецирование ситуации на себя в данном случае происходит вследствие того, что человек

узнает себя в живом знании, которое не выступает в качестве отчужденной для него реальности или силы [Зинченко 1998].

Следует отметить, что 6% определений были связаны с признаком **культуры**: *культурные ценности; особенности культуры; культурная общность; отличительная черта культуры; культурные нормы*. Среди единичных реакций интересно отметить дефиницию *заморочки*, данную юношей-студентом, что объясняется употреблением молодежного сленга. О том, что студенты на сегодняшний день воспринимают понятие **МЕНТАЛИТЕТ** как нечто вызывающее трудности, также свидетельствует дефиниция *сложная штука*, обусловленная, видимо, личностным опытом информанта. Разнообразие определений представлено в диаграмме (Рис. 17).

Рис. 17

При толковании лексемы **УБЕЖДЕНИЕ** ии. обращались как к словарному значению слова, так и к собственным знаниям разных видов. Как и для предыдущего стимула, были получены дефиниции, содержащие признак **мировоззрение**: *точка зрения; четкое видение чего-либо; взгляды на жизнь; мировоззрение; сформированное видение; взгляд; ход мыслей* – 32%.

Носителями английского языка были приведены схожие реакции: *point of view (2), idea (2), thought.*

Следующей можно выделить группу определений, в которых фигурировало слово **мнение**, которое некоторые ии. характеризовали как *твердое, устойчивое, авторитетное* – 15%.

Следует отметить, что часть ии. понимают под словом **УБЕЖДЕНИЕ способ воздействия на сознание человека**, что проявилось в следующих дефинициях (12%): *заставлять кого-то что-то делать; навязывание своего мнения; наставление; принуждение к действию; массовый гипноз.* Из определений данной группы особый интерес вызывает – *психотерапия*; известно, что это система лечебного воздействия на психику и через психику на организм человека посредством методики убеждения, т.е. изменения его прежних суждений.

17% дефиниций можно объединить по признаку **вера**, не в религиозном, а в широком смысле этого слова: *то, во что веришь; вера во что-то; вера в себя; уверенность в своих мыслях; уверенность в чем-либо.* Небольшую группу составляют дефиниции, сгруппированные на основе признака **принципы**: *твердые принципы, принципы жизни* – 5%. Среди единичных определений интересны реакции *дар, искусство*, подразумевающие владение навыками убедительной речи; т.е. ии., давшие подобные толкования, полагают, что данная способность имеет определенную ценность, которой они, возможно, обладают или хотели бы обладать. Графически дефиниции можно представить в виде диаграммы (Рис.18).

УБЕЖДЕНИЕ

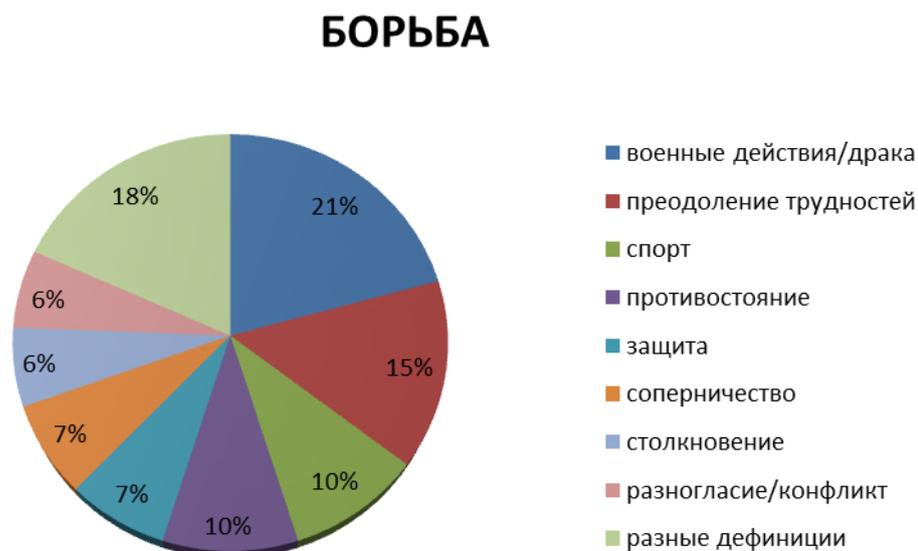
Пара идеологических проксонимов МЕНТАЛИТЕТ-УБЕЖДЕНИЕ получила определенное количество схожих дефиниций (35%), что позволяет нам говорить о них, как об идеологических проксонимах, т.к. они близки по своему значению в индивидуальном лексиконе и отражают моральные ценности человека.

Что касается лексемы БОРЬБА, то согласно полученным дефинициям, данное понятие прежде всего связано с **военными действиями/дракой** (*бой; схватка; сражение; драка; применение силы; война; потасовка; битва за свободу* – 21%) или **спортом** (*спортивное состязание; единоборство; дзюдо; соревнование* – 10%).

Мы также отметили, что для современного общества актуально увязывание слова БОРЬБА с **защитой**, что отразилось в следующих дефинициях: *отстаивание своей точки зрения; защита своих интересов; отстаивание интересов* – 7%. Можно также выделить несколько групп определений, объединенных по признакам: **преодоление трудностей** (*преодоление препятствий; движение к цели; сопротивление обстоятельствам; выживание; стремление выстоять* – 15%); **столкновение интересов/идей** – 6%; **противостояние** – 10%;

соперничество – 7 %; **разногласие/конфликт** – 6%. Среди единичных реакций особый интерес вызывают дефиниции *жизнь* и *существование*, т.е. ии., отреагировавшие подобным образом, воспринимают свою жизнь как то, за что приходится бороться, что обусловлено их личным опытом (см. Рис.19).

Рис. 19

В свою очередь дефиниция **ПОЕДИНОК**, на которую зафиксирован один отказ, получила большое количество дефиниций, имеющих признак **бой/борьба** (*сражение; драка; битва; борьба* – 44%); при этом для некоторых ии. понятие связано конкретно с **двумя противниками** (*бой один на один; схватка двух противников; дуэль; противоборство двух сил* – 15%). 15% определений можно объединить по признаку **отстаивание своей точки зрения** (*столкновение мнений; борьба взглядов; отстаивание своих интересов; борьба за свои принципы; отстаивание своего мнения; интеллектуальный бой*). Из данной группы дефиниций вытекают толкования, связанные с **телевизионной передачей Владимира Соловьева «Поединок»**, основной идеей которой является дискуссия между двумя оппонентами на острые социальные и политические темы: *Соловьев; передача Соловьева,*

ток-шоу – 7%. Среди единичных определений любопытно отметить дефиницию, основанную на личностном опыте участника эксперимента (девушки-студентки), – *борьба за место в маршрутке в 7 часов вечера*. Зачастую значение слова увязывается с определенным фрагментом объективной реальности, который связан с каким-либо признаком и с личностью человека. На примере нашего экспериментального материала подобное положение подтверждается наличием дефиниции *Брюс Ли*, данной участием данного актера. Субъективные дефиниции можно представить в виде диаграммы (Рис.20).

Рис. 20

Мы уже упоминали важность учета факторов «свое/чужое» и «далеко/близко», которые обусловлены социокультурными реалиями, выступающими в качестве контекста функционирования идеологических проксонимов. Данные личностно-смысловые образования обладают определенной культурной «сердцевиной», единой для членов социальной группы или общности и фиксируемой в понятии значения в отличие от личностного смысла [Леонтьев А.А. 2000]. В нашем экспериментальном

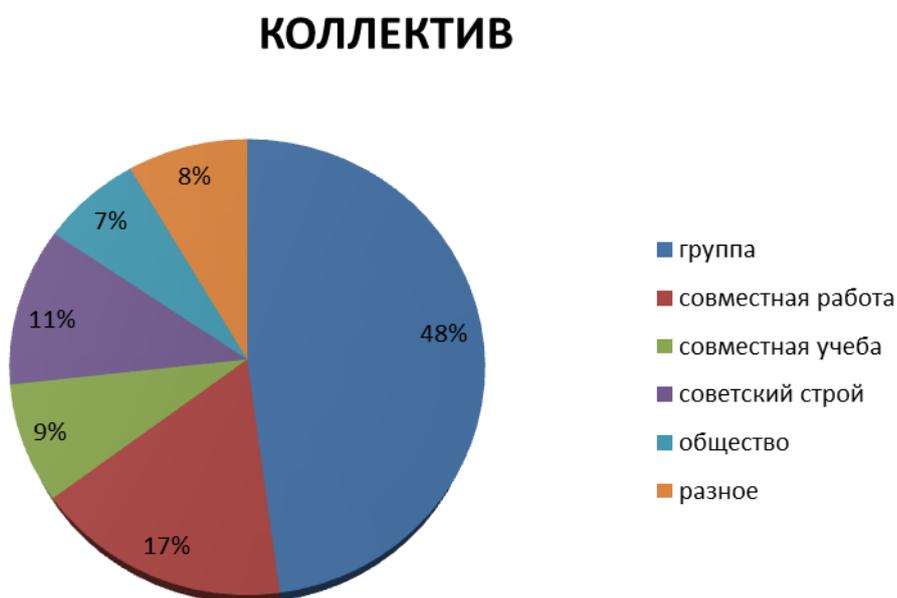
материале эти факторы наиболее ярко проявились в лексеме КОЛЛЕКТИВ, получившей два отказа. Так, помимо толкований общего характера, демонстрирующих **фоновые знания** ии. (*группа людей, группа индивидуумов; совокупность людей; команда, общие интересы – 48%*), слово получило у людей старшего поколения определения, связанные с «близким» для них **советским строем**: *Советский Союз; рабочий класс; политика масс; советский строй; колхоз; коллективное хозяйство; советская идеология – 11%*. Следует отметить, что в данной группе присутствовала дефиниция *совковая политика*, имеющая явный пренебрежительный оттенок, вложенный участником эксперимента. Таким образом, на основании полученных дефиниций мы можем говорить о том, что под влиянием параметра «время» произошло изменение лексического значения слова КОЛЛЕКТИВ, ранее являвшегося ключевым понятием советской идеологии.

Необходимо заметить, что у представителей молодого поколения данный стимул в первую очередь связан с **совместной учебой**: *люди, с которыми я учусь; дружные студенты; группа учащихся; наш факультет – 8,5%*. Подобных реакций среди определений, данных работниками завода «Маяк», не наблюдалось, в то время как толкования, связанные с **совместной трудовой деятельностью**, встречались и у работников завода, и у студентов: *люди, с которыми ты работаешь; работа группой; группа людей, работающих вместе; мое окружение на работе; работа вместе; совместная трудовая деятельность; отношения людей на рабочем месте; трудовая ячейка – 17%*. Данный факт можно объяснить тем, что некоторые студенты подрабатывают и им близки оба понятия – как студенческий коллектив, так и рабочий.

Мы посчитали возможным объединить несколько определений по признаку **общества**: *общество людей по интересам; общество, в котором мы живем; жизнь в обществе; общество близких по духу; развитие общества – 7%*. Среди толкований различной тематики (8,5%) присутствовали по две дефиниции *народ* и *семья*. Последняя может говорить

о том, что данной части ии. свойственно видеть свою семью дружным коллективом или же работать в коллективе, ставшем для них семьей. В любом случае, мы наблюдаем равнозначность данных понятий в сознании индивидов, опирающихся на свой жизненный опыт при толковании слова. Разнообразие дефиниций отражено в диаграмме (см. Рис. 21).

Рис. 21

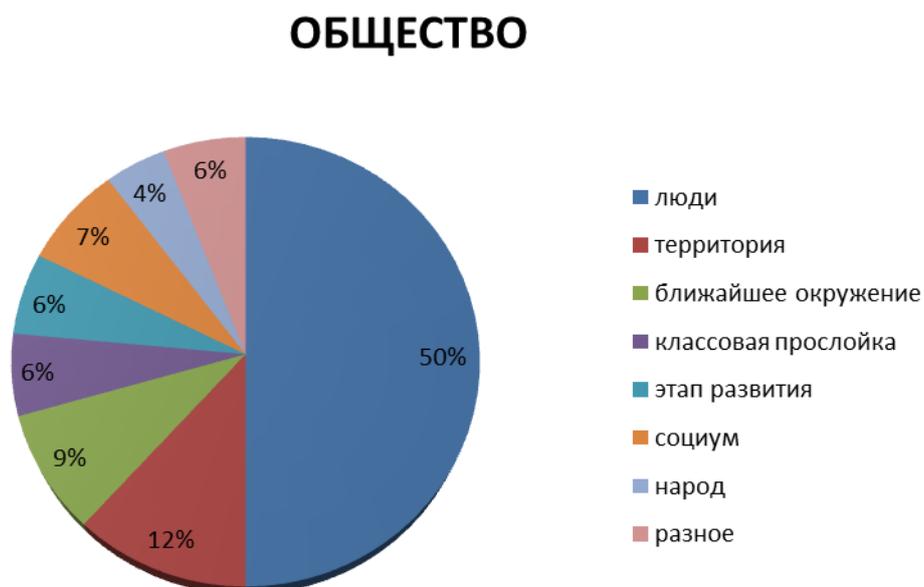

Экспериментальный материал демонстрирует наличие в индивидуальном сознании современного человека общей коллективной схемы знаний, которая конкретизируется ии. при обращении к собственному опыту. Роль знаний разного рода прослеживается при группировке дефиниций, полученных на каждое слово-стимул, по общности их значения и по общности оснований для их связей с исходным словом.

Так, субъективные дефиниции, полученные на лексему ОБЩЕСТВО, можно объединить по следующим признакам: **люди** (*сообщество людей; группа людей; совокупность людей; коллектив людей* – 50%); **территория** (*место скопления людей; страна; место общения; среда, в которой живет человек; социальный мир* – 12%); **ближайшее окружение** (*мы; я, ты, он, она; мое окружение* – 9%); **классовая прослойка** (*то, что бывает высшим;*

хорошие манеры; светские люди; высший свет – 6%); этап развития (цивилизация; первобытные люди; этап в истории; форма развития людей – 6%); социум – 7%; народ – 4% (см. Рис.22).

Рис. 22

Пара лексем КОЛЛЕКТИВ – ОБЩЕСТВО рассматриваются нами как идеологические проксонимы, что находит свое подтверждение в наличии 23% схожих по смыслу субъективных дефиниций, полученных от ии. на оба слова (*общество людей; коллектив людей; группа людей; народ*). Примеры субъективных дефиниций показывают, что основанием для близости значения слов могут выступать самые различные проявления жизненного опыта носителя языка: сходство или подобие предметов и явлений по форме, цвету, функциям и т.д.

Лексические единицы ГРАЖДАНИН – ЧЕЛОВЕК вызывают несомненный интерес для исследования, т.к. в последнее время происходит глобализация культуры, с одной стороны, а с другой – ее плюрализация и фрагментация, снижение роли мировых религий и идеологий в качестве основ интеграции обществ, усложнение социокультурных условий бытия

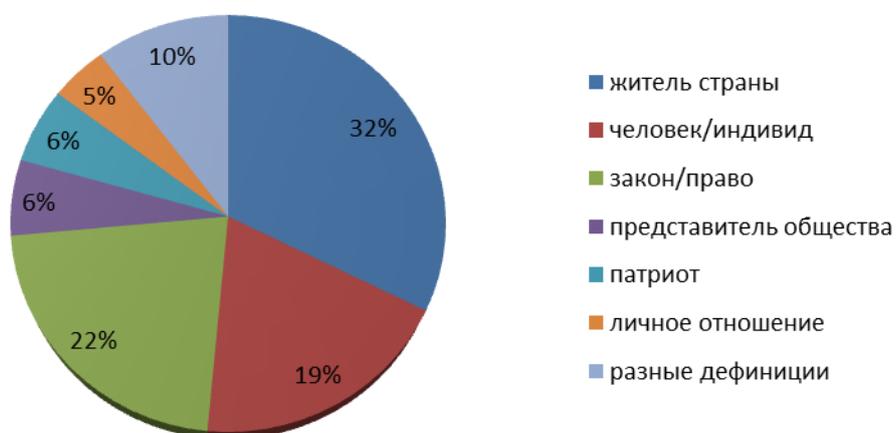
человека существенным образом изменяют прежние формы политической культуры и ментальности индивида. Человечество в целом и каждый индивид оказываются перед необходимостью переопределения проблем цивилизационной, национальной, гражданской и персональной идентичности [Фан 2010: 3].

Экспериментальный материал показал, что стимул ГРАЖДАНИН получил дефиниции **человек/индивид** (19%). Далее идут более конкретные толкования, которые можно разделить по следующим признакам: **закон/право** (*человек, наделенный правами; законопослушный человек – 22%*); **житель страны** (*лицо, проживающее на определенной территории; житель государства; принадлежность к отдельной стране; представитель государства; ответственный житель страны; человек, живущий на территории определенной страны; лицо, проживающее на территории определенной страны – 32%*); **представитель общества** – 6%; **патриот** (*человек, живущий ради страны; любящий свою Родину – 6 %*).

Носители английского языка в основном проявили свои энциклопедические знания и дали на стимул CITIZEN следующие реакции: *person, man, inhabitant, everybody, British*. Интерес вызывает негативно оценочная реакция *slave*, обусловленная личностным эмоциональным отношением носителя языка к понятию *гражданин*. Среди прочего встретила реакция *bank*, которая объясняется существованием в Великобритании банка под названием Citizen Bank.

Можно также выделить несколько дефиниций, основанных на личном отношении к слову: *слово, которое мне нравится; звучит гордо; высокое звание – 5%*. Среди единичных реакций присутствует дефиниция *Маяковский*, обусловленная культурным тезаурусом человека, давшего подобное определение (см. Рис.23).

ГРАЖДАНИН

Субъективные дефиниции стимула ЧЕЛОВЕК свидетельствуют о том, что, прежде всего, слово воспринимается по признаку **наличия разума** (24%): *обладатель разума; существо, обладающее интеллектом; существо, способное мыслить; высокоразумный индивид; тот, кто должен быть разумным*. 18% определений можно объединить по признаку **личность/индивид**. Часть их понимают под лексемой **биологическое существо** (9%), а также выделен ряд определений по признакам **религиозный** (*образ и подобие Бога; потомок Адама и Евы; высшее творение Бога; Божья тварь – 5%*) и **социальный аспект** (*общественное существо; представитель общества; член социума – 9%*). Небольшое количество дефиниций связано с **теорией эволюции Ч. Дарвина**: *высшая степень эволюции; высшая ступень развития – 4%*; а также саморепрезентацией – я (5%).

Переживание знания тесно связано с эмоционально-оценочным отношением к знаниям и опыту человека, т.е. носители языка не остаются безразличными к воспринимаемой информации. Таким образом, одни и те же предметы, явления и понятия могут вызывать у разных людей положительные и отрицательные эмоции. **Отрицательно оценочный**

признак нашел свое отражение в следующих определениях: *звучит гордо; звание; слово с большой буквы; двигатель прогресса* – 9%. **Положительная оценка** – в дефинициях *уничтожитель природы; самоуверенное существо звучит гордо, но бесполезно; разрушитель* – 5%. Разнообразие дефиниций представлено в виде диаграммы (см. Рис. 24).

Рис. 24

Делая вывод, можно с уверенностью говорить о том, что слово-стимул ассоциируется у человека с конкретной ситуацией, выраженной различными лексемами. Субъективные дефиниции подтверждают то, что предъявленные слова являются выходом на информацию о предмете или явлении и их признаках, демонстрируют моральные и духовные ценности ии. Следует отметить, что любой объект, имея множество признаков, подвергается сравнению на основании различных явлений в зависимости от ситуации «здесь и сейчас». Важную роль при этом играют личностные факторы, оказывающие влияние на изменения способов языковой репрезентации объектов окружающего мира. Это происходит вследствие того, что человек всегда выражает свое отношение к предмету речи.

Проведенный анализ субъективных дефиниций подтверждает факт стремления человеком описать свойства понятий, выраженных исходными словами, посредством определенного набора качественных характеристик. Полученные дефиниции отражают личностные взгляды ии. с опорой на собственный багаж знаний, пережитый опыт и культурно-историческое наследие. Экспериментальный материал подтверждает факт переживания знания, обусловленного эмоционально-оценочным отношением к тому, что человек знает о том или ином предмете или явлении. Согласно мнению В.П. Зинченко, знания обладают жизненным и личностным смыслом [Зинченко 1999]. Субъективные дефиниции демонстрируют отношение участников эксперимента к фрагменту информации, увязываемой со словами-стимулами. Таким образом, результаты эксперимента отражают духовные нормы и ценностные ориентиры ии. и указывают на то, что в индивидуальном лексиконе идеологические проксонимы составляют объемную и образную систему, основывающуюся на информационной базе индивида. Значение идеологических проксонимов является неотъемлемой частью системы знаний человека о реальном мире с действительным процессом коммуникации и мышления и может подвергаться изменениям под влиянием временного фактора.

2.4. Корпусный анализ идеологических проксонимов

Современное информационное общество рождает новые стили и постоянно обновляет и изменяет лексический состав языка, что определяет необходимость лингвистического исследования. В связи с этим мы в работе прибегли к использованию методики корпусного анализа.

В настоящее время Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ) включает следующие подкорпуса: основной, синтаксический, газетный, параллельный, обучающий, диалектный, поэтический, устный, акцентологический, мультимедийный и исторический. Однако лексемы,

используемые нами в исследовании, были проанализированы по общему, газетному и устному корпусам ввиду частого их употребления в перечисленных текстовых системах. Характер нашего материала определил, в том числе, обращение к данным частотного словаря, созданного на основе НКРЯ.

На представленном этапе исследования нашей задачей стало сравнение корпусных данных с результатами эксперимента с использованием субъективных дефиниций, описанного ранее. Данное сравнение обусловлено стремлением выяснить сходство и различие оттенков значений в корпусе и сознании участников эксперимента, а также определить сферы использования и динамику употребления идеологических проксонимов в разное время. В своей работе мы использовали программные средства, представленные на сайте НКРЯ (URL: <http://www.ruscorpora.ru>).

Итак, проведем анализ идеологических проксонимов ПАТРИОТИЗМ и НАЦИОНАЛИЗМ, которые имеют общее предметное значение и обладают различной оценочностью. В результате обработки корпусных данных были обнаружены примеры их употребления в общем, газетном и устном корпусах (см. Табл. 4, 5).

Таблица 4
ПАТРИОТИЗМ

Сфера употребления	Пример из НКРЯ
Устный корпус	<i>[муж] Чтобы слово «патриотизм»/ а патриотизм /это любовь к родине / и оно / это было слово более значимым. [Под синим куполом небес. Новоржев. Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») // ТК «Культура», 2008]</i>
Газетный корпус	<i>В свою очередь, председатель партии «Обновление», глава Приднестровского парламента Анатолий Каминский</i>

	<i>отметил, что Столыпин предложил новую идеологию, основой которой был <u>патриотизм</u> и внешнеполитический авторитет России [Александр Комаров. Стартовал российско-приднестровский проект, посвященный 150-летию со дня рождения Петра Столыпина // Новый регион 2, 2011.02.09]</i>
Основной корпус	<i>И оба отрицали Бога, религию, право, налоги, частную собственность, <u>патриотизм</u>, патриархальность, семью. [Юрий Безелянский. Герой. Бунтарь. Анархист // «Наука и жизнь», 2009]</i>

Таблица 5
НАЦИОНАЛИЗМ

Сфера употребления	Пример из НКРЯ
Устный корпус	<i>[муж] Отсюда ура-патриотизм / шовинизм и <u>национализм</u> / который крепчает день ото дня. [Беседа М. Гананольского с И. Рыбкиным в эфире радиостанции «Эхо Москвы» // «Эхо Москвы», 2003-2004]</i>
Газетный корпус	<i>Православию и исламу <u>национализм</u> не потушить. Национальный вопрос в России – всегда больная проблема. [trud.ru. «Теперь русские задумались, на что они имеют право» // Труд-7, 2010.12.20]</i>
Основной корпус	<i>Антисемитизм, радикальный <u>национализм</u>, ксенофобия всегда были элементами мышления лидеров Национал-социалистической рабочей партии Германии. [Егор Гайдар. Гибель империи (2006)]</i>

Проанализировав конкордансы, взятые из НКРЯ, мы выяснили, что лексема ПАТРИОТИЗМ используется в положительно оценочном контексте и ставится в один ряд с такими общественно значимыми понятиями, как *семья, религия, право* и т.д. Мы также видим, что для говорящего «*патриотизм – это любовь к родине*», т.е. понятие, обладающее ярко выраженной позитивной окраской.

Что касается лексемы НАЦИОНАЛИЗМ, то контекстное употребление подтверждает его отрицательную оценочность и увязывает с такими понятиями, как *антисемитизм, ксенофобия, шовинизм, большая проблема*. Таким образом, можно сделать вывод о том, что идеологические проксонимы ПАТРИОТИЗМ и НАЦИОНАЛИЗМ обладают общим лексическим значением, касающимся отношения к Родине. Однако каждое из них подразумевает различную оценочность, в первом случае – положительную, а во втором – отрицательную. Следовательно, мы можем говорить о конверсивности данных лексических единиц, т.к. они имеют одинаковое предметное и различное оценочное значения. Данные же эксперимента с использованием субъективных дефиниций показывают неоднозначность понимания лексемы НАЦИОНАЛИЗМ некоторыми участниками эксперимента. Так, среди толкований, данных ии. были отмечены реакции, демонстрирующие положительную окраску данного слова (*любовь к своей Родине; преданность своей стране и обычаям*), приравнивающую его к понятию *патриотизма*. Таким образом, несмотря на то что корпусные данные отражают «живое» употребление слов в речи, они могут не содержать всех оттенков значения, которые можно наблюдать в результате эксперимента.

Частотность употребления лексем ПАТРИОТИЗМ - НАЦИОНАЛИЗМ была выявлена на основе данных «Нового частотного словаря русской лексики» О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова [Ляшевская, Шаров 2009: URL] и представлена в виде следующей таблицы:

Таблица 6*Частотность употребления лексем
ПАТРИОТИЗМ - НАЦИОНАЛИЗМ*

Лемма	Частота (ipm)	Худ.лит. 1950-60-е	1970- 80-е	1990- 2000-е	Публ. 1950- 60-е	1970- 80-е	1990- 2000-е
Патриотизм	11.5	3.7	3.5	4.7	7.4	15.8	21.5
Национализм	7.1	3.2	1.8	1.3	5.9	11.7	11.5

Данные частотного словаря помогают получить информацию о распределении частотности слова в разные десятилетия 2-ой половины XX века и в начале XXI века. Таким образом, мы можем наблюдать постепенное возрастание частотности употребления слов ПАТРИОТИЗМ - НАЦИОНАЛИЗМ, что, вероятно, связано с обострившимися в последнее время национальными вопросами и происходящими вследствие этого событиями. В среднем же частотность данных слов невысока, т.к. их употребление обусловлено стилистическими особенностями и идеологической направленностью речевой ситуации.

Пара идеологических проксонимов СПРАВЕДЛИВОСТЬ - ИСТИНА не обладает выраженной конверсивностью значений, однако, как показывают экспериментальные данные, может приобретать оценочность в индивидуальном лексиконе на основании личного опыта. Напомним, что лексема СПРАВЕДЛИВОСТЬ получила 11% толкований по признаку скептического отношения, что говорит о возможной негативной окраске слова в сознании человека.

Обратимся к конкордансам НКРЯ, чтобы рассмотреть особенности использования лексемы СПРАВЕДЛИВОСТЬ, употребление которой в различных сферах может быть представлено в виде следующей таблицы:

Таблица 7
СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Сфера употребления	Пример из НКРЯ
Устный корпус	<i>[Бунич, муж] Они наверное действительно не верят в то / что можно восстановить <u>справедливость</u> / не доверяют правоохранительным органам / судам и чувствуют своё бессилие перед рейдерами. Ээ... [Программа «Диалог с Андреем Буничем» на телеканале РБК (2006)]</i>
Газетный корпус	<i>А прежде мы, депутаты, обратились к Президенту ... с просьбой вмешаться в ситуацию и восстановить законность и <u>справедливость</u>. [Главное – добиваться справедливости // Комсомольская правда, 2011.05.13]</i>
Основной корпус	<i>Соппротивление женщин должно быть таким же постоянным и безграничным, как извечная борьба за <u>справедливость</u> и свободу. [Капкан свободы // «Русский репортер», № 8 (136), 4-11 марта 2010]</i>

На основе анализа окказионального употребления лексической единицы СПРАВЕДЛИВОСТЬ мы пришли к выводу, что в устном корпусе слово может реализовывать отрицательный оттенок значения: *не верят в справедливость... чувствуют своё бессилие*. Однако примеры из газетного и основного корпуса показывают, что лексема ставится в один ряд с такими понятиями, как *законность, свобода*, что свидетельствует о доминирующем положительном значении слова СПРАВЕДЛИВОСТЬ в текстах СМИ. Для сравнения следует прокомментировать контекстное употребление лексической единицы ИСТИНА и проследить, совпадают ли корпусные данные с результатами эксперимента (см. Табл. 8).

Таблица 8

ИСТИНА

Сфера употребления	Пример НКРЯ
Устный корпус	<i>[муж] Во-первых / есть смысл собраться и с фактами / с цифрами / есть же <u>истина</u> / есть же <u>факты</u> посмотреть реально / что от чего зависит. [Круглый стол «Демографическая катастрофа в России и проблемы ее преодоления» (2003)]</i>
Газетный корпус	<i>И свидетельство об <u>истине</u> является даже не целью церкви, а ее постоянной, прямой обязанностью. [Борис КЛИН. Будет ли церковь обличать власть? // Комсомольская правда, 2011.05.04]</i>
Основной корпус	<i>Было некое чувство существования <u>истины</u> как <u>Бога</u>. [Ольга Андреева, Сергей Юрский. Артель Юрского и мутация мира // «Русский репортер», № 3 (33), 31 января - 7 февраля 2008]</i>

Конкордансы слова ИСТИНА находят свое отражение в субъективных дефинициях, данных ии. Так, пример из устного корпуса, где понятие *истины* отождествляется со словом *факт*, соответствует группе толкований, объединенных по признаку **объективности и неоспоримости** (см. пункт 2.3.). Примеры из газетного и основного корпусов свидетельствуют о **религиозном подтексте** лексемы ИСТИНА, что также совпадает с некоторыми реакциями, полученными в ходе эксперимента.

Что касается частотности употребления идеологических проксонимов СПРАВЕДЛИВОСТЬ - ИСТИНА, то следует отметить, что для слова ИСТИНА количественные данные в словаре О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова отсутствуют. Тем не менее, рассмотрим частотность употребления лексемы СПРАВЕДЛИВОСТЬ [Ляшевская, Шаров 2009: URL]:

Таблица 9

Частотность употребления идеологических проксонимов

СПРАВЕДЛИВОСТЬ – ИСТИНА

Лемма	Частота (ipm)	Худ.лит. 1950-60- е	1970- 80-е	1990- 2000- е	Публ. 1950- 60-е	1970- 80-е	1 990- 2000- е
Справедливость	42.4	21.6	39.6	34.8	31.1	45.9	50.2

Из таблицы видно, что слово СПРАВЕДЛИВОСТЬ имеет достаточно ровную степень употребления в течение всего временного периода, начиная с 1950-х гг. и заканчивая нашим временем. В целом можно сказать, что подсчет частот словоупотребления (типичным является анализ частотности употребления в дискурсе существительных, прилагательных, наречий) производится с целью определения ценностных и культурных ориентиров общества. Так, А. Вежбицкая проводила частотный анализ оценочных слов (*дурак, глупый, глупо, идиот*) в русском и английском языках и обнаружила, что употребляемость семейства русских слов примерно в шесть раз выше, чем их английских эквивалентов. Это позволило прийти к выводу, что русская культура более склонна к использованию «прямых», резких оценочных мнений, нежели английская речь [Вежбицкая 2001].

Пара идеологических проксонимов НРАВСТВЕННОСТЬ - ЧЕСТЬ, призванная отразить моральные и духовные ценности носителей языка, получила в ходе эксперимента широкий круг толкований, связанных в том числе с такими понятиями, как *религия, порядочность, достоинство* и т.д. Для сравнения рассмотрим примеры контекстного употребления данных лексем (см. Табл. 10, 11).

Таблица 10
НРАВСТВЕННОСТЬ

Сфера употребления	Пример из НКРЯ
Устный корпус	<i>[Кротов, муж] У него есть в “О назначении человека” слова о том / что история <u>нравственности</u> начинается с вопроса <u>Бога</u> к Каину. [Беседа о Евангелии, НТВ, «Гордон» (2003-2004)]</i>
Газетный корпус	<i>«<u>Храм</u> является училищем благочестия, носителем высокой <u>нравственности</u> и духовности. [Елена Васильева. Благотворители подарили Среднеуральску храм (ФОТО) // Новый регион 2, 2011.03.21]</i>
Основной корпус	<i><u>Порядочность</u> и <u>нравственность</u> – вот залог процветания в любом бизнесе. [Тимофей Бахвалов. В гостях как дома. Малая гостиница как сервис и бизнес (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.01.22]</i>

Таблица 11
ЧЕСТЬ

Сфера употребления	Пример из НКРЯ
Устный корпус	<i>[Драганов, муж] <u>Честь</u> / <u>достоинство</u> любого человека нужно защитить так / как этого требует Конституция / а не какие-то условия. [Беседа К. Лариной с В. Драгановым в эфире радиостанции «Эхо Москвы» 2003-2004]</i>
Газетный корпус	<i>В <u>честь</u> ветеранов состоялся праздничный обед и концерт. [Евгений ЖЕЛТУХА. Равнясь на прошлое, создаем будущее // Комсомольская правда, 2011.05.12]</i>

Основной корпус	<i>23 марта Арбитражный суд Москвы снова отказал Елене Батуриной в удовлетворении иска к телекомпании НТВ о защите <u>чести и достоинства</u>. [Суд не удовлетворил иск Батуриной к каналу НТВ (2011.03.23)]</i>
-----------------	--

Сопоставив экспериментальные данные и контекстное употребление слов **НРАВСТВЕННОСТЬ - ЧЕСТЬ**, мы пришли к выводу, что тематика их употреблений в контекстах совпадает с личностными толкованиями этих лексем (**религиозный подтекст, порядочность, достоинство**). Следует отметить, что газетному корпусу свойственно употребление слова в значении «в честь», т.е. «из уважения к кому-либо». Признак же **неактуальности понятий**, обнаруженный среди субъективных дефиниций, в конкордансах, найденных в НКРЯ, не проявился. Словарь О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова демонстрирует невысокую частотность употребления идеологических проксонимов **НРАВСТВЕННОСТЬ - ЧЕСТЬ** [Ляшевская, Шаров 2009: URL]. Следует обратить внимание на то, что наиболее частое использование лексемы **НРАВСТВЕННОСТЬ** приходится на 70-80-е годы XX века, период, характеризующийся становлением сегодняшнего гуманистического воспитания. Социально-политические изменения тех лет повлекли за собой изменения в обучении детей: в школе начали возрождаться принципы нравственного и идейно-политического воспитания, основанные на гуманизме, на которые опирается и современное общество [Сафин 2007] (см. табл. 12).

Таблица 12

Частотность употребления идеологических проксонимов

НРАВСТВЕННОСТЬ - ЧЕСТЬ

Лемма	Частота (ipm)	Худ. лит. 1950-60- е	1970- 80-е	1990- 2000- е	Публ. 1950- 60-е	1970- 80-е	1990- 2000- е
Нравственность	11.8	4.1	8.2	7.3	13.3	23.5	13.5
Честь	4.1	1.9	4.1	4.3	4.5	6.6	4.5

Обратимся к корпусному анализу леммы МЕНТАЛИТЕТ. Напомним, что в результате эксперимента были выделены основные подгруппы субъективных дефиниций по следующим признакам: **мировоззрение, культура, народ**. Для сравнения рассмотрим контекстное употребление этого слова, используя данные НКРЯ:

Таблица 13

МЕНТАЛИТЕТ

Сфера употребления	Пример из НКРЯ
Устный корпус	<i>[Ходорковский, муж] К сожалению / это во многом <u>менталитет</u> нашего <u>народа</u>. [Беседа Ю. Мучник с М. Ходорковским в эфире радиостанции «Эхо Москвы» // «Эхо Москвы», 2003-2004]</i>
Газетный корпус	<i>Большой плюс – это близость наших <u>культур</u> и <u>менталитета</u>. [Марта КАЛИНИНА. В каких странах смогут этим летом отдохнуть воронежцы и как застраховать себя от невыезда за границу // Комсомольская правда, 2010.06.02]</i>
Основной	<i>Что касается обилия подзаконных актов и частных</i>

корпус	<i>случаев, когда инструкция оказывается выше закона, — это вопрос скорее нашего <u>мировоззрения, менталитета, традиции</u>, нежели законодательной системы. [Виктор Жуйков. <i>Несовершенство, искупаемое неисполнением</i> // «Отечественные записки», 2003]</i>
--------	---

Итак, мы видим, что контекстное употребление слова МЕНТАЛИТЕТ обнаруживает связь с признаками, выделенными в ходе эксперимента. Однако в субъективных дефинициях присутствует более выраженный характер личностных переживаний (*заморочки, сложная штука* и т.д.).

В ходе корпусного анализа были также выявлены следующие конкордансы лексической единицы УБЕЖДЕНИЕ:

Таблица 14
УБЕЖДЕНИЕ

Сфера употребления	Пример из НКРЯ
Устный корпус	<i>[муж, 27] Это мое глубокое <u>убеждение</u> и <u>мнение</u> / что дружбой там никак не пахнет. [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2003]</i>
Газетный корпус	<i>Говорили, что впервые в советском кинематографе создан убедительный образ врага — не просто бандита, а человека со своим <u>мировоззрением, убеждениями</u>. [Строганов Юрий. Лаймонас Норейка: «Я играл и советских чекистов, и литовских «лесных братьев» // Труд-7, 2001.01.12]</i>
Основной корпус	<i>Забавней всего, конечно, <u>принципы</u> или, там, <u>убеждения</u> персонажа. [С. Гедройц. Фигль-Мигль. Характеры.</i>

	<i>Сочинения Елены Шварц. Роман Смирнов. Люди, львы, орлы и куропатки. Владимир Войнович. Портрет на фоне мифа // «Звезда», 2003]</i>
--	---

Контекстное употребление слова УБЕЖДЕНИЕ демонстрирует те же ценностные ориентиры, что и в полученных в результате эксперимента субъективных дефинициях, которые мы разделили по признакам, в том числе, связанных с **мнением, мировоззрением и принципами**. Следует лишь отметить, что в текстах корпуса данные признаки скорее связаны со словоформой лексемы во множественном числе. Чтобы проследить частотность идеологических проксонимов МЕНТАЛИТЕТ и УБЕЖДЕНИЕ, обратимся к Новому частотному словарю русской лексики [Ляшевская, Шаров 2009: URL] (см. Табл. 15).

Таблица 15

Частотность идеологических проксонимов
МЕНТАЛИТЕТ - УБЕЖДЕНИЕ

Лемма	Частота (ipm)	Худ. лит. 1950-60-е	1970- 80-е	1990- 2000-е	Публ. 1950- 60-е	1970- 80-е	1990- 2000-е
Менталитет	6.3	0.0	0.0	2.2	0.0	0.0	12.4
Убеждение	30.1	20.2	19.2	15.7	57.8	43.3	36.5

Итак, мы видим, что лексема МЕНТАЛИТЕТ не употреблялась на протяжении многих лет. С.В. Лурье отмечает, что данное слово не было в ходу у отечественных ученых, объясняя это наличием такого понятия, как *психика*, которое, однако, имеет очевидный медицинский подтекст, и потому не может использоваться в антропологической, социологической и исторической литературе [Лурье 1997]. Коэффициент частотности употребления слова УБЕЖДЕНИЕ значительно выше, особенно в период

50-60-х годов XX века. Возможно, это обусловлено политическими реформами тех лет, вошедшими в историю под названием «оттепель».

Рассмотрим следующую пару идеологических проксонимов БОРЬБА - ПОЕДИНОК. Тексты НКРЯ показывают, что слово *борьба* может употребляться в следующих контекстах:

Таблица 16

БОРЬБА

Сфера употребления	Пример из НКРЯ
Устный корпус	<i>[Фролов, муж] Вы знаете / я думаю у наших девушек ещё / кроме стимула <u>борьбы</u> за медали / бронзовые / чемпионата мира/ есть ещё один стимул. [Симонов Андрей, Фролов Сергей. Спортивный репортаж: водное поло. Россия - Италия (женщины). Чемпионат мира по водным видам спорта. 20.07.2011 // Т/к "Россия-2", прямой эфир, 2011]</i>
Газетный корпус	<i><u>Борьба</u> с коррупцией требует общих усилий служащих, населения, уполномоченных органов. [ЛДПМ доказала, что является ответственной партией, ставящей на первый план интересы граждан страны // Комсомольская правда, 2011.05.13]</i>
Основной корпус	<i>Совместная <u>борьба</u> с новыми угрозами и вызовами требует принципиально нового качества и уровня взаимопонимания и доверия, а также учёта законных интересов друг друга. [С.В. Лавров. Статья в газетах «Коммерсант» и «Уолл-стрит джорнал» // «Дипломатический вестник», 2004]</i>

Следует отметить, что чаще всего в корпусе слово БОРЬБА используется в значении **противостояние**, при этом в текстах СМИ данное противостояние нередко относится к коррупции: *борьба с коррупцией, антикоррупционная борьба* и т.п. Интересно, что устному корпусу присуще использование слова БОРЬБА в контексте спортивных репортажей. Лексема использовалась в таких словосочетаниях, как *борьба за мяч, борьба в центре поля, подводная борьба* и т.д. Сравнивая эти показатели с результатами эксперимента, можно сказать, что субъективные дефиниции имели более выраженное проявление личностного опыта и опоры на собственные знания, нежели контекстное словоупотребление (*выживание, преодоление препятствий, существование* и др.).

Что касается лексемы ПОЕДИНОК, то согласно полученным в ходе эксперимента субъективным дефинициям, слово в сознании индивида, прежде всего, связано с такими понятиями, как *дуэль, борьба, телевизионная передача* и т.д. Согласно корпусным данным слово употребляется в контекстах подобного рода:

Таблица 17
ПОЕДИНОК

Сфера употребления	Пример из НКРЯ
Устный корпус	<i>[Диктор, муж] Закончился <u>поединок</u> двух равных по силе соперниц-дзюдоисток. [Телетрансляция чемпионата по дзюдо (2006)]</i>
Газетный корпус	<i>Весь <u>поединок</u> шла равная <u>борьба</u>, и только в концовке УГМК вырвал победу (82: 71). [Зангалис К. Фавориты покуражились // Советский спорт, 2009.03.05]</i>
Основной корпус	<i>Новая программа Владимира Соловьева <u>«Поединок»</u> — калька сразу с нескольких программ, некогда</i>

выходивших в эфир. [Многостаночники. Теленеделя с Ириной Петровской (2002) // «Известия», 2002.11.29]

Частота употребления идеологических проксонимов БОРЬБА-ПОЕДИНОК варьировалась на протяжении разных периодов времени. В соответствии с данными «Нового частотного словаря русских лексем», слово БОРЬБА имеет значительно больший коэффициент использования, нежели ПОЕДИНОК. Следует отметить, что употребление лексической единицы БОРЬБА присуще публицистической литературе, отражавшей события социально-политического характера (50-60-е годы – борьба за власть после смерти И.В. Сталина, 70-80-е годы – указ о борьбе с алкоголизмом, 90-е годы – борьба с коммунизмом, 2000-е годы – борьба с коррупцией).

Таблица 18

*Частота употребления идеологических проксонимов
БОРЬБА - ПОЕДИНОК*

Лемма	Частота (ipm)	Худ. лит. 1950-60-е	1970- 80-е	1990- 2000-е	Публ. 1950- 60-е	1970- 80-е	1990- 2000-е
Борьба	190.5	95.5	79.8	68.5	351.3	269.6	297.4
Поединок	16.5	5.5	12.3	21.4	13.3	18.3	21.8

Напомним, что в результате эксперимента с использованием субъективных дефиниций пара слов КОЛЛЕКТИВ - ОБЩЕСТВО в первую очередь получила общие определения, объединенные по признаку **группа людей**. Лексема КОЛЛЕКТИВ ассоциировалась у ии. старшего возраста с **советским строем**, у представителей молодого поколения – с **учебной деятельностью**, также были сравнения *коллектива с семьей*. Контекстное употребление исследуемого слова демонстрирует схожие ситуации его использования (см. Табл. 19).

Таблица 19
КОЛЛЕКТИВ

Сфера употребления	Пример из НКРЯ
Устный корпус	<i>[жен] Когда я пришла на работу / нас было восемнадцать человек / и такой дружный был <u>коллектив</u> / вот одна <u>семья</u>. [Город мастеров. Скопин. Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») // Т/к «Культура», 2008]</i>
Газетный корпус	<i>Для многих это возможность реализовать себя, радость быть в <u>коллективе</u>, шанс вести полноценную жизнь. [Марина АНДРЕЕВА. Территория любви // Комсомольская правда, 2011.05.13]</i>
Основной корпус	<i>Данное понятие получило свое распространение со времен <u>Советского Союза</u>, когда влияние государственной организации было достаточно велико, а вопросы, связанные с юридической стороной внутриорганизационных проблем возлагались на представителя <u>коллектива</u>. [Общественный защитник (2010-2012)]</i>

В целом можно сделать вывод, что слово КОЛЛЕКТИВ имеет положительную оценочность как по результатам эксперимента, так и в результате корпусного анализа (*дружный коллектив, семья, радость быть в коллективе*). Это объясняется тем, что человек обладает социальной сущностью и под влиянием коллектива формируется как личность. Что касается лексемы ОБЩЕСТВО, то нами были выявлены следующие конкордансы на основе НКРЯ:

Таблица 20
ОБЩЕСТВО

Сфера употребления	Пример из НКРЯ
Устный корпус	<i>[Гребеничиков, муж] Комар не может относиться к другим комарам. Он часть какого-то <u>общества</u>. Я тоже. [Борис Гребеничиков. Пресс-конференция Б.Гребеничикова // Интернет, 2003]</i>
Газетный корпус	<i>Это было весьма распространенное явление в <u>первобытных обществах</u>. [Почему дети становятся жертвами собственных родителей // РИА Новости, 2010.03.26]</i>
Основной корпус	<i>Божена для меня — неоценимый источник сведений о жизни <u>высшего общества</u>. [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008]</i>

Слово ОБЩЕСТВО зачастую используется в контексте разделения на классы, описания этапов развития человечества. Пример из устного корпуса демонстрирует стремление индивида являться частью общества, в котором он живет. Таким образом, в конкордансах, взятых из НКРЯ, проявились признаки, по которым были объединены некоторые субъективные дефиниции, полученные в ходе эксперимента (см. пункт 2.2.3). Частотность употребления идеологических проксонимов КОЛЛЕКТИВ - ОБЩЕСТВО отражена в таблице (см. Табл. 21).

Таблица 21

Частотность употребления идеологических проксонимов

КОЛЛЕКТИВ - ОБЩЕСТВО

Лемма	Частота (ipm)	Худ.лит. 1950-60-е	1970- 80-е	1990- 2000-е	Публ. 1950- 60-е	1970- 80-е	1990- 2000-е
Коллектив	68.0	23.0	35.3	20.8	263.9	137.2	105.4
Общество	314.7	100.1	89.1	82.4	253.5	301.2	396.2

Как видно из таблицы, общая частотность употребления слова ОБЩЕСТВО значительно выше, чем слова КОЛЛЕКТИВ, однако в 50-60-е годы в публицистике его использование доминировало над использованием лексемы ОБЩЕСТВО. Это связано с тем, что эти годы характеризуются расцветом советской идеологии, где одним из ключевых являлось понятие *коллектив*, противопоставленное *буржуазному обществу*.

При рассмотрении идеологических проксонимов ЧЕЛОВЕК - ГРАЖДАНИН, мы также обратились к данным НКРЯ, которые продемонстрировали контекстное употребление данных слов (см. Табл. 22, 23).

Таблица 22

ЧЕЛОВЕК

Сфера употребления	Пример из НКРЯ
Устный корпус	<i>[Починок, муж] И это вполне логично, он нормальный разумный человек, хорошо знающий город, работающий давно в этой должности и понимающий, что делает эта комиссия. [Беседа М. Королевой с А. Починком в эфире радиостанции «Эхо Москвы» // «Эхо Москвы», 2003-2004]</i>

Газетный корпус	<i>В прошлом году он заинтересовался учением Дарвина об <u>эволюции человека</u>. [Михаил ОЗЕРОВ. Лондон.. Британия на пороховой бочке // Комсомольская правда, 2011.03.30]</i>
Основной корпус	<i>...Ну да... <u>Человек - это звучит гордо!</u> Только гордо звучит далеко не каждый человек, совсем даже не каждый. [Анатолий Шалин. Футурия // «Наука и жизнь», 2009]</i>

Таблица 23
ГРАЖДАНИН

Сфера употребления	Пример из НКРЯ
Устный корпус	<i>[Павлов, муж] <u>Государство</u> обязано обеспечить <u>граждан</u> необходимой информацией по этому делу. [Беседа М. Королевой с Г. Пасько в эфире радиостанции «Эхо Москвы» // «Эхо Москвы», 2003-2004]</i>
Газетный корпус	<i>«Очень хотелось бы, чтобы наше <u>общество</u> и каждый <u>гражданин</u> в отдельности проявили сознательность. [Варвара Никитина. Правоохранительные органы Приднестровья сталкиваются с проблемами при розыске неплательщиков алиментов // Новый регион 2, 2011.04.15]</i>
Основной корпус	<i>Прежде всего, это обеспечение конституционной законности, экономической безопасности, защита <u>прав и свободы граждан</u>... [Юрий Чайка посчитал коррупционеров (2010.01.12) // http://www.rbcdaily.ru/2010/01/12/focus/451563.shtml, 2010]</i>

Следует отметить, что в контекстном употреблении лексем ЧЕЛОВЕК – ГРАЖДАНИН проявилось общее лексическое значение субъективных дефиниций, полученных в результате эксперимента. Так, личностные толкования лексемы ЧЕЛОВЕК были разделены на подгруппы: человек как

обладатель разума, человек как объект эволюции, человек – гордое звание. Конкорданс из основного корпуса демонстрирует критическое отношение к последнему высказыванию. В определениях, полученных на слово ГРАЖДАНИН, можно проследить значения, проявившиеся в контекстах НКРЯ (*гражданин как часть общества, гражданин как часть государства, гражданин как обладатель прав и свобод*).

Для определения частотности употребления пары идеологических проксимов ЧЕЛОВЕК - ГРАЖДАНИН обратимся к данным частотного словаря (см. Табл. 24).

Таблица 24

*Частотность употребления идеологических проксимов
ЧЕЛОВЕК - ГРАЖДАНИН*

Лемма	Частота (ipm)	Худ. лит. 1950-60- е	1970- 80-е	1990- 2000-е	Публ. 1950- 60-е	1970- 80-е	1990- 2000-е
Человек	2723.0	3236.6	2799.9	2476.3	3231.7	4119.7	2853.2
Гражданин	199.4	70.4	71.4	59.8	86.0	69.3	289.8

Лексическая единица ЧЕЛОВЕК имеет самый высокий коэффициент использования из всех нами изученных. Идеологически окрашенная лексема ГРАЖДАНИН имеет наиболее высокую частоту употребления в публицистической литературе последних двух десятилетий, что связано со сменой политического строя, когда понятие *товарищ* сменилось понятием *гражданин*. Советский философ Н.В. Устрялов трактовал данные слова следующим образом: «*Гражданин* – символ демократической государственности, знаменующий собою взаимную связь людей на почве единого целого, самоуправляющегося государственного союза»; «*Товарищ* – категория не правовая, а чисто моральная. Она знаменует собою высшую, внутреннюю связь человека с человеком» [Устрялов 1917].

Итак, корпусный анализ наряду с результатами эксперимента с использованием методики субъективных дефиниций, а также обращение к данным частотного словаря показали, что происходящие в языке изменения влекут за собой трансформацию значений слов с идеологической окраской. Мы выяснили, что корпусные исследования могут успешно дополнять информацию, полученную в результате экспериментальной работы, для более глубокого и детального изучения того или иного слова. Таким образом, обе методики могут использоваться в совокупности для получения объективных данных.

2.5. Выводы по главе 2

Анализ экспериментальных данных показывает, что идеологические проксонимы, функционируя в индивидуальном лексиконе, приобретают все более широкое и многогранное значение за счет внутрисистемных и экстралингвистических факторов.

Мы определили, что близость значений идеологических проксонимов обусловлена *проксонимическим признаком*, связанном с мыслительными стереотипами носителей языка. Данные стереотипы в совокупности с другими социокультурными факторами оказывают воздействие на расширение или изменение словарного значения той или иной лексической единицы в сознании человека.

Эмпирический материал демонстрирует высокую степень идеологичности за счет способности отображать мировоззрение, личностные знания, ценностные и духовные ориентиры, а также различного рода идеалы и убеждения как общества, так и личности. Реакции, полученные в результате первого этапа экспериментальной работы, свидетельствуют о наличии в сознании носителя языка определенного образа мира, выход на который обеспечивается в результате сопоставления идеологической лексики с опорой на знания, признаки и признаки признаков, а также в условиях

ситуации «для меня, здесь и сейчас». При этом на переживание сходства, неосознаваемое индивидом в процессе речевой деятельности, влияют социокультурные реалии, в частности, фактор возраста.

Анализ полученных субъективных дефиниций показал отношение ин. к той информации, которая связана у них со словами-стимулами. Результаты эксперимента продемонстрировали моральные и духовные ценности носителей языка и подтвердили то, что в индивидуальном лексиконе идеологические проксонимы представляют собой объемную и образную систему, опирающуюся на информационную базу индивида. Значение идеологических проксонимов связано с системой знаний человека об окружающем его мире с реальным процессом коммуникации и мышления и может изменяться под влиянием различных параметров, в том числе фактора «время».

В главе представлены результаты использования методики корпусного анализа, которая подтверждает целесообразность интегративного подхода при изучении реального значения слов, обладающих идеологической окраской. Уделяется внимание частотности употребления исследуемых идеологических проксонимов в различные временные периоды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное диссертационное исследование посвящено изучению функционирования идеологических проксонимов в индивидуальном лексиконе. В работе затрагиваются проблемы близости значения слов в речевой организации человека с позиций психолингвистической теории слова и концепции индивидуального знания. Такой подход к рассмотрению идеологических проксонимов обусловлен постоянными изменениями, происходящими в обществе и оказывающими влияние на сознание и язык индивидов.

С целью описания сложной и многоплановой природы идеологических проксонимов в работе дается анализ теоретических исследований, посвященных идеологии и идеологической лексике, которая способна отражать моральные, духовные и политические взгляды людей. В рамках интегративного подхода понятие идеологичности рассматривается в широком смысле как совокупность ценностей, стереотипов и других социокультурных реалий современного общества. Так, вследствие изменения лингвистической ситуации в целом, происходит переосмысление слов, ранее обладающих нейтральным значением. В результате неких языковых договоренностей, которые обуславливают понимание тех или иных лексических единиц большинством членов общества, идеологическая лексика изучается в рамках теории проксиматики, определяющей наличие сходства между лексемами с опорой на знания, признаки и ситуацию «здесь и сейчас». Таким образом, теоретические изыскания позволили нам дать определение идеологических проксонимов как вербальных единиц, сформированных на основании социальных, культурных и житейских конвенций и функционирующих в определенный период времени в ситуации «здесь и сейчас».

Следует отметить, что идеологические проксонимы подвержены переосмыслениям как в понятийном, так и в оценочном плане. Их понимание

определяется временным фактором, а также полученным ранее личностным опытом, собственными знаниями и представлениями об окружающем мире. Специфика функционирования идеологических проксонимов в индивидуальном лексиконе зачастую обуславливается субъективным значением переживаемой ситуации, эмоциональным состоянием, регулированием отношений с людьми, корректировкой собственной самооценки.

В диссертации подтверждается рациональность изучения идеологических проксонимов не только в рамках политического дискурса, но и с учетом социального, культурного и личностного контекстов. Это связано с тем, что лексическое значение определяется как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, совокупность которых организует его структуру. Следовательно, при идентификации слова носитель языка использует широкий спектр переживаний и эмоциональных оттенков, лежащих в основе любых языковых единиц. Мы также полагаем, что значительная роль при создании идеологических проксонимов отводится феномену массовой культуры, которая определяется медийными и рекламными текстами, а также Интернет-пространством. Таким образом, современное понятие идеологии подразумевает формирование проксонимических связей вследствие актуализации признаков сходства, связанных с личностными знаниями и мировоззрением индивида.

С целью верификации теоретических положений нами было проведено исследование с использованием метода свободного ассоциативного эксперимента и методики субъективных дефиниций. Данные способы получения эмпирических данных позволили выяснить мировоззренческое содержание идеологических проксонимов, а также их возможную эквивалентность на основании степени пересечения выявленных ассоциативных полей. Было определено, какая информация увязывается с идеологическими проксонимами в сознании личности. Основанием для сравнения при интерпретации полученного материала стали мыслительные

стереотипы, свойственные как обществу в целом, так и индивидуальному сознанию. Таким образом, посредством доступа к картине мира, сформированной у человека к соответствующему времени, было выяснено, какова роль индивида на определенной стадии развития общества.

На основании полученных данных были выявлены особенности употребления идеологических проксонимов в индивидуальном лексиконе. Исследование проводилось с опорой на психолингвистическую теорию проксиматики, согласно которой функционирование идеологических проксонимов в индивидуальном лексиконе происходит в рамках акта проксимации, заключающегося в уточнении значения слова в ситуации «для меня, здесь и сейчас». В ходе эксперимента было установлено, что большинство идеологических проксонимов, отобранных для эксперимента, были опознаны ии. как слова близкие по своему значению, что подтверждает факт установления индивидом фактов сходства с опорой на внутренний контекст и представления об окружающей действительности. Было также подтверждено, что фактор возраста оказывает непосредственное воздействие на идеологию человека и предопределяет различные способы переживания сходства, неосознаваемые индивидом в процессе речевой деятельности.

Следующий этап экспериментальной работы был нацелен на выявление реального содержания идеологических проксонимов и детализацию хранящейся в памяти индивида информации о ситуациях, связанных с идентифицируемым словом. Ии. предлагалось дать определение словам, используемым в качестве стимулов для САЭ. На основании полученных субъективных дефиниций нами был осуществлен доступ к преобладающему в сознании человека варианту значения лексических единиц. В результате сравнения и сопоставления личностных толкований со словарными определениями и реакциями, полученными по итогам САЭ, нами была обнаружена специфика признаков, лежащих в основе сходства лексических значений идеологических проксонимов.

Мы выяснили, что субъективные дефиниции лексических единиц, обладающих идеологической окраской, выходят далеко за рамки лексикографических источников и отражают полученный индивидом опыт, а также степень влияния стереотипов, навязываемых источниками массовой культуры. Таким образом, идеологические проксонимы апеллируют к информационной базе человека, которая определяет признаки близости значений идеологических проксонимов в индивидуальном лексиконе.

Для определения особенностей восприятия индивидом идеологической лексики на основании критериев проксонимической близости, нами был проведен дополнительный эксперимент с использованием методики субъективных дефиниций. Основанием для проведения данного этапа экспериментальной работы послужило, в том числе, предположение о том, что идеологические проксонимы способны отражать ценностные установки и ориентиры общества, а также моральные и духовные нормы носителей языка. При интерпретации полученных дефиниций особое внимание было уделено параметру «время», играющему важную роль при установлении фактов смыслового сходства. Анализ производился с учетом социокультурной и личностной специфики функционирования слова в индивидуальном лексиконе. Экспериментальный материал подтвердил факт переживания знания, обусловленного эмоционально-оценочным отношением к тому, что человек знает о предмете или явлении. Ии. интерпретировали идеологические проксонимы с опорой на собственное понимание значений предложенных лексических единиц, что позволило нам судить об отношении участников эксперимента к идеологически окрашенным словам, отражающим их моральные и ценностные ориентиры.

В ходе экспериментальной работы нами была также применена сравнительно новая методика корпусного анализа, использованная с целью сравнения примеров контекстного употребления идеологических проксонимов с субъективными дефинициями, полученными в результате эксперимента. Мы исследовали идеологические проксонимы по общему,

газетному и устному подкорпусам Национального корпуса русского языка, а также использовали данные частотного словаря, созданного на основе корпусных текстов. Исследование показало, что контекстное употребление дает достаточно детальное толкование значений и оттенков значений идеологических проксонимов в индивидуальном лексиконе. Для получения объективной информации корпусное исследование может успешно дополнять экспериментальную работу с субъективными дефинициями.

В результате многоэтапного экспериментального исследования было установлено, что процесс сравнения и переживания происходит с опорой на личностный опыт, а также на признаки, связанные со сходством или различием значений в индивидуальном сознании. При этом человек оперирует определенной схемой знаний, являющейся проявлением ментальных знаний человека о свойствах предметов или явлений внешнего мира.

Итак, идеологические проксонимы функционируют в индивидуальном лексиконе как лексемы, обеспечивающие выход личности на ее образ мира и демонстрируют субъективное отношение человека к явлениям идеологического характера. Таким образом, наше предположение о том, что идеологические проксонимы являются специфической языковой формой, функционирование которой в индивидуальном лексиконе определяется не особенностями структуры языкового знака, а особенностями концептуальной сферы носителя языка, подтвердилось.

Перспективы исследования могут быть связаны с дальнейшим изучением идеологических проксонимов с учетом гендерной специфики, обусловленности различными типами контекстов и новых методов исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алпатов В.М. История лингвистических учений: учеб. пособие. 4-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2005. 368 с.

Апресян Ю.Д. В какой мере можно формализовать понятие синонимии? // Облик слова: сб. статей памяти Д.Н. Шмелева. М., 1997. С.9-21.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Ахутина Т.В. Проблема строения индивидуального лексикона человека в свете идей Л. С. Выготского // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1984. № 4. С. 44–50.

Ашин Г.К. Современные теории элиты: Критический очерк. М.: Междунар. отношения, 1985. 256 с.

Бакулов В.Д. Социокультурные метаморфозы утопизма. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та. 2003. С.122.

Баллаев А.Б. Читая Маркса. М.: Праксис, 2004. 288 с.

Бантышева Л.Л. Идеологизированный компонент в лингвистике начала XX века: интерпретация термина // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия Филология. Том 19 (58). № 3. Симферополь, 2006. С.88-93.

Баранов А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. 1997. №6. С. 108–118.

Баранов А.Н. Речевое воздействие и аргументация // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. М., 2000. С. 109-163.

Баранова А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. 64 с.

Барт Р. Нулевая степень письма // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: ИГ Прогресс, 2000. С. 50-96.

Барт Р. Мифологии / пер. с фр. С. Зенкина. М.: Директ-Медиа, 2007. 459 с.

Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 543 с.

Бахтин М.М. (Под маской) Марксизм и философия языка. М.: «Лабиринт», 2000. 625 с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Наука, 1979. 120 с.

Бахтин М.М. Собр. соч. Работы 1940-1960 гг. Т.5. М.: Русские словари, 1997. С.159-206.

Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 4(1): «Франсуа Рабле в истории реализма» (1940 г.). Материалы к книге о Рабле (1930–1950-е гг.). Комментарии и приложения. М.: Языки славянских культур, 2008. 1120 с.

Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 4(2): «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965). «Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)» (1940, 1970). Комментарии и приложение. М.: Языки славянских культур, 2010. 752 с.

Бахтин М.М. Собр. соч. Теория романа (1930-1961 гг.) Т.3. М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М.: РГГУ, 2001. 439 с.

Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1984. 31 с.

Будагов Р.А. Язык и речь в кругозоре человека. М.: «Добросвет», 2000. 304 с.

Будагов Р.А. Слово и его значение. 2-е изд. М.: «Добросвет», 2003. 64 с.

Буякас Т.М., Зевина О.Г. Опыт утверждения общечеловеческих ценностей – культурных символов в индивидуальном сознании // Вопросы психологии. 1997. №5. С. 44-55.

Вахтин Н.Б., Головки Е.В. Социоллингвистика и социология языка: учебное пособие. СПб.: Издательский центр «Гуманитарная академия», Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с..

Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с.

Вердербер Р., Вердербер К. Психология общения. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2003. 320 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.

Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: «Русский язык», 1977. 510с.

Винокур Г.О. Проблемы культуры речи. // Рус. яз. в советской школе. №5. М.: Работник просвещения, 1929. С. 82-92.

Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / пер. с англ. и нем. Волгоград: Перемена, 1997. 139с.

Воробьева О.И. Политическая лексика: Ее функции в современной устной и письменной речи: монография. Архангельск, 2000. 120 с.

Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М., 1956. 379 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь // Собрание сочинений: в 6 тт. Т.2 М., 1982. С. 295-361.

Выготский Л.С. Вопросы теории и истории психологии // Собрание сочинений: в 6 тт. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. 488 с.

Гавел В. Сила бессильных // Хрестоматия: для студентов вузов / Национальный фонд подготовки кадров, Московская школа социальных наук; [сост. и общ. ред. Б. Г. Капустина]. Москва: Изд-во Моск. ун-та: Книжный дом Университет, 2004. С. 215-311.

Гаврилова М. В. Лингвистический анализ политического дискурса // По материалам проблемного семинара «Гражданская культура и формирование

демократических институтов» в рамках II Российского общественно-научного Форума «Формирование гражданского общества в России» / под ред. Г.П. Артёмова. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2002. 79 с.

Гермогенова Л.Ю. Эффективная реклама в России. Практика и рекомендации. М.: РусПартнер Лтд, 1994. 252 с.

Головань О.В. Феномен дискурса: от прикладной лингвистики к политике и культуре // Обсерватория культуры: журн.-обозрение. 2010. № 2 (март–апр.). С. 19–25.

Горский Д.П. Предисловие редактора книги // Павилёнис Р.И. Проблема смысла. М.: Мысль, 1983. С. 3–7.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 160-170.

Гусейнов Г.Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х годов. М.: Три квадрата, 2003. 272 с.

Давыдов И. Государство в кавычках. Так называемая жизнь в России. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/columns/2013/05/21/state> (дата обращения: 25.05.2013).

Дейк Т.А. ван. Расизм и язык / Пер. с англ. - М.: ИНИОН АН СССР, 1989. 76 с.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.

Декленко Е.В. Лингвокультурологический аспект патриотического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004. 19 с.

Долуденко Е.А. О лексико-семантических особенностях технической рекламы (на примере англоязычной рекламы оргтехники) // Лингвистические категории в синхронии и диахронии: межвуз. сб. науч. тр. Пятигорск: ПГЛУ, 1996. С. 47-54.

Евгеньева А.П. Синонимические и парадигматические отношения в русской лексике // Синонимы русского языка и их особенности. Л., 1972. С. 5-22.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Пер. с англ. / Сост. В.Д. Мазо. М.: КомКнига, 2006. 248 с.

Есакова М.Н. Межкультурная асимметрия как переводческая проблема // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. №2.

Жидков В.С., Соколов К.Б. Искусство и общество. СПб.: Алетейя, 2005. 592 с.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 210 с.

Жукоцкая А.В. Феномен идеологии. М., 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://service.ebooksearch.webfactional.com/en/> (дата обращения: 9.04.2012).

Журавлев С.А. Идеологемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань: Казанский госуниверситет, 2004. 21 с.

Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М.: ВШ. 1989. 126 с.

Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1977. 83с.

Залевская А.А. Когнитивизм, когнитивная психология, когнитивная наука и когнитивная лингвистика // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития. Тамбов, 1998а. С.6-9.

Залевская А.А. Значение слова и возможности его описания. // Языковое сознание. Формирование и функционирование. М., 1998б. С. 35-55.

Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. М., 2000. 180 с.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента: монография. Тверь: ТГУ, 2011. 240 с.

Захаров В.П. Корпусная лингвистика: учебно-метод. пособие. СПб., 2005. 48 с.

Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 248 с.

Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества. // Вопросы языкознания, 1996. № 3. С. 23–31.

Зинченко В.П. Проблемы психологии развития. (Читая О. Мандельштама) // Вопросы психологии. 1991. № 4. С. 46-52.

Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. М.: Новая школа, 1997. 336 с.

Зинченко В.П. Психологическая педагогика. Ч.1. Живое знание: материалы к курсу лекций. 2-е изд. Самара: Самарский Дом печати, 1998. 216 с.

Золотова Н.О. Некоторые особенности восприятия рекламных текстов // Слово и текст: Актуальные проблемы психолингвистики: сб. науч. тр. Тверь, 1994. С.126-130.

Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: монография. Тверь: Лилия Принт, 2005. 204 с.

Кадачиева Х.М., Магомедова Н.З. Ценностная картина мира и ее отражение в английском языке (на материале современных британских рассказов) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 49. 2010. № 34 (215). С. 50.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием: учебное пособие. М.: Алгоритм, 2004. 528 с.

Карасик В.И. Стернин И.А. Антология концептов Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. 352 с.

Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-19.

Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002а. 333 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002б. 477 с.

Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Рус. яз., 1993. 330 с.

Караулов Ю.Н. От структуры ассоциативного словаря к структуре языковой способности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Филология. Журналистика. 1994. №1. С. 15-26.

Караулов Ю.Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 1-3 июня 2000г. / Редактор Е.Ф. Тарасов. М.: Институт языкознания РАН и МГЛУ, 2000. С. 107-108.

Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности. М.: Наука, 1991.

Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестник МГУ. Серия 7 философия. М.: Изд-во МГУ, 1990. № 2. С. 58–68.

Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонова. Екатеринбург: У-Фактория (при уч. изд-ва Гум. ун-та), 2004. 328 с.

Кашкин В.Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3. Воронеж, 2002. С. 78-83

Кашкин В.Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации // Серия «Аспекты языка и коммуникации». Выпуск 5. Воронеж: Воронежский государственный университет; Издатель О.Ю.Алейников, 2010. 382 с.

Клемперер В. ЛТІ: Язык Третьего рейха: Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 384 с.

Клименко А.П. Вопросы психолингвистического изучения семантики. Минск: БГУ, 1974. 120с.

Колосова О.А. Когнитивные основания языковых категорий. (На материале современного английского языка): дис. ... докт. филол. наук. М., 1996. 19 с.

Косиков Г. Идеология. Коннотация. Текст. (По поводу книги Р. Барта). // Ролан Барт. М., 1994. С.277-302.

Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Иркутск: Издание ОГУП «Иркутская областная типография», 2001. 261с.

Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М.: РОССПЭН, 2004. 656 с.

Крысин Л.П. Эвфемистические способы выражения в современном русском языке // Русский язык в школе. М., 1994. №5 С. 76–82.

Крысин Л.П. Социальная маркированность языковых единиц // Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки слав. культуры, 2004. С. 486-509.

Кубрякова Е.С. Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. 551 с.

Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу: монография. М.: Наука, 1986. 126 с.

Купина Н. А. Агитационный дискурс: В поисках жанров влияния // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000. С. 216-233.

Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург-Пермь, 1995. 144 с.

Курилович Е. Очерки по лингвистике. Биробиджан: ИП «ТРИВИУМ», 2000. 490 с.

Лазарева Э.А. Рекламный дискурс: стратегии и тактики // Лингвистика. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. Том 9. С. 82–121.

Лебедев М.В. Стабильность языкового значения: монография. М.: ЛКИ, 2008. 168 с.

Лебедева С.В. Близость значения слов в индивидуальном сознании: дис. ... докт. филол. наук. Тверь, 2002. 311 с.

Лебедева С.В. Интегративная модель близости значения слов // Вопросы психолингвистики. М.: Институт языкознания РАН, 2007. №5. С. 28-31.

Лебедева С.В. Психолингвистические характеристики проксонимии [Электронный ресурс] // Ученые записки. Курск, 2012. № 3(23), ч.2. URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/026-008.pdf>. (дата обращения – 10.09.2012)

Лебедева С.В. Возможность моделирования процесса проксимации [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. Курск, 2013. № 1(13). URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/013-008.pdf>. (дата обращения – 24.05.2013)

Лебедева С.В., Зубкова О.С. Медицинская метафора в современном языке. Курск, 2006. 128 с.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Наука, 1969. 260 с.

Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001. 391 с.

Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / отв. ред. проф. Володина М.Н. Уч. пос. М.: Изд-во МГУ, 2003. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/16.htm#319#319> (дата обращения – 12.05.2012)

Леонтьев А.Н. Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности. М., 1974. С.5-20.

Леонтьев А.Н. Деятельность и сознание // Психология сознания. СПб.: Питер, 2001. С. 72-82.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, Академия, 2005. 352 с.

Лихачев Д.С. Национализм губит свою собственную культуру [Электронный ресурс]. URL: <http://tihonova.vertical1748.ru/ege/158-2012-11-23-13-34-28.html> (дата обращения: 14.12.2012).

Лукашенец А.А., Щербин В.К., Михевич А.Е. Общество – язык – политика. Минск: Высш. шк., 1988. 223 с.

Лурье С.В. Культурная антропология в России и на Западе: концептуальные различия // Общественные науки и современность. 1997. №2. С. 152.

Майорова Э.В. Структурно-когнитивный анализ рекламного текста // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества: сб. науч. тр. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. Том 9. С. 27–33.

Малиновский Б. Научная теория культуры = Scientific Theory of Culture / пер. И.В. Утехин. 2-е изд. испр. М.: ОГИ (Объединенное Гуманитарное Издательство), 2005. 184 с.

Марочкин А.И. Лексико-фразеологические особенности молодежного жаргона (на материале речи молодежи г. Воронежа): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 1998. 16 с.

Мartiнович Г.А. Вербальные ассоциации и организация лексикона человека // Филол. науки. 1989. № 3. С. 39-45.

Мartiнович Г.А. Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента // ВП. 1993. № 2. С. 93-99.

Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. 5-е изд. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 296 с.

Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. Вып. 1(24). Екатеринбург, 2008. С. 43-48.

Медведев П.Н. (под маской М.М. Бахтин) Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику. Л., 1928. 232 с.

Меньшикова С.И. Структурная организация метаконцепта «нравственность» // Вестник ТвГУ. Серия: Филология (4), 2010. С. 73-81.

Молдован А.М. Национальный корпус русского языка // Вестн. РАН. 2007. Т. 77. № 6. С. 501.

Никитина С.В. Национальная специфика текста промышленной рекламы (на материале русскоязычных и англоязычных периодических изданий по вычислительной технике): автореф. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1998. 21 с.

Норман Б.Ю. К семантической эволюции некоторых русских слов (об идеологическом компоненте значения) // Мова тоталітарного суспільства. Київ: Наук. думка, 1995. С. 37–43.

Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология. М.: Академический Проект, 2004. 480 с.

Пашковская Н.В. Различные подходы к психолингвистической трактовке проблемы признаков // Семантика слова и текста: психолингвистические исследования. Тверь, 1998. С.25-30.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005. 480 с.

Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М.: Изд. Мос. ун-та, 1988. С. 10-11.

Пирогова Ю.К. ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений) // Проблемы прикладной лингвистики 2001. М.: Дрофа, 2001. С. 209-227.

Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. М., 2008. № 2 (16). С. 7-20

Покровская Е.А. Слово в языке и образ в искусстве: сущностные и оценочные преобразования // RELGA. №9 (63). 2001 [Электронный ресурс].

URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tguwww.woa/wa/Main?textid=756&level1=main&level2=articles> (дата обращения – 20.03.2014).

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. Воронеж: изд-во «Истоки», 2007. 250 с.

Почепцов Г.Г. Тоталитарный человек: Очерки тоталитарного символизма и мифологии. Киев: Глобус, 1994. 152 с.

Радбиль Т. Б. Мифология языка Андрея Платонова. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 1998. 116 с.

Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. От романтизма до наших дней [Электронный ресурс]. СПб., 1997. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Reale_ZapFil/Modern/Index.php (дата обращения - 12.09.11)

Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1999. 536 с.

Романенко А.П. Образ риторика в советской словесной культуре: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2003. 432 с.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М. : Наука, 1957. 350 с.

Русакова О.Ф., Спасский А.Е. Дискурс как властный ресурс // «Современные теории дискурса». Екатеринбург: «Дискурс-Пи». 2006. С. 128-140.

Сафин Р.Р. Социально политические особенности развития гуманистического воспитания в 70-80-е годы XX века // Филология и культура. №1(8). Казань: Изд-во ТГГПУ, 2007. С. 119-124.

Сахарный Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 221-237.

Севастьянов А.Н. Время быть русским! Третья сила. Русский национализм на авансцене истории. М.: Эксмо, 2004. С. 17.

Семенюк Л.М. Хрестоматия по возрастной психологии: учебное пособие для студентов / под ред. Д.И. Фельдштейна: издание 2-е, доп. М.: Институт практической психологии, 1996. 304 с.

Солганик Г.Я. Лексика газеты: уч. пос. по спец. «Журналистика». М.: Высш. Школа, 1981. С. 36-61.

Солохина А.С. Концепт “свобода” в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: ВГПУ, 2004. 26с.

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Высшая школа, 1990. С. 180-186.

Сорокин Ю.А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России. М., 1997. С. 57-67.

Сорокина Т.С. Функциональные основы теории грамматической синонимии // Вопросы языкознания. №3. 2003. С. 95–112.

Соссюр Ф. де Труды по языкознанию. М.: Высшая школа, 1977. 540с.

Степанов Ю.С. Семиотика. Антология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 702 с.

Степанова Е.И. Психология взрослых: экспериментальная акмеология. СПб.: Алетейя, 2000. 288 с.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. 180с.

Стернин И.А. Язык и национальное сознание // Логос №4 (49), 2005. С. 140-156.

Тарасов Е.Ф. Психолингвистические особенности языка рекламы // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. М.: Наука, 1974. С. 80-96.

Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики. М.: Наука, 1987. 168 с.

Тарасов Е.Ф. Проблемы теории речевого общения // Вопросы психолингвистики. М.: Институт языкознания РАН, 2010. № 2(12). С. 20-26.

Тарасов Е.Ф. Принципы анализа жизни языка в культуре и социуме // Жизнь языка в культуре и социуме-2: материалы конференции. М.: Институт языкознания РАН, 2011. С. 3-6.

Тарасов Е.Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей // Вопросы психолингвистики. М.: Институт языкознания РАН, 2012. № 1(15). С. 8-18.

Телия В.Н., Графова Т.А. и др. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. Коллективная монография. М.: Наука, 1991. 214 с.

Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии: монография. Тверь: ТГУ, 2000. 155 с.

Уваров М.С. Религиозная этика и идеология современной науки [Электронный ресурс]. URL: <http://sofik-rgi.narod.ru/avtori/uvarovreligetica.htm> (дата обращения – 12.04.2012).

Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Языки как образ мира. М., СПб.: АСТ, Terra Fantastica: 2003. С. 157-201.

Устрялов Н.В. Товарищ и гражданин // Народопрество, 1917. № 12. С. 16-17.

Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания. // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 139 –162.

Фан И.Б. Концепт гражданина в политической мысли: методологические подходы и теоретические модели: автореф. дис. ... докт. полит. наук. Екатеринбург, 2010. 38 с.

Фишман Л.Г. Дискурс политического постмодерна // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. (Серия «Дискурсология» Выпуск 1). Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс Пи», 2006. 176 с.

Фойт В. Семиотика и фольклор // Семиотика и художественное творчество. М., 1977. С. 182-184.

Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. 216 с.

Фрумкина Р.М. Идеи и идеологемы в лингвистике. // Язык и структура знания. М., 1990. С.177-190.

Фрумкина Р.М. Лингвистическая гипотеза и эксперимент (о специфике гипотез в психолингвистике). // Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980. С. 183-216.

Фрумкина Р.М. Психолингвистика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 320 с.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: сборник. М.: Магистериум: Изд. дом «Касталь», 1996. 446 с.

Харитончик З.А. Лексикология английского языка. Минск: БГУ, 1992. 340 с.

Холодная М.А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2002. 272 с.

Цейтлин С.Н. Направления и аспекты изучения детской речи // Детская речь как предмет лингвистического исследования. СПб., 2004. С. 275-278.

Чепель Ю.В. Специфика синонимии в интернет-коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2009. 23 с.

Чугунов А.В. Социология Интернета: методика и практика исследований интернет-аудитории: учебное пособие. СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2007. 130 с.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003. 248 с.

Чудинов А.П. Современная политическая коммуникация: учеб. пособие. Екатеринбург, 2009. 292 с.

Шакирова Н.Ю. Язык тоталитарного общества как механизм политического подавления личности // Вопросы психолингвистики. Вып. 3. М.: Институт Языкознания РАН, 2006. С. 144-153.

Шаповаленко И.В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология). М.: Гардарики, 2005. 349 с.

Шаховский В.И. Запахи русского политического дискурса // Политический дискурс в России – 4: материалы раб. совещ. (Москва, 22 апреля 2000 года) // под ред. Ю.А. Сорокина и В.Н. Базылева. М.: Диалог-МГУ, 2000. С. 108-111.

Шестаков В. Мифология XX века (критика теории и практики буржуазной массовой культуры). М.: Искусство, 1988. 224 с.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2000а. 440 с.

Шейгал Е.И. Театральность политического дискурса // Единицы языка и их функционирование. Саратов, 2000б. Вып.6. С. 92-96.

Шейгал Е.И. Рефлексивы в политической коммуникации [Электронный ресурс] // Теоретическая и прикладная лингвистика: Межвузовский сб. науч. трудов. Воронеж, 2002. Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. URL: <http://tpl1999.narod.ru/index/0-57> (дата обращения – 25.10.2012).

Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. Изд. 2-е, стереотип. М.: УРСС, 2003. 244 с.

Шмелев Д.Н. Эвфемизм // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979. 486 с.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: 1974. 320 с.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: «Симпозиум», 2006. 544 с.

Эпштейн М.Н. Идеология и язык. (Построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. 1991. №6. С.19-33.

Эпштейн М.Н. Язык политизируется там, где отсутствует политика [Электронный ресурс] // Огонёк. №51 (5260). URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2092598> (дата обращения – 18.01.2013).

Эпштейн М.Н. Язык лукавого раба [Электронный ресурс] // Гефтеровские чтения – 2012. URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Yazyk-lukavogo-raba> (дата обращения – 18.01.2013).

Ягунова Е.В. Эксперимент в психолингвистике: конспекты лекций и методические рекомендации: учеб. пособ. для вузов. СПб.: Издательство «Остров», 2005. 51 с.

Якубинский Л.П. Ф.де Соссюр о невозможности языковой политики // Избранные работы. Язык и его функционирование. М., 1986. С. 71-82.

Barsalou L.W. Frames, concepts, and conceptual fields // Lehrer A. & Kittay E.F. (Eds.). Frames, fields, and contrasts: New essays in semantic and lexical organization. Hillsdale, NJ etc.: Lawrence Erlbaum, 1992. Pp.21-74.

Deese J. On the structure of associative meaning. Psychological Review, 69(3), 1962. Pp. 161–175.

Dijk T.A. van Semantics of a press panic: the Tamil 'invasion' // «European journal of communication». Vol. 3. 1988. P. 182.

Dijk T.A. van Ideology and discourse. A multidisciplinary introduction, 2001 [Электронный ресурс]. URL: www.discourses.org/Unpublished/ideo-dis2.htm (дата обращения – 24.09.2012).

Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks // Cognitive linguistics: basic readings / edited by Dirk Geeraerts. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. P. 303-371.

Hodge R., Kress G. Language as Ideology. New York: Routledge, 1993. 230 p.

Kess J. Psycholinguistics: Psychology, linguistics and the study of natural language. Amsterdam/Philadelphia, 1993. P. 298.

Linke A., Nussbaumer M., Portmann P.R. Studienbuch Linguistik. Tybingen: Max Niemeyer Verlag, 1996. P. 311-323.

Wierzbicka A. English: Meaning and Culture. Oxford: Oxford University Press, 2006. 352 p.

Wodak R. Critical Discourse Analysis at the End of the 20th Century // Research on Language and Social Interaction. 1999. № 32 (1–2). P. 185–193.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНЫХ ИЗДАНИЙ

Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. 1306 с.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-ое, стереотип. М., «Сов. Энциклопедия», 1969. – 608 с.

Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://slovo.ru/> (дата обращения 15.01.2013)

Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) [Электронный ресурс]. М.: Азбуковник, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php?> (дата обращения: 25.02.2013).

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1976. 544 с.

Словарь русского языка в 4-х томах [Электронный ресурс] / под ред. Е.П. Евгеньевой. М., 1999. URL: <http://www.sprinter.ru> (дата обращения: 19.05.2012).

Толковый словарь русского языка / В.И. Даль [Электронный ресурс]. М., 2009. URL: <http://www.sprinter.ru> (дата обращения: 20.05.2012).

Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс]. М., 1935-1940. URL: <http://tolkslovar.ru/> (дата обращения: 12.09.2012).

Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой.
М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

Академик словари [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru>
(дата обращения – 12.04.2013).

Библиотека Гумер [Электронный ресурс]. URL: www.gumer.info (дата
обращения: 17.10.2012).

Википедия [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата
обращения – 10.03.2013)

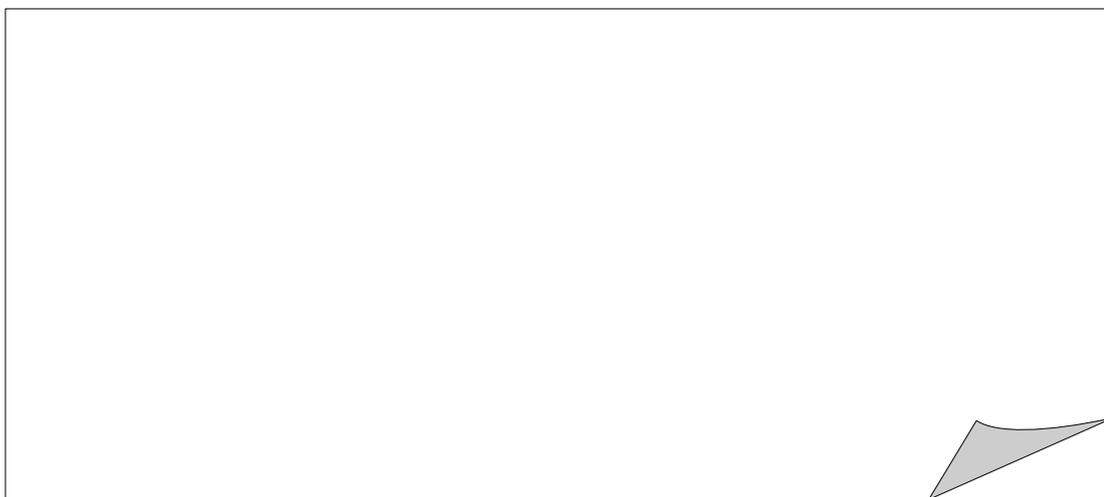
Гуманитарные словари и энциклопедии [Электронный ресурс].
URL: [http://onlineslovari.com/entsiklopediya_epistemologii_i_filosofii_nauki/pag
e/yazykovyie_konventsii.909](http://onlineslovari.com/entsiklopediya_epistemologii_i_filosofii_nauki/page/yazykovyie_konventsii.909) (дата обращения – 20.12.2012)

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL:
<http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения – 25.04.2013).

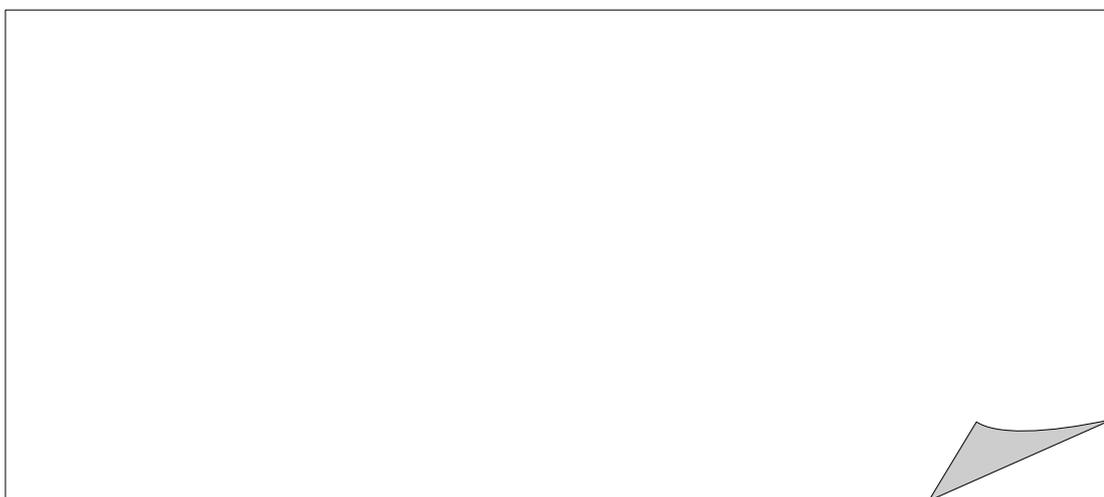
Служба тематических толковых словарей [Электронный ресурс].
URL: <http://www.glossary.ru> (дата обращения – 12.04.2012).

**Примеры бланков опроса для САЭ и
процедуры субъективного дефинирования №1**

1) САЭ

A large, empty rectangular box with a thin black border, intended for handwritten responses. The bottom-right corner of the box is folded over, creating a grey triangular shadow.

2) СУБЪЕКТИВНОЕ ДЕФИНИРОВАНИЕ

A large, empty rectangular box with a thin black border, intended for handwritten responses. The bottom-right corner of the box is folded over, creating a grey triangular shadow.

Всего 12 слов-стимулов: МИРОЛЮБИЕ, ПРИМИРЕНЧЕСТВО, НАРОД, ЭЛЕКТОРАТ, ОСВОБОЖДЕНИЕ, ВТОРЖЕНИЕ, СВОБОДА, ГЛАСНОСТЬ, СТРАНА, ГОСУДАРСТВО, ВЛАСТЬ, ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Примеры ассоциаций, полученных в результате САЭ

Исходное слово	Реакции
СВОБОДА	Независимость (9), равенство (8), птица (3), амнистия (3), отдых (2), мир (3), жизнь (2), простор (2), свобода слова (2), одиночество (2), путешествие автостопом, путешествие, дом, полет (3), плюрализм, дух, мечта, ветер, спокойствие и др.
ГЛАСНОСТЬ	Свобода слова (5), открытость (5), голос (3), телевидение (2), новости (2), политика (2), телевизор, президент, Жириновский, доступность информации, аудитория, публицистичность, оратор, взаимодействие, СМИ, выборы и др.
МИРОЛЮБИЕ	Доброта (7), милосердие (3), мир (2), хиппи (6), любовь (6), дружба (3), люди, пацифизм (3), люди, праздник, новый год, человек, жизнерадостность, доброта к окружающим и др.
ПРИМИРЕНЧЕСТВО	1 отказ, согласие (5), компромисс (4), договор (4), дружба (3), мир (4), смирение (3), равнодушие, спокойствие, цветы, сладости и др.
ОСВОБОЖДЕНИЕ	Забота, счастье, выходной, каникулы (2), свобода (3), амнистия (3), независимость (2), выход (2), плен (2), осуждение, революция, борьба, радость (2) и др.
ВТОРЖЕНИЕ	НЛО (3), звездные войны, врываться, инопланетяне (3), война (3), Германия (2), неприятность, частная собственность, угроза, нарушение (2) и др.
СТРАНА	Россия (6), Англия, Родина (3), путешествие, восходящего солнца, государство (4), Франция,

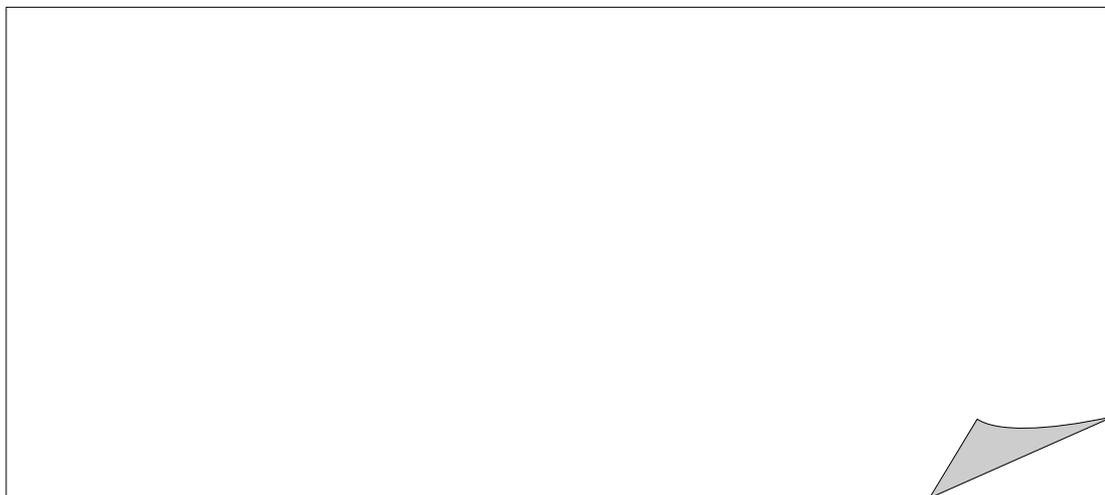
	чистая, грязная, территория, объединяющая множество народов, путешествие, открытие и др.
ГОСУДАРСТВО	Власть (5), люди, правительство (6), сила, правление, коррупция, авторитет, социализм (2), президент (3), страна (3), Государственная Дума и др.
НАРОД	Люди (4), язык (3), общность (2), менталитет (2), толпа, крестьяне, раса, страна (2), доверенность, нация (2), пролетарий, ведомость, этнос, собрание, самовлюбленный, национальность, дух и др.
ЭЛЕКТОРАТ	Депутат (4), выборы (4), власть (3), народ, референдум, правительство и др.
ВЛАСТЬ	Сила (12), президент (5), мощь (3), могущество (2), Кремль, Медведев, правление, авторитет, политика, Дума, жестокость, абсолютная монархия и др.
ПРАВИТЕЛЬСТВО	Президент (6), власть (5), государство (5), закон (4), порядок (3), законодательство (2), государственная дума, верховная рада, Единая Россия, министры, постановление и др.

Примеры субъективного дефинирования №1

Исходное слово	Реакции
СВОБОДА	когда ни от кого не зависишь (4); предоставление выбора (3); возможность выбора (2); открытость (2); возможность поступать в соответствии с личными приоритетами; жизнь по своим правилам и др.
ГЛАСНОСТЬ	свобода слова (7); открытость(4); независимость (3); свобода мысли (4); согласие (2); публичность; возможность открыто заявлять свое мнение; возможность свободных выборов и др.
МИРОЛЮБИЕ	любовь к окружающему миру (7); нежелание вступать в конфликт; решение проблем без агрессии; доброта к окружающим; способность лояльно относиться к окружающему миру и др.
ПРИМИРЕНЧЕСТВО	стремление к миру (4); жизнь в мире (2); когда люди мирятся друг с другом; способность мириться; решение проблем мирным путем; терпимость к людям; принятие чего-либо как должного и др.
ОСВОБОЖДЕНИЕ	уход из-под стражи; избавление от нежелательных действий; снятие наказания за неправомерное действие; процесс предоставления свободы; свобода от проблем; выход из тюрьмы и др.
ВТОРЖЕНИЕ	проникновение в личное пространство; нападение; внедрение в чужую жизнь; покушение на чью-то территорию; нарушение территориальных границ и др.
СТРАНА	страна, имеющая власть; определенная территория;

	страна со своим правительством; суверенная держава и др.
ГОСУДАРСТВО	определенная зона; территория; место, где проживает определенный народ; общество, имеющее свою территорию; совокупность людей и городов; группа людей и др.
НАРОД	Люди (10); жители одной территории, живущие в одной стране; все население Земли; марионетки государства; «единая» и «дружная» толпа; загнанная лошадь и др.
ЭЛЕКТОРАТ	люди (7); голосующий народ; которые выбирают, люди; имеющие право выбора; несчастные люди; когда нет выбора, но приходится выбирать и др.
ВЛАСТЬ	обладание полномочиями (3); управление чем-либо (2); руководство государством; максимум полномочий, сила и влияние; большое количество денег и др.
ПРАВИТЕЛЬСТВО	орган управления государством; шайка мошенников; организация людей, состоящая из партий; далекое и нелюбимое мной явление; управление страной; главный государственный аппарат; группа лиц и др.

**Пример бланков опроса процедуры
субъективного дефинирования №2**

Всего 14 слов-стимулов: ИСТИНА, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, НРАВСТВЕННОСТЬ, ЧЕСТЬ, МЕНТАЛИТЕТ, УБЕЖДЕНИЕ, ГРАЖДАНИН, ЧЕЛОВЕК, НАЦИОНАЛИЗМ, ПАТРИОТИЗМ, БОРЬБА, ПОЕДИНОК, КОЛЛЕКТИВ, ОБЩЕСТВО.

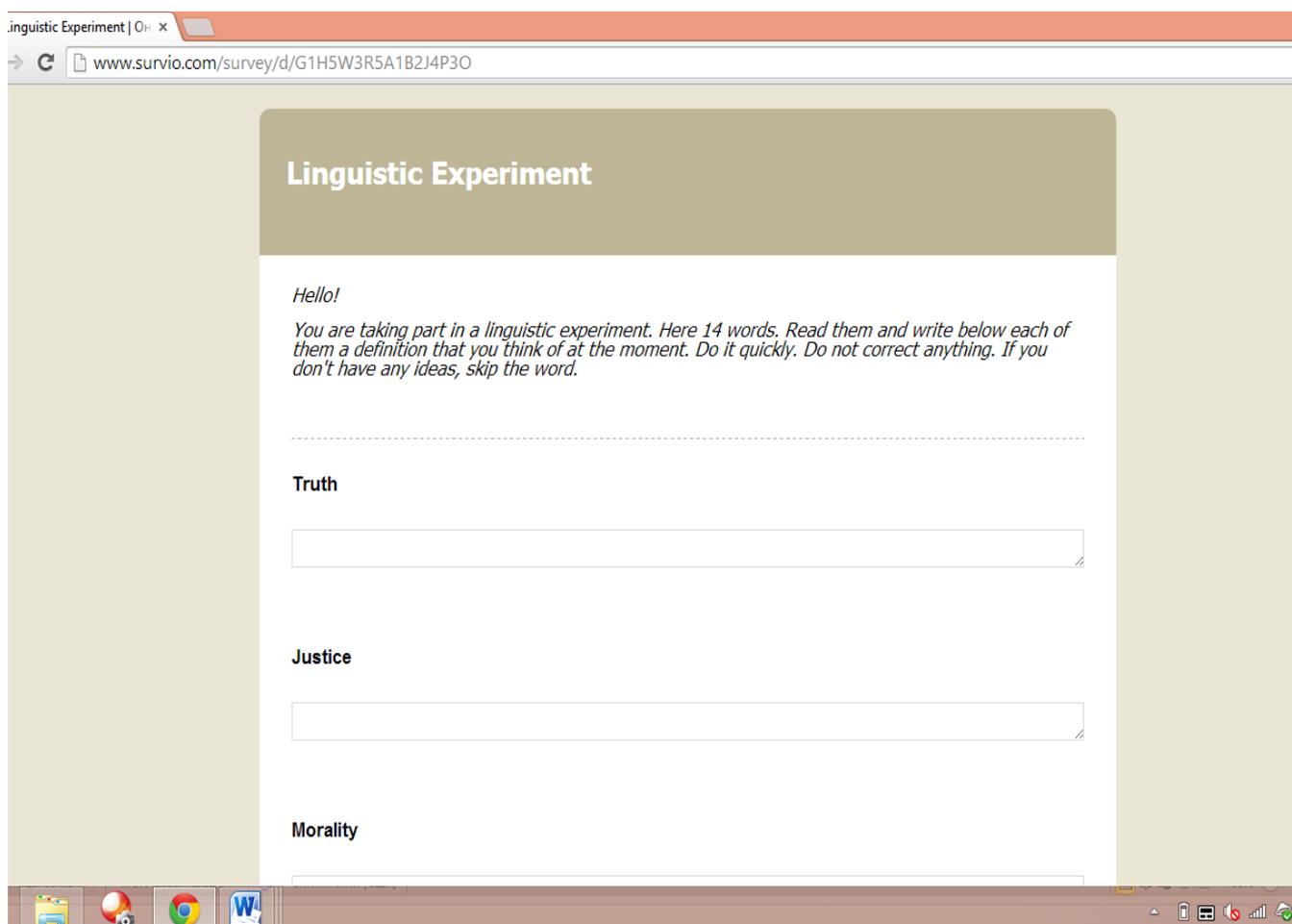
Примеры субъективного дефинирования №2

<p>ИСТИНА</p>	<p>правда (9), устоявшиеся догмы;; понятие относительное; верное соответствие; здравомыслие; вино; x-files; недостижимо; где-то рядом; аксиома; то, что ребенок считает хорошим, исчерпывающее знание; степень совершенства; правильность; знание; то, что вечно уходит из рук; утверждение; то, что проверено опытом; познание и др.</p>
<p>СПРАВЕДЛИВОСТЬ</p>	<p>честность (3); равенство (2); правда; объективность; соответствие критерию правды; честный поступок; оценка результатов; соответствие морали; высший суд; равноправие и др.</p>
<p>НАЦИОНАЛИЗМ</p>	<p>фашизм (3); любовь к Родине (2); идеологическая направленность; неприязнь к другим нациям; пренебрежение к людям; фашистская идеология; ненависть; прославление своей нации; направление идеологии; убеждения в политике; направление политики и др.</p>
<p>ПАТРИОТИЗМ</p>	<p>любовь к Родине/стране/Отечеству (16); верность своей стране (2); долг Родине; защита своей Родины; заслуживает уважения; напускная любовь к Родине; уважение к своим традициям; любовь к чему-либо и др.</p>
<p>НРАВСТВЕННОСТЬ</p>	<p>мораль (4); соблюдение норм (2); мораль; мера поведения; умение управлять собой; забытая черта характера; кисейная барышня; чистая совесть и честь; устав монастыря; чистота мыслей, роскошь в</p>

	наше время; хорошее поведение; духовное воспитание; правильные мысли и действия и др.
ЧЕСТЬ	достоинство (7); порядочность (3); высокий нравственный порог; высокая ступень личности; обязанность человека; нравственное качество человека; редкость; хорошая репутация; красивое слово; и др.
МЕНТАЛИТЕТ	характер людей (4); русская душа; поведение человека; мои убеждения; особенности мышления; русское «авось»; восприятие действительности; наша сущность; темперамент; особенности мышления народа и др.
УБЕЖДЕНИЕ	знание (5); мировоззрение (4); точка зрения (3); наставление (2); твердая уверенность; навязывание своего мнения; навязанное обществом психотерапия; искусство и др.
БОРЬБА	соперничество (6); война (2); соревнование (2); противостояние чему-либо; применение силы; разногласие; выживание; сражение; конфликт; правое дело; преодоление трудностей и др.
ПОЕДИНОК	бой (2); борьба (2); бой один на один (3); схватка; соперничество; страшно; столкновение идей; ток-шоу и др.
КОЛЛЕКТИВ	группа людей (6); группа людей, работающих вместе (2); Советский Союз; рабочий класс; мое окружение на работе; советская идеология; совковая политика; трудовая ячейка; развитие общества и др.
ОБЩЕСТВО	объединение/группа людей (6); окружение (2);

	совокупность групп людей; объединение людей; высший свет; сборище людей; цивилизация; люди; окружающий социум; часть мира; первобытные люди и др.
ГРАЖДАНИН	человек (10); человек с правами и обязанностями (2); индивид (3); ответственный житель страны; учтенный житель; человек из общества; представитель государства; личность (3) и др.
ЧЕЛОВЕК	Индивид (7); личность (3); высшая ступень развития (2); социальное и биологическое существо; образ и подобие Бога; разумное существо; высокоразвитый биологический вид; общественное существо; разрушитель и др.

Скриншот лингвистического эксперимента, проведенного среди носителей
английского языка

Всего 14 слов-стимулов: TRUTH – JUSTICE, MORALITY – HONOUR,
MENTALITY – OPINION, CITIZEN – PERSON, NATIONALISM –
PATRIOTISM, FIGHT – DUEL, GROUP - SOCIETY